

The Age of Madness

ДЖО АБЕРКРОМБИ

НЕМНОГО НЕНАВИСТИ

«Водоворот экшена и черного юмора».

fanzon

Джо Хилл

Fantasy World. Лучшая современная фэнтези

Джо Аберкромби

Немного ненависти

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Аберкромби Д.

Немного ненависти / Д. Аберкромби — «Эксмо»,
2019 — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези)

ISBN 978-5-04-104726-9

В Адуе наступают новые времена. Савин дан Глокта – финансист, инвестор и дочь самого пугающего человека в Союзе – всеми средствами стремится к вершине прогнившего высшего общества. Трущобы кипят от ярости, которую не могут удержать все деньги мира. Лео дан Брок пытается завоевать славу на залитых кровью границах Инглии. Он хочет победить мародерствующие армии Стура Сумрака и рассчитывает на помощь короны. Эра машин наступает, но эпоха магии отказывается умирать. Дочь Ищейки, юная Рикке учится владеть даром Долгого Взгляда. Но как изменить открывшееся будущее, когда Первый из магов продолжает играть людьми и государствами, словно марионетками...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-104726-9

© Аберкромби Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Часть I	6
Благословения и проклятия	6
В гущу сражения	14
Чувство вины – это роскошь	20
Вести счет	23
Небольшое публичное повешение	29
Ломатели	38
Ответ на твои слезы	43
Молодые герои	46
Выбрать момент	51
То, что они любят	58
Ничего хорошего	62
Море бизнеса	69
Фехтование с отцом	76
Фехтование с отцом	82
Обещания	87
Удар за простого человека	93
Знать стрелу	96
Проводить время и терять время	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Джо Аберкромби

Немного ненависти

Joe Abercrombie

A Little Hatred

Copyright © 2019 by Joe Abercrombie First published by Gollancz, an imprint of The Orion Publishing Group Ltd., London

© Иванов В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

«Водоворот экшена и черного юмора».

Джо Хилл

«Джо Аберкромби смело назвать самым ярким автором фэнтези своего поколения, и блестящее начало новой трилогии стало убедительным тому доказательством».

Мир фантастики

«Аберкромби продолжает быть лучше всех... Пристегните ремни!»

Робин Хобб

Посвящается Лу – с беспощадными, суровыми объятиями.

Часть I

«Наш век помешался на нововведениях; любое предприятие в мире должно вестись каким-либо новым путем».
Доктор Джонсон

Благословения и проклятия

– Рикке!

Она разлепила один глаз. В щелку вонзился тошнотворно яркий свет дня.

– Возвращайся.

Вытолкнув изо рта языком мокрый от слюны штифт, она прохрипела единственные слова, которые пришли ей на ум:

– Твою мать!

– Молодец, девочка!

Изерн присела рядом на корточки. На ее ожерелье плясали руны и фаланги человеческих пальцев. Она ухмылялась своей кривой ухмылкой, демонстрируя дыру в зубах. И не предлагая ровным счетом никакой помощи.

– Что ты видела?

Подтянув одну неподъемную руку, Рикке обхватила голову ладонью. Казалось, если сейчас не придержать череп, он взорвется. На внутренних сторонах век еще тлели образы, похожие на плывущие перед глазами пятна, если смотреть на солнце.

– Я видела людей, которые падали с высокой башни... Десятки людей.

Она вздрогнула при мысли о том, как они ударятся о землю.

– Я видела, как людей вешали... Целыми рядами.

В животе у нее сжалось при воспоминании о покачивающихся телах, судорожно дрыгающих ногах.

– Я видела... наверное, это была битва? Под красным холмом.

– Мы на Севере, – фыркнула Изерн. – Здесь не нужна магия, чтобы предвидеть, что скоро будет битва. Что еще?

– Я видела горящий Уфрис.

В ноздрах у Рикке до сих пор стоял запах дыма. Она прижала ладонь к левому глазу: он был горячим. Обжигающе горячим.

– Что еще?

– Я видела, как волк проглотил солнце. Потом волка проглотил лев. Потом льва проглотил ягненок. Потом ягненка проглотила сова.

– Должно быть, это была не сова, а настоящее чудовище.

– Может, ягненок был совсем маленький? Но что все это значит?

Изерн поднесла кончик указательного пальца к рассеченным шрамом губам, как делала всегда, когда собиралась изречь что-нибудь глубокомысленное.

– Чтоб меня разнесло, если я понимаю. Будем надеяться, что очередной поворот колеса времени раскроет перед нами секреты твоих видений.

Рикке сплюнула, но во рту у нее все равно стоял вкус отчаяния.

– То есть... сидеть и ждать?

– В одиннадцати случаях из дюжины это наилучший выбор. – Изерн почесала ямку у себя на шее, над воротником, и подмигнула: – Но если бы я так сказала, никто не стал бы считать меня такой уж мудрой.

– Ну, два из секретов я могу раскрыть прямо сейчас. – Рикке приподнялась, опершись на локоть, и застонала. – У меня раскалывается голова, и к тому же я обделалась.

– Второе – вовсе не секрет. Достаточно иметь нос, чтобы быть в курсе.

– «Дерьмовая Рикке», так меня будут называть. – Наморщив нос, она попыталась подвигнуться. – И не в первый раз.

– Твоя проблема в том, что тебя заботит, как тебя называют.

– Моя проблема в том, что на мне лежит это проклятье, эти припадки.

Изерн постучала кончиком пальца под своим левым глазом.

– Ты называешь это проклятьем и припадками, а я – благословением и даром Долгого Взгляда.

– Ха!

Перевернувшись, Рикке встала на колени, но ее желудок продолжал движение, подкачив к горлу щекоткой рвоты. Мертвые свидетели, какой же разбитой и вымотанной она себя чувствовала! Как после ночи, проведенной за кружкой эля, только мерзких ощущений вдвое больше, а приятных воспоминаний ни одного.

– Не сказала бы, что это так уж похоже на благословение, – пробормотала она после того, как отважилась осторожно рыгнуть и поборола реакцию своих внутренностей, склонив их к ничьей.

– Благословения редко бывают без скрытого внутри проклятия, так же как и в любом проклятии обычно есть щепотка благословения. – Изерн отрезала от высушенного куса чагги небольшой ломтик. – Как чаще всего бывает, все зависит от того, с какой стороны посмотреть.

– Очень глубоко!

– Как всегда.

– Наверное, те, у кого не так болит голова, могли бы больше оценить твою мудрость.

Изерн облизнула кончики пальцев, скатала ломтик чагги в шарик и протянула Рикке.

– Я бездонный кладезь откровений, беда лишь в том, что невежду не заставишь пить из него. Давай снимай свои штаны. – Она засмеялась своим резким, неприятным смехом: – Немало мужиков желало бы услышать от меня эти слова!

Рикке села, привалившись спиной к одному из увенчанных снежными шапками стоячих камней, щурясь на солнце, сверкающем среди обсыпанных каплями веток. меховой плащ, подарок отца, обнимал ее за плечи, свежий ветерок обдувал голую задницу. Она жевала катышек чагги, а ее пальцы с окаймленными черным ногтями металась по всему телу, преследуя возникающие то там, то здесь очаги зуда, пытаясь успокоить растрепанные нервы, отбросить воспоминания об этой башне, обо всех этих повешенных, о горящем Уфресе...

– Видения... – пробормотала она. – Если это не проклятие, то что?

Изерн, хлюпая башмаками, взобралась на берег, держа в руках мокрые штаны Рикке.

– Вот, чистые, как свежий снег! Теперь от тебя будет пахнуть только юностью и разочарованием.

– Кто бы говорил о запахах, но не ты, Изерн-и-Фейл!

Подняв жилистую, покрытую татуировками руку, Изерн понюхала у себя под мышкой и удовлетворенно выдохнула.

– А что такого? Здоровый, крепкий аромат женщины, как раз такой, какой больше всего любит луна. Если тебя беспокоят запахи, ты выбрала себе не ту компанию.

Рикке сплюнула, но уверенного плевок не получилось, и большая часть сока чагги оказалась у нее на подбородке.

– Если ты думаешь, будто я здесь что-то выбирала, значит, ты совсем сбрендила.

– То же самое говорили о моем папаше.

– Он-то был безумнее мешка с филинами, ты всегда так говорила.

– Хех! Что для одних сумасшедший, то для других – выдающаяся личность. Нужно ли говорить, что ты и сама далека от обыденности? На этот раз ты так сильно оттолкнулась от земли, что едва не вылетела из своих башмаков. В будущем, наверно, придется тебя привязывать, не то ты окончательно съедешь с катушек. Будешь пускать слюни, как мой братец Брейт – он-то, между прочим, хотя бы держит свое дерьмо при себе.

– Вот уж спасибо тебе за заботу!

– Не благодари. – Изерн составила вместе кончики больших и указательных пальцев и, прищурившись, посмотрела в ромбовидную дырочку на солнце. – Нам давно пора в путь. Сегодня день возвышенных подвигов! Или, скорее, низменных.

Она бросила штаны Рикке на колени.

– Давай одевайся.

– Что, прямо мокрые? Они же будут натирать!

– Натирать? – фыркнула Изерн. – И это все, что тебя беспокоит?

– Моя голова до сих пор болит так, что аж зубы ноют. – Рикке хотелось закричать, но она знала, что это будет чересчур мучительно, поэтому пришлось обойтись тихим хныканьем. – Чего мне сейчас совсем не нужно, так это дополнительных мелких неудобств.

– Жизнь *состоит* из мелких неудобств, девчонка! По ним ты узнаешь, что еще жива. – Изерн снова разразилась своим лающим смехом и весело хлопнула Рикке по плечу так, что та чуть не упала. – Нет, если тебе так больше нравится, можешь идти, светя своей пухлой белой задницей. Но так или иначе, а мы отправляемся прямо сейчас.

– Проклятие, – ворчала Рикке, залезая непослушными ногами в мокрые штаны. – Точно проклятие!

* * *

– Так, значит... ты действительно думаешь, что у меня Долгий Взгляд?

Изерн шагала через лес своей небрежной размашистой походкой, за которой Рикке, к ее замешательству, никак не удавалось поспеть – она все время оказывалась на полшага позади, как бы быстро ни шла.

– Ты действительно думаешь, что я бы стала тратить на тебя силы, если бы его не было?

– Наверное, нет, – вздохнула Рикке. – Просто в песнях это такая штука, благодаря которой колдуны, маги и всякие ведуны могут прозревать туманы грядущего. А не такая, из-за которой человек, как идиот, валяется на земле и гадит себе в штаны.

– Если ты не замечала, у бардов есть такой обычай – приукрашивать. Видишь ли, за песни о мудрых ведуньях очень неплохо платят, а про обгадившихся идиотов – гораздо меньше.

Рикке с грустью признала, что это верно.

– Кроме того, доказать, что у тебя действительно есть Долгий Взгляд, не так-то просто. Его невозможно раскрыть силой. Его необходимо выманить наружу. – Изерн пощекотала Рикке под подбородком, заставив ее отдернуть голову. – Отвести его к священным местам, где старые камни стоят так, чтобы луна светила на них во всю свою силу. И даже в этом случае он будет видеть лишь тогда, когда сам захочет видеть.

– Да, но... Уфрис в огне? Как такое может случиться?

Теперь, когда они спустились с Высокогорья и понемногу приближались к дому, Рикке начинала ощущать в груди тяжесть беспокойства. Видят мертвые, она далеко не всегда была счастлива в Уфрисе, однако вовсе не желала видеть его пылающим.

– Да как угодно. Небрежное обращение с огнем при готовке, к примеру. – Глаза Изерн скользнули вбок. – Хотя я бы сказала, что здесь, на Севере, города чаще всего горят из-за войны.

– Из-за войны?

– Ну да. Это когда в потасовке участвует столько народу, что от нее почти никто не выигрывает.

– Я знаю, что такое война, черт возьми! – Рикке чувствовала между лопатками каменеющий островок страха, который было невозможно стряхнуть, как бы она ни двигала плечами. – Но ведь на Севере был мир с тех пор, как я себя помню!

– Мой папаша говаривал, что мир – это время, когда умные люди готовятся к кровопролитию.

– Твой папаша был безумнее, чем сапог, полный навоза!

– А твой папаша что говорил? Мало людей могут потягаться здравомыслием с Ищейкой. Рикке снова передернула плечами, но ничего не помогало.

– Он говорил: «Надейся на лучшее, но готовься к худшему».

– Здравый совет, как на мой взгляд.

– Но ему довелось жить в темные времена. Он вечно сражался, сперва с Бетодом, потом с Черным Доу. Тогда все было по-другому.

Изерн фыркнула.

– Ничего подобного. Я была рядом, когда твой отец сражался с Бетодом, там, наверху, в Высокогорье, рядом с Девятипалым.

Рикке изумленно моргнула.

– Тебе же не могло быть больше десяти лет!

– Достаточно, чтобы убить человека.

– Что?!

– Обычно я таскала папашин молот, потому что самые маленькие должны нести самую большую тяжесть, но в тот день он захотел драться молотом, поэтому я взяла его копьё. Вот это самое копьё. – Его тупой конец отстукивал ритм их шагов по горной тропинке. – Папаша завалял одного мужика, тот пытался подняться, и я его заколола. Проткнула ему жопу до самого брюха.

– Вот этим копьём?

Рикке привыкла думать о нем просто как о палке, которую носила с собой Изерн. Палке, один конец которой по какой-то причине был замотан в оленью шкуру. Ей не хотелось думать о том, что там, внутри, скрывается лезвие. И в особенности не хотелось представлять, что это лезвие побывало в заднице какого-то несчастного.

– Ну, с тех пор оно несколько раз сменяло древко, но...

Изерн встала как вкопанная, подняв татуированную руку и сузив глаза. До слуха Рикке доносился лишь шорох ветвей, кап-кап-капанье тающего снега да чик-чирикание птичек среди набухающих почками деревьев.

Рикке наклонилась к ней.

– В чем де...

– Наложь стрелу на лук и отвлеки их болтовней, – прошептала Изерн.

– Кого?

– Если не получится, покажи им зубы. Твои зубы просто дар богов!

И она метнулась прочь с дороги, скрывшись среди деревьев.

– Мои зубы? – зашипела Рикке, но юркая тень Изерн уже исчезла в зарослях колючего кустарника.

Только теперь она услышала мужской голос:

– Ты уверен, что это та дорога?

Лук висел у нее на плече – она надеялась встретить оленя. Рикке скинула его, торопливыми пальцами достала стрелу, едва не уронив, и кое-как сумела наложить, невзирая на шквал нервных подергиваний, охвативших ее руку.

– Нам сказали пошарить в лесу. – Другой голос, более жесткий. Более страшный. – Как по-твоему, это лес?

Рикке запаниковала, внезапно решив, что стрела может быть на белку; проверила – нет, это была нормальная стрела, с широким наконечником.

– Ну так, перелесок.

Смех.

– Мать твою, а в чем разница?

Из-за поворота показался пожилой человек. В руке у него был посох, но когда он наклонил его, в пятнах солнечного света сверкнул металл, и Рикке осознала, что это был не посох, а копьё. В этот момент беспокойство разрослось из островка между ее лопатками до самых корней волос.

Их было трое. У пожилого был несчастный вид, словно он не имел никакого желания участвовать во всем этом. Следом показался нервный паренек, несущий щит и короткий топорик. И, наконец, за ними шел здоровенный мужик с густой бородой и не менее кустистыми насуспенными бровями. Его вид совсем не понравился Рикке.

Отец всегда говорил ей не направлять на людей стрелы, если не хочешь видеть их мертвыми, поэтому она подняла наполовину натянутый лук так, чтобы стрела смотрела на дорогу.

– Советую вам остановиться.

Старик воззрился на нее.

– Девочка, у тебя кольцо в носу.

– Я знаю. – Рикке высунула язык и прикоснулась к нему кончиком. – Оно держит меня на привязи.

– Что, иначе ты улетишь?

– Не я. Мои мысли.

– Оно золотое? – спросил парень.

– Медное, – солгала Рикке, помня, что из-за золота неприятная встреча может превратиться в смертельно опасную.

– А это что за рисунок?

– Знак креста – благоприятный знак, которому покровительствует луна. Долгий Взгляд зарождается в левом глазу, а крест позволяет ему оставаться твердым и прямым в туманах грядущего.

Она повернула голову и сплюнула сок чагги, не отводя глаз от пришельцев. Потом добавила:

– Возможно, – поскольку не была уверена, что крест имел хоть какое-то действие, помимо того что испачкал ей подушку, когда она однажды вечером забыла стереть его со щеки.

Она не одна усомнилась в своих словах.

– Ты что, сумасшедшая? – прорычал здоровяк.

Рикке вздохнула: этот вопрос ей задавали далеко не в первый раз.

– Что для одних сумасшедший, для других – выдающаяся личность.

– Положила бы ты куда-нибудь этот лук, – заметил старик.

– Мне он нравится там, где есть.

Впрочем, это уж точно была ложь – лук в ее ладони был уже весь липкий от пота, плечо болело от усилия держать его полунатянутым, а в шее начиналась судорога, и Рикке боялась, что может случайным рывком спустить тетиву.

По всей видимости, парень доверял ей еще меньше, чем она сама. Его глаза испуганно выглядывали над краем щита. Только сейчас Рикке заметила, что на нем было изображено.

– У тебя на щите волк! – сказала она.

– Знак Стура Сумрака, – прорычал здоровяк с ноткой гордости в голосе.

Рикке увидела, что на его щите тоже было изображение волка, только стертое почти до самого дерева.

– Так вы люди Сумрака? – Страх уже разлился по всему ее телу до самых кишок. – Что вам здесь понадобилось?

– Положить конец Ищейке и его банде жополизов. Снова вернуть Уфрис Северу, где ему и место.

– Вот уж черта с два!

Костяшки пальцев Рикке на луке побелели, ее страх превратился в гнев.

– Поздно, – пожал плечами старик. – Это уже происходит. Единственный вопрос, поднимешься ты вместе с победителями или тебя положат в грязь рядом с проигравшими.

– Сумрак – величайший воин после Девятипалого! – пропищал юнец. – Он отвоюет Инглию и выгонит с Севера всех союзников!

– Союзников?..

Рикке снова взглянула на волчью голову, халтурно намалеванную на его халтурно состряпанном щите.

– Волк, проглотивший солнце, – прошептала она.

– Нет, она точно спятила! – Здоровяк сделал шаг вперед. – Давай-ка, положи свой...

Его речь оборвалась долгим хрипом, рубашка спереди оттопырилась, и из-под нее показалось блестящее острие.

– А... – проговорил он, падая на колени.

Паренек повернулся к нему.

Стрела Рикке воткнулась ему в спину, как раз под лопаткой.

– А... – сказала в свою очередь и Рикке, не вполне уверенная, что собиралась спускать тетиву.

Взблеск металла – и голова старика дернулась: острие копья Изерн засело у него в горле. Он уронил собственное копье и потянулся к ней неловкими пальцами.

– Куда?!

Изерн шлепком отбросила его руку и вырвала лезвие. Из раны хлынул черный поток. Старик задергался на земле, копошась пальцами в огромной ране у себя на шее, словно мог остановить вытекающую толчками жидкость. Он пытался что-то сказать, однако стоило ему выплюнуть кровь, как его рот снова наполнялся ею. Потом он перестал двигаться.

– Ты их убила!

Рикке вся горела. На ее руках поблескивали красные капли. Здоровяк лежал лицом вниз, его рубашка потемнела от крови.

– Ну, этого убила ты, – отозвалась Изерн.

Паренек так и стоял на коленях, дыша коротко и сипло. Он завернул руку за спину, пытаясь дотянуться до древка стрелы – хотя Рикке не знала, что бы он стал делать, даже если бы достал его кончиками пальцев. Скорее всего, он и сам не знал. В этот момент Изерн была единственной, кто сохранил ясность мышления. Наклонившись к парню, она спокойно вытащила у него из-за пояса нож.

– Я-то надеялась задать ему пару вопросов, но сейчас ответов от него уже не дождешься, с этой деревяхой у него в легких.

Словно в подтверждение ее слов, он выкашлял немного крови в подставленную ладонь и посмотрел поверх нее на Рикке. Вид у него был немного оскорбленный, словно она сказала ему что-то обидное.

– Что ж, никто не получает всего, чего ему хочется.

Рикке аж подпрыгнула от хруста, раздавшегося, когда Изерн вогнала пареньку в темя острие его собственного кинжала. Его глаза закатились, ноги задергались, спина выгнулась дугой. Наверное, вот так же выглядела она сама, когда на нее накатывал припадок.

Волоски на предплечьях Рикке стояли дыбом. Наконец парень обмяк и затих. Она еще ни разу не видела, как убивают человека. Все произошло так быстро, что она не успела решить, что должна чувствовать в связи со случившимся.

– Они показались мне неплохими людьми, – сказала она.

– Для девчонки, пытающейся проникать взглядом сквозь туманы грядущего, ты напрочь упускаешь то, что находится прямо перед тобой, – отозвалась Изерн, которая уже шарилась по карманам старика, высунув кончик языка в дырку между зубами. – Жди, пока люди покажутся тебе плохими, и ты поймешь, что ждала слишком долго.

– Мы могли бы дать им шанс.

– Шанс на что? Отправить тебя в грязь? Или притащить к своему Стуру Сумраку? Ты бы очень быстро перестала беспокоиться из-за натирающих штанов! У этого парня очень дурная репутация. – Взяв старика за одну ногу, она сволокла его с тропинки в заросли кустов и швырнула вслед его копье. – Или ты хотела пригласить их к нам в леса, чтобы танцевать всем вместе в цветочных венках? Переманить их на нашу сторону при помощи моих красивых слов и твоей красивой улыбки?

Рикке сплюнула сок чагги и утерла подбородок, глядя, как кровь расплзается по грязи вокруг пробитой головы паренька.

– Сомневаюсь, что моей улыбки было бы достаточно. А уж твоих слов и подавно.

– В таком случае нам ничего не оставалось, как убить их, верно? Твоя беда в том, что ты вся одно сплошное сердце.

И она ткнула костлявым пальцем Рикке прямо в сосок.

– Ай! – Рикке отступила на шаг, схватившись руками за грудь. – Вообще-то мне больно!

– Вот именно. Сплошное сердце. Поэтому ты и дергаешься от каждого укола и каждого щелчка. Ты должна сделать свое сердце каменным! – Изерн ударила себя кулаком по ребрам, так что фаланги пальцев на ее ожерелье заплясали. – Безжалостность – качество, которому благоволит луна!

Словно чтобы доказать это, она наклонилась, взвалила на себя мертвого парня и сбросила его в кусты.

– Вождь должен быть жестоким, чтобы остальные могли быть помягче.

– Какой еще вождь? – буркнула Рикке, потирая ушибленную грудь.

И тут до нее донесся едва заметный запах дыма, совсем как в ее видении. Он словно бы потянул ее к себе. Не в силах сопротивляться, Рикке двинулась по тропинке в ту сторону.

– Эй! – позвала ей вслед Изерн, уже жуя кусок вяленого мяса, который она выудила из сумки здоровяка. – Мне одной не справиться с этим громилой!

– Нет, – шептала Рикке. Запах пожара становился все сильнее, и все сильнее росло внутри нее беспокойство. – Нет, нет, нет!

Вырвавшись из-под полога леса в холодный свет дня, она сделала еще пару нетвердых шагов и остановилась. Лук едва не вывалился из ее ослабевшей руки.

Утренний туман давно сошел, и вдалеке, за лоскутным одеялом свежесезанных полей, был виден Уфрис, жавшийся к серому морю за своей серой стеной. Где-то там стоял старый замок ее отца с чахлым садом с задней стороны. Скучный, надежный Уфрис, где она родилась и выросла. . . Вот только сейчас он горел, в точности как в ее видении. Огромная колонна черного дыма, клубясь, вздымалась вверх и пачкала небо, уплывая вдаль поверх беспокойных волн.

– Клянусь мертвыми! – прохрипела Рикке.

Изерн вышла из-за деревьев, неся свое копье на плечах, с широкой улыбкой на лице.

– Ты понимаешь, что это значит?

– Война? – прошептала Рикке, объятая ужасом.

– Что? А, ну да. – Изерн махнула рукой, словно это были сущие пустяки. – Но если ближе к делу – я была права!

Она хлопнула Рикке по плечу с такой силой, что едва не сшибла девушку с ног:
– У тебя действительно есть Долгий Взгляд!

В гуще сражения

«В битве, – часто говорил отец Лео, – человек узнает, кто он есть на самом деле».

Северяне уже поворачивались, чтобы бежать, когда его конь врезался в них, словно топор в полено. Лео воспользовался силой своего разгона, чтобы рубануть одного по защищенному шлемом затылку, наполовину оторвав ему голову. Оскалясь, он повернулся на другую сторону. Проблеск лица с разинутым ртом – и его секира раскроила лицо надвое. Черные струи крови брызнули во все стороны.

Другие всадники тоже врубались в ряды северян, раскидывая их как сломанные куклы. Он увидел, как голову одной лошади насадили на пику; ее всадник кувырком полетел вперед, выбитый из седла.

Рядом разлетелось вдребезги чье-то копьё; обломок с гулким лязгом ударился в шлем Лео, но он успел увернуться. Его окружало мелькающее месиво перекошенных лиц, сверкающей стали, вздымающихся тел, наполовину перегородженное забралом его шлема. Визг людей, коней и скрежет металла смешивался в единый несмолкающий грохот, выжимающий из головы остатки мыслей.

Наперерез неслась чья-то лошадь – без всадника, с болтающимися стремями. Конь Риттера. Лео узнал его по желтому чепраку.

Чье-то копьё ткнулось ему в щит, и он покачнулся в седле. Острые соскочило вниз, проскребло по доспеху на его бедре. Его конь, фыркая, попятился; Лео крепче сжал поводья, до боли закаменев лицом в неестественной улыбке, бешено рубя секирой то справа, то слева от себя. Не думая, он врезал по щиту с намалеванным на нем черным волком, пнул противника ногой так, что тот едва не упал назад, и в этот момент блеснул меч Барнивы и отсек северянину руку.

Он увидел, как Белая Вода Йин заносит над головой булаву: рыжие спутанные волосы, из-под них блестят стиснутые зубы. Сразу же позади него Антауп вопил что-то нечленораздельное, выворачивая свое копьё из окровавленной кольчуги. Гловард боролся с одним из карлов – оба безоружные, оба опутанные собственными поводьями. Лео рубанул северянина секирой, попав ему по локтю и выбив сустав; рубанул еще раз, и тот рухнул лицом в грязь.

Он указал секирой на знамя Стура Сумрака: черный волк, пляшущий на ветру. Лео заревел, завыл, надсаживая сорванную глотку. С опущенным забралом никто его не слышал. Никто не услышал бы, даже если бы забрало было поднято. Он сам не понимал, что пытается крикнуть. Оставив попытки, он снова принялся яростно молотить по колышущемуся морю тел.

Кто-то схватился за его ногу. Курчавые волосы. Веснушчатое лицо. Вид донельзя перепуганный – как и у всех здесь. Оружия, похоже, нет. Сдается, что ли? Врезав веснушчатому краем щита по темени, Лео пришпорил коня и втоптал его в грязь.

Здесь не место для благих намерений. Не место для утомительных тонкостей и скучных контраргументов. К черту брюзжание его матери с призывами к терпению и осторожности! Все было восхитительно просто.

«В битве человек узнает, кто он есть на самом деле» – и Лео обнаружил, что он тот самый герой, которым всегда мечтал быть.

Он снова взмахнул секирой, но в ощущении было что-то не так. Головка секиры слетела, оставив в его руке лишь окровавленную палку. Отшвырнув ее, он вытащил свой боевой клинок. Неловкие пальцы в латной перчатке гудели от ударов, рукоять была скользкой от усиливающегося дождя. Внезапно Лео понял, что человек, которого он бьет, уже мертв; его тело привалилось к изгороди, так что казалось, будто он стоит, но из разбитого черепа вываливалось черное месиво. Ну и хорошо.

Северяне уже бежали. Они с воплями рассыпались в стороны, их рубили мечами в спины; Лео гнал их, как скот, в направлении их знамени. Трое всадников удерживали в проходе целую толпу, а Барнива вертелся посередине, рубя во все стороны своим тяжелым мечом. Его покрытое шрамами лицо было сплошь забрызгано кровью.

Знаменосец, гигантского роста, с отчаянными глазами и залитой кровью бородой, все еще вздымал высоко над собой штандарт с черным волком. Пришпорив коня, Лео наехал прямо на него, отбил щитом удар секиры, рубанул мечом. Лезвие проскребло по боковому щитку шлема и глубоко рассекло гиганту лицо, срезав половину носа. Знаменосец пошатнулся, и Белая Вода Йин раздробил ему шлем своей булавой. Из-под обода брызнули струйки крови. Лео пинком опрокинул противника, вырвал древко знамени из его безвольной руки и вознес его вверх – смеясь, кашляя, захлебываясь собственной слюной и снова заходясь хохотом. Петля секиры все еще висела у него на запястье, так что сломанная рукоять стучала его по шлему.

Ну так что, они победили? Он оглянулся, ища новых врагов. Несколько оборванных фигур скачками неслись через пашни, направляясь к далеким деревьям – спасая свои шкуры, бросив оружие. Да, это все.

У Лео болело все тело: ляжки от стискивания боков коня, плечи от махания секирой, пальцы от сжимания поводьев. Даже подошвы ног, казалось, пульсировали от усилий. Его грудь вздымалась, дыхание гулко отдавалось внутри шлема – влажное, горячее, с привкусом соли. Должно быть, где-то прикусил язык. Повозившись с застежкой под подбородком, он в конце концов содрал с себя проклятую штуковину. Череп тут же взорвался от окружающего шума, ярость превратилась в восторг. Шум победы!

Он слез с коня, едва не упав, и принялся взбираться на стену. Под латной рукавицей оказалось что-то мягкое. Труп северянина, из спины торчит обломок копья. Лео не чувствовал ничего, кроме головокружительной радости.

В конце концов, нет трупов – нет славы. Все равно что сожалеть о морковных очистках. Кто-то помогал ему карабкаться, поддерживал твердой рукой. Юранд. Всегда рядом, когда он нужен. Лео выпрямился во весь рост, и к нему повернулись радостные лица его людей.

– Молодой Лев! – проревел Гловард, забираясь на стену рядом с ним и хлопнув по плечу тяжелой рукой. Лео покачнулся, Юранд протянул руку, чтобы его поймать, но он устоял. – Лео дан Брок!

Вскоре они все уже выкрикивали его имя, выпевали словно молитву, скандировали словно заклинание, тыча тускло блестящими клинками в морозящее небо:

– Лео! Лео! Лео!

«В битве человек узнает, кто он есть на самом деле...»

Он был словно пьяный. Он будто бы горел. Он чувствовал себя королем. Он чувствовал себя богом! Вот оно – то, для чего он был создан!

– Победа! – заорал он, потрясая окровавленным мечом и окровавленным знаменем северян.

Во имя мертвых, разве могло быть что-либо лучше, чем это?

* * *

В шатре леди-губернаторши велась война другого рода. Война, состоящая из терпеливого изучения и кропотливых вычислений, взвешивания шансов и наморщивания лбов, обсуждения путей подвоза провианта и разглядывания огромной кипы карт. Та война, для которой у Лео, честно говоря, всегда не хватало терпения.

Сияние победы несколько угасло под усиливающимся дождем во время долгого утомительного пути вверх по долине, еще больше притупилось от выматывающей душу боли от десятков порезов и ушибов и почти полностью померкло под холодным взглядом, которым

встретила его мать, когда Лео ввалился внутрь шатра с Юрандом и Белой Водой Йином, следовавшими за ним по пятам.

Он застал ее посередине разговора с рыцарем-герольдом. До неприличия высокий, рыцарь был вынужден почтительно склоняться к ней, ведя беседу.

– ...пожалуйста, передайте его величеству, что хотя мы и прилагаем все усилия, чтобы остановить продвижение северян, но Уфрис потерял и мы вынуждены отступать дальше. Преобладающие силы нанесли нам удар в трех местах одновременно, и мы до сих пор собираем наши отряды. Просите – нет, умоляйте его! – послать нам подкрепление.

– Непременно, миледи. – Рыцарь кивнул Лео, проходя мимо него. – Примите мои поздравления с победой, лорд Брок.

– Нам не нужна треклятая помощь от короля! – рявкнул Лео, как только за герольдом опустился полог. – Мы можем сами побить псов Кальдера Черного!

Внутри шатра его голос, приглушенный мокрым полотном, прозвучал неожиданно слабо. Здесь он вовсе не разносился вдаль, как на поле боя.

– Хм-м... – Упершись кулаками в стол, его мать принялась сосредоточенно разглядывать карты. Во имя мертвых, Лео порой казалось, что она любит свои карты больше его! – Если мы должны сражаться за короля в битвах, то можем ожидать от него поддержки.

– Ты бы видела, как они драпали! – Проклятье, ведь еще пару минут назад Лео чувствовал такую уверенность в себе! Он мог, не дрогнув, атаковать шеренгу карлов, но эта женщина с длинной шеей и сединой в волосах словно высасывала из него всю храбрость. – Они дрогнули еще до того, как мы до них добрались! Мы захватили несколько десятков пленных...

Лео взглянул на Юранда, ожидая поддержки, но тот смотрел на него с тем самым сомневающимся видом, как всегда, когда не одобрял его действия. Точно так же он смотрел на Лео перед атакой.

– Теперь ферма снова в наших руках... и... – Лео запнулся и замолчал.

Выждав, пока наступит тишина, его мать перевела взгляд на его друзей.

– Прими мою благодарность, Юранд. Не сомневаюсь, что ты приложил все усилия, чтобы отговорить его от этого. И ты тоже, Белая Вода. Мой сын не мог бы просить о лучших друзьях или более отважных воинах.

Йин опустил тяжелую лапицу Лео на плечо:

– Да ну, Лео был впереди всех...

– Вы можете идти.

Йин смущенно поскреб в бороде, выказывая гораздо меньше воинской отваги, нежели в долине. Юранд обратил к Лео лицо с едва заметной извиняющейся гримасой.

– Разумеется, леди Финри.

И они выскользнули из шатра, оставив Лео наедине с матерью.

В убийственном молчании Лео нерешительно теребил бахрому плененного вражеского знамени. Наконец его мать соизволила вынести свое суждение:

– Ты поступил как идиот.

Он ждал этих слов, но они все равно уязвили его.

– Почему? Потому что решил сам драться?

– Потому что выбрал такое время, чтобы драться, и такой способ.

– Место великого полководца – в самой гуще сражения!

Однако он сам знал, что говорит как герой какого-нибудь дурно написанного романа из тех, что ему так нравились.

– А знаешь, что еще можно найти в гуще сражения? Трупы. – Его мать устало покачала головой. – Лео, мы с тобой оба знаем, что ты не идиот. Так зачем ты постоянно им притворяешься? Не надо было мне соглашаться, когда твой отец отослал тебя к Ищейке. Все, чему ты научился в Уфрисе, – это безрассудству, дурацким песням и ребяческому преклонению перед

убийцами. Лучше бы я послала тебя в Адую! Петь ты вряд ли бы научился, но по крайней мере получил бы хоть какое-то представление об утонченности.

– Есть время для утонченности, а есть время для действий!

– Да, но не для опрометчивости, Лео. А также не для тщеславия.

– Мы *победили*, черт подери!

– И что вы отвоевали? Никому не нужную ферму в никому не известной долине? Это был не больше чем разведывательный отряд, Лео. Зато теперь противник имеет представление о наших силах. А точнее, об их нехватке.

С резким горьким смешком она снова повернулась к своим картам.

– Я захватил знамя!

Впрочем, теперь, когда он рассмотрел его как следует, оно казалось жалким: неуклюже залатанное полотнище, древко больше похоже на палку, чем на настоящий флагшток. С чего он решил, что под ним мог выезжать сам Стур Сумрак?

– Флагов у нас и так предостаточно, – отозвалась мать. – А вот людей, чтобы идти за ними, не хватает. Может быть, в следующий раз ты лучше захватишь в плен несколько полков?

– Проклятье, мама! Я не знаю, что мне сделать, чтобы ты была довольна...

– Слушай то, что тебе говорят. Учись у тех, кто знает больше тебя. Будь храбрым сколько душе угодно, но не будь опрометчивым. И прежде всего – постарайся, чтобы тебя не убили, черт подери! Ты всегда прекрасно знал, как сделать, чтобы я была довольна, – просто предпочитал быть довольным сам.

– Ты не можешь понять! Ты...

Он нетерпеливо замахал рукой, как всегда не в состоянии в нужный момент отыскать нужные слова.

– Ты... не мужчина, – неловко закончил Лео.

Мать подняла одну бровь.

– Если у меня и были сомнения на этот счет, они полностью рассеялись в тот момент, когда я выталакивала тебя из своей утробы. Ты хоть представляешь себе, сколько ты весил в младенчестве? Попробуй два дня тужиться, пытаясь извергнуть из себя наковальню, и после этого мы поговорим.

– Тысяча проклятий, мама! Я имею в виду, что есть такой тип людей, на которых другие равняются, к которым...

– Так же, как на тебя равнялся твой друг Риттер?

На Лео накатило воспоминание о той лошади без всадника, что проскакала мимо него на поле боя. Он понял, что лица Риттера не было среди его друзей, когда они праздновали победу. И осознал, что ни разу даже не вспомнил о нем вплоть до этого момента.

– Он знал, чем рискует, – хрипло выговорил Лео, которому вдруг перехватило горло. – Он сам выбрал сражаться. И был горд этим!

– Да, это так. Потому что в тебе есть этот огонь, который вдохновляет других следовать за тобой. В твоём отце он тоже был. Но этот дар несет в себе ответственность. Люди вверяют тебе свои жизни, Лео.

Тот сглотнул. Его гордость таяла, оставляя за собой лишь уродливое чувство вины. Так тает девственно-чистый снег, и под ним обнажается грязная, неопрятная земля.

– Надо пойти его проведать... – Лео повернулся к выходу, едва не запутавшись в болтающемся ремне одного из своих поножей. – Он... там, среди раненых?

Лицо его матери смягчилось – и это вселило в него еще большую тревогу, чем прежде.

– Он среди мертвых, Лео.

Воцарилось долгое, странное молчание. Снаружи поднялся ветер, его порывы заставляли полотнище шатра хлопать и трепетать.

– Мне жаль, – добавила она.

Нет трупов – нет славы. Лео опустился на складной полевой стул. Захваченное знамя со стуком упало на землю.

– Он говорил, что мы должны подождать тебя, – пробормотал Лео, вспомнив, с каким обеспокоенным лицом Риттер смотрел вниз, в долину. – И Юранд тоже. А я сказал, что они оба могут оставаться с дамами... пока мы сражаемся.

– Ты поступил так, как считал правильным, – мягко отозвалась мать. – У тебя не было времени подумать.

– У него была жена...

Лео вспомнил их свадьбу. Как же ее звали, черт? Подбородок выглядел немного безвольным... Подружка невесты была симпатичнее. Счастливая пара пыталась танцевать, а Белая Вода Йин проорал на северном наречии, что ради новобрачной надеется, что Риттер трахается лучше, чем танцует. Лео ржал так, что его чуть не стошнило. Сейчас его не тянуло смеяться. Подташнивало – это да.

– Клянусь мертвыми... у него ведь был ребенок!

– Я им напишу.

– Что проку в письмах? – Он чувствовал, как к носоглотке подкатывают едкие слезы. – Я отдам им свой дом! В Остенгорме!

– Ты уверен?

– Зачем мне дом? Я все равно провожу все время в седле.

– У тебя большое сердце, Лео. – Мать присела на корточки, чтобы быть с ним лицом к лицу. – Порой мне кажется, что слишком большое.

Ее бледные руки казались крошечными, зажатые в его латных рукавицах, но сейчас они были сильнее.

– В тебе есть задатки великого человека, но ты не должен позволять каждой эмоции уносить тебя невесть куда. Храбрые порой выигрывают сражения, но войны всегда выигрывают умные. Ты меня понимаешь?

– Понимаю, – прошептал он.

– Хорошо. Тогда прикажи людям покинуть ферму и отвести войска к западу, пока Стур Сумрак не прибыл с подкреплением.

– Но если мы отступим... то получится, Риттер умер ни за что? Если мы отступим, как это будет выглядеть?

Она встала.

– Как женская слабость и нерешительность, я надеюсь. Тогда, возможно, горячие головы среди северян возьмут верх, и они начнут преследовать нас с мужественными улыбками на своих мужественных лицах. И когда наконец придут королевские солдаты, мы искромсаем их в мелкие кусочки – на территории, которую сами выберем.

Моргая, Лео уставился в пол, чувствуя на щеках слезы.

– Понятно.

Она продолжала более мягким голосом:

– Это было опрометчиво, это было безрассудно, но это был действительно храбрый поступок... и, к худу или к добру, действительно есть такой тип людей, на которых равняются другие. Нам всем необходимо чему-то кричать «ура», глупо это отрицать. Ты расквасил Сумраку нос. Великие воины быстро приходят в гнев – а рассердившись, люди делают ошибки.

Она вложила что-то в его безвольную руку: знамя с намалеванным волком Стура.

– Твой отец гордился бы сегодня твоей отвагой, Лео. Теперь дай мне повод гордиться твоим здравомыслием.

Лео уныло побрел к выходу из шатра, опустив плечи под доспехами, казавшимися в три раза тяжелее, чем когда он прибыл. Риттера больше нет, он никогда не вернется к своей жене с

безвольным подбородком, рыдающей у камина. Он погиб, убитый собственной преданностью – а также тщеславием Лео, беспечностью Лео, самонадеянностью Лео.

– Клянись мертвыми...

Он попытался утереть слезы тыльной стороной руки, но не смог из-за латной рукавицы. Пришлось воспользоваться краем захваченного знамени северян.

«В битве человек узнает, кто он есть на самом деле...»

Лео вышел на свет – и застыл. По-видимому, весь полк собрался полукругом перед шатром его матери, ожидая его.

– Слава Лео дан Броку! – взревел Гловард, утопив запястье Лео в своем огромном, как окорок, кулаке и вздымая его руку вверх. – Слава Молодому Льву!

– Слава Молодому Льву! – закричал Барнива среди хора восторженных приветствий. – Лео дан Брок!

– Я пытался тебя предупредить, – вполголоса сказал Юранд, наклонившись к нему. – Как, сильно она тебя припекла?

– Не больше, чем я заслуживал.

Однако Лео все же сумел выжать из себя улыбку, просто ради поддержания боевого духа людей. Всем им было необходимо чему-то кричать «ура», и глупо было это отрицать.

Шум еще больше усилился, когда он поднял над головой вражескую тряпку, а Антауп выступил вперед, воздев руки вверх в призыве к новым возгласам. Один из людей, без сомнения уже пьяный, спустил штаны и, ко всеобщему одобрению, обратил свою голую задницу к Северу. После этого он, ко всеобщей радости, плюхнулся мордой в грязь. Гловард с Барнивой ухватили Лео с двух сторон и выпихнули вверх, посадив себе на плечи, в то время как Юранд, возводя глаза к небу, обеими руками придерживал его за бедра.

Дождь несколько ослабел, и солнце вновь засияло на полированных доспехах, острых клинках и радостных лицах.

Стоит ли говорить, что он почувствовал себя намного лучше?

Чувство вины – это роскошь

Снег полностью стаял, обнажив промозглый, неуютный мир вокруг. Ледяная каша, заменявшая собой землю, проникала Рикке в башмаки и заляпывала мокрые насквозь штаны. Холодные капли росы бесконечным дождем сыпались с черных ветвей, пропитывая ее волосы и плащ, и без того отсыревший, и стекая по натертой спине. Вода сверху встречалась с водой внизу в районе ее пояса, который пришлось затянуть потуже по причине того, что они почти ничего не ели на протяжении трех дней с тех пор, как Рикке убила мальчишку и увидела, как горит ее родной дом.

По крайней мере, едва ли может стать хуже, чем сейчас. Так она себе говорила.

– Было бы неплохо оказаться наконец на дороге, – проворчала она, пытаясь выпутать ногу из зарослей колючего кустарника и преуспевая лишь в получении дюжины новых царапин.

Изерн обладала неестественной способностью на любом болоте отыскивать сухие места, куда можно поставить ногу. Рикке не сомневалась, что горянка могла бы протанцевать через пруд по листьям кувшинок и ее башмаки остались бы сухими.

– А как ты полагаешь, кто еще может сейчас шляться по дорогам?

– Люди Стура Сумрака, – угрюмо буркнула Рикке.

– Вот именно. А также его дяди Скейла Железнурукого и его отца Кальдера Черного. Так что если твоя нежная как лебяжий пух кожа страдает от колючек, подумай о том, что мечи колют гораздо глубже.

Рикке с проклятьем высвободила из цепкой грязи свой ботинок, едва не сдернутый с ноги.

– Мы могли бы по крайней мере пойти где-нибудь повыше.

Изерн потеряла переносицу с таким видом, словно никогда не слышала ничего глупее.

– А кто еще сейчас наслаждается горной прохладой, как ты думаешь?

– Разведчики Стура Сумрака, – неохотно отозвалась Рикке, передвигая катышек чагги из-за верхней губы под нижнюю.

– А также Скейла Железнурукого и Кальдера Черного. И поскольку они находятся там, кишат на дорогах и в горах, словно вши на больной собаке, то где следует находиться нам?

Рикке прихлопнула грязной ладонью надоедливое насекомое:

– Здесь, на дне долины, среди колючек, грязи и этих треклятых кровососов.

– Подумать только, похоже, неприятельская армия, заполонившая твою страну, доставляет тебе кучу неудобств! Ты-то привыкла считать мир своей песочницей. Но теперь твоя песочница полна опасностей, и настало время действовать соответствующим образом.

Изерн скользила среди зарослей быстро и бесшумно, словно змея. Рикке пробиралась следом, осыпая воздух бессмысленными ругательствами.

Ей всегда нравилось считать себя достаточно опытной и закаленной путешественницей, но рядом с Изерн она была не лучше простофили-горожанина. По слухам, Изерн-и-Фейл знала все пути и все хитрости – даже лучше, чем ее отец. Наблюдая за ней последнюю пару недель, Рикке научилась большему, чем этот идиот, которого союзники дали ей в наставники в Остен-горме, сумел научить ее за год. Как построить укрытие из папоротника. Как ставить ловушки на зайцев – пусть даже в них ничего не попало. Как понять, куда тебе нужно идти, по тому, как растет мох на стволах деревьев. Как в лесу отличить человека от животного по звуку шагов.

Кое-кто говорил, что Изерн ведьма. Не поспоришь, вид у нее действительно был как у ведьмы, да и нрав не лучше, но даже она не могла наколдовать им еды из камней и болотной водицы, сейчас, в самой заднице зимы. Печально.

Когда солнце опустилось за холмы и в долинах стало еще холоднее, они заползли, словно черви, в расселину между валунами, тесно прижавшись друг к другу ради тепла. Снаружи ветер усилился, а неспешная морось превратилась в обжигающий дождь со снегом.

– Как ты думаешь, можно найти в этой долине хоть одну палку, достаточно сухую, чтобы разжечь огонь? – шепотом спросила Рикке.

Она принялась растирать в облаке дыхания свои руки, холодные как рыбы, потом засунула их под мышки, где они, вместо того чтобы согреться, только заморозили все остальное тело. Изерн склонилась над сумкой, в которой они хранили свои стремительно уменьшающиеся запасы, словно скряга над мешком золота.

– Даже если и можно, дым может привлечь охотников.

– Тогда, наверное, лучше посидеть в холоде, – отозвалась Рикке упавшим голосом.

– Вот тебе и рождение весны! Враги отобрали замок твоего отца, и теперь у тебя нет уютного теплого очага, чтобы свернуться перед ним калачиком.

Рикке знала, что говорят о ней люди, но хотя в голове у нее, может быть, и действительно не хватало каких-то нужных деталей, но она всегда умела подмечать всякие вещи. Так что, несмотря на сумерки и ловкие пальцы Изерн, Рикке заметила, что горянка съела вполтину меньше, чем кусок, который протянула ей. Заметила – и была благодарна ей за это. Хотелось бы ей иметь достаточно духа, чтобы настоять на честной дележке, но проклятье, она была так голодна! Она с такой поспешностью запихала в рот выданный ей ломтик вяленого мяса, что даже не заметила, как проглотила вместе с ним свой катышек чагги.

Облизывая с зубов восхитительный вкус черствого хлеба, Рикке обнаружила, что думает о том пареньке, которого она застрелила. Этот кусок крашеной ткани вокруг его тощей шеи – матери повязывают такие сыновьям, чтобы уберечь их от холода. Этот обиженный, непонимающий взгляд... Такой же взгляд, наверное, был у нее самой, когда другие дети смеялись над ее подергиваниями.

– Я убила того парня... – Она шмыгнула носом и выплюнула комочек холодных соплей.

– Точно. – Изерн откромсала новый ломтик чагги, скатала и засунула себе за щеку. – Безжалостно прикончила, лишив радости всех, кто его знал, и уничтожив все то хорошее, что он мог бы принести миру.

Рикке моргнула от неожиданности.

– Ну, череп-то ему раскроила ты!

– Из жалости. После твоей стрелы он бы наверняка захлебнулся кровью.

Рикке поймала себя на том, что потирает спину, пытаясь добраться пальцами до того места, откуда торчало древко, – но ей это тоже не удалось. Как и тому парню.

– На самом деле, не сказала бы, что он этого заслужил.

– Для стрелы нет разницы, кто что заслужил. Лучшая защита от стрел – не безусловно прожитая жизнь, понимаешь ли. Нужно просто быть тем, кто стреляет. – Изерн села, прильнув к ней спиной. От нее пахло потом, землей и жеваной чаггой. – Это были враги твоего отца. Наши враги. Не похоже, чтобы у нас имелся другой выбор.

– Я не сказала бы, что вообще что-то выбирала. – Рикке принялась ковырять свои содранные ногти, так же как она ковырялась в своей памяти, снова и снова раздирая рану. – Просто сорвалась тетива... Просто дурацкая ошибка.

– С тем же успехом ты могла бы назвать это счастливой случайностью.

Рикке сгорбилась, кутаясь в свой холодный плащ и в свое безрадостное настроение.

– Нет никакой справедливости, да? Ни для него, ни для меня. Есть только мир, который отворачивается и смотрит в сторону и которому наплевать на нас обоих.

– С какой стати должно быть иначе?

– Я убила того парня. – У Рикке задергалась ступня, потом подергивание превратилось в судорогу, охватившую всю ногу, а затем от судороги затряслось все ее тело. – Как ни крути, как ни поворачивай... это просто неправильно!

Она почувствовала твердую руку Изерн на своем плече – и была благодарна ей за это.

– Если убийство людей начнет казаться тебе правильным, это будет значить, что у тебя настоящие проблемы. Чувство вины может быть горьким, но тебе стоило бы радоваться, что ты его испытываешь.

– Радоваться?

– Чувство вины – это роскошь, доступная для тех, кто пока еще дышит и не испытывает невыносимой боли, холода или голода, притягивающих все их скудное внимание. Так что, девочка, если твоя основная беда – это чувство вины... – Рикке увидела, как в сгущающейся тьме блеснули ее зубы. – Вряд ли у тебя все *так уж* плохо!

Горянка шлепнула Рикке по ляжке и хрипло расхохоталась, как настоящая ведьма. Возможно, во всем этом и действительно было какое-то колдовство, потому что Рикке выдавила из себя первую улыбку за пару дней, и это позволило ей почувствовать себя хотя бы капельку лучше. Улыбка – твой лучший щит, ее отец всегда так говорил.

– Почему ты просто не бросила меня? – спросила она у Изерн.

– Я дала слово твоему папаше.

– Верно, но ведь все говорят, что ты самая вероломная стерва на всем Севере.

– Кому как не тебе знать, чего стоит то, что «все говорят». По правде, я держу слово только по отношению к тем, кто мне нравится. Меня считают вероломной, потому что здесь, на равнине, таких людей всего семеро. – Изерн подняла татуированную руку, сжав ее в вибрирующий от напряжения кулак. – Но для этих семи я – скала!

Рикке сглотнула.

– Так, значит, я тебе нравлюсь?

– Х-хе! – Изерн разжала синий от татуировок кулак и встряхнула пальцами так, что захрустели костяшки. – Насчет тебя я пока не уверена, но мне нравится твой отец, и я дала ему свое слово. Что попытаюсь положить конец твоим припадкам и выманить твой Долгий Взгляд наружу. И что ты еще будешь дышать, когда я верну тебя ему. И хотя в дело вмешались мелкие неурядицы типа вторжения врагов, из-за которого ему пришлось бежать из Уфриса, но что касается меня, обязательство по-прежнему в силе, куда бы ни загнал его Стур Сумрак со своими ублюдками.

Ее поблескивающие глаза уставились на Рикке, хитрые, как у лисы, обнаружившей курятник без присмотра.

– Впрочем, должна признаться, есть у меня и своя корысть в этом деле. Что для тебя даже неплохо, поскольку своекорыстные мотивы – единственные, которым стоит доверять.

– И в чем же твоя корысть?

Изерн распахнула глаза так широко, что они практически вывалились на ее грязное лицо.

– Потому что я знаю, что нас ждет другой, лучший Север. Свободный от лап Скейла Железнурукого и от того, кто тянет его за ниточки, то есть Кальдера Черного – и даже от того, кто тянет за ниточки *его*! Север, где каждый будет свободен выбрать собственный путь!

Изерн вплотную наклонилась к ней в темноте:

– И твой Долгий Взгляд укажет к нему дорогу.

Вести счет

Искры дождем сыпались в ночь, жар настойчиво толкал в улыбающееся лицо Савин. В проем высокой распахнутой двери виднелись напряженные тела, работающие механизмы, демонически освещенные сиянием расплавленного металла. Грохот молотов, лязг цепей, шипение пара, крики и ругательства рабочих... Музыка делающихся денег.

Поскольку шестая часть литейных мастерских на Горной улице принадлежала ей.

Один из шести огромных корпусов был ее владением. Две из двенадцати высоко вздымающихся труб. Одна из каждой шестерки новых машин, вращающихся внутри, одна шестая огромных куч угля, наваленных во дворе, каждое шестое из сотен поблескивающих оконных стекол, смотрящих на улицу. Не говоря уже об одной шестой части постоянно увеличивающихся прибылей: поток серебра, способный затмить Королевский монетный двор.

– Лучше не задерживаться здесь, миледи, – вполголоса посоветовала Зури. Огни литейной блеснули в ее глазах, когда она оглядела темнеющую улицу.

Как всегда, она была права. Большинству знакомых Савин молодых леди сделалось бы дурно от одной мысли о посещении этой части Адуи без сопровождения отряда солдат. Однако те, кто хочет занимать высшие позиции в обществе, не должны гнушаться время от времени погружаться и в глубины, когда есть шанс найти среди отбросов нечто блестящее.

– Тогда пойдем, – отозвалась Савин.

Ее каблуки зачавкали по грязи вслед за фонарем, прыгающим в руке мальчишки-проводника, который вел их по лабиринту тесных улочек. Узкие дома, по самые крыши забитые народом, опирались друг на друга, между ними протянулась паутина веревок, с которых свешивалось хлопающее белье, внизу грохотали груженные телеги, окатывая стены грязью. В некоторых местах целые кварталы были снесены, чтобы дать место новым фабрикам и мануфактурам; в других змеились кривые переулки, провонявшие угольным и древесным дымом, засорившейся канализацией или полным отсутствием таковой. Это был район города, переполненный населением, кипевший бурной деятельностью – но самое главное, его распирало от денег, которые отсюда можно было извлечь.

Савин ни в коем случае не была единственной, кто это понимал. Сегодня был день выдачи жалованья, и вокруг складов и кузниц кишмя кишели самопровозглашенные торговцы в надежде облегчить карманы работяг, высыпавших на улицы после смены. Торговали всем – предметами повседневной необходимости, мелкими удовольствиями, хоть самими собой, лишь бы удалось найти покупателя.

Были здесь и другие, готовые очистить чужие карманы более непосредственными способами. В толпе сновали маленькие оборванные карманники. В темных закоулках таились грабители. На углах околачивались громилы, жаждущие собрать дань в пользу одного из многочисленных местных ростовщиков.

Возможно, здесь были свои риски и опасности, но Савин всегда нравилось возбуждение азартной игры, особенно если она сама играла краплеными картами. Она давно поняла, что по меньшей мере половина любого дела зависит от того, как его представить. Веди себя как жертва – и очень скоро станешь ею. Покажи, что ты тут главная, – и люди будут из кожи вон лезть, чтобы тебе угодить.

Поэтому она шла с уверенным видом, головокружительно одетая по последней моде, не опуская взгляда ни перед кем. Она держалась прямо, как палка, – впрочем, Зури, затянувшая перед выходом ее корсет, не оставила ей другого выбора. Она шла так, словно улица принадлежала ей. Фактически, ей действительно принадлежали пять полуразвалившихся домов дальше по улице, набитых по самые гнилые балки гуркскими беженцами, которые платили ей вдвойне против обычной аренды.

С одной стороны Савин чувствовала непоколебимую поддержку шедшей рядом Зури, с другой стороны поддержкой являлся ее мастерски сработанный короткий клинок. Множество молодых леди начали напоказ носить клинки с тех пор, как Финри дан Брок произвела сенсацию, явившись ко двору вооруженной. Савин обнаружила, что когда у тебя под рукой находится несколько дюймов заостренного металла, это дает огромную уверенность в своих силах.

Мальчишка-проводник остановился перед особенно запущенным зданием и поднял свой факел повыше, осветив облупившийся знак над входной дверью.

– Вам точно сюда? – спросил он.

Савин подобрала юбки, присела перед ним на корточки и заглянула в его чумазое лицо. Может быть, он наносит на него грязь специально, так же как ее горничные пудрят свои щеки, чтобы вызывать у людей необходимую степень сочувствия? В конце концов, чисто вымытые дети не нуждаются в подаяниях.

– Нам сюда. Прими нашу сердечную благодарность за твои услуги.

Зури украдкой сунула монету в затянутую перчаткой ладонь Савин, чтобы та могла вручить ее мальчику.

Она вовсе не была выше сентиментальных проявлений щедрости. Весь смысл выжимать соки из своих партнеров в приватной обстановке заключается в том, чтобы они потом делали то же самое публично, а Савин тем временем получала возможность сколько угодно ласково улыбаться и швырять монеты уличным оборванцам, демонстрируя свою добродетель без малейшего ущерба для сальдо. В конце концов, добродетель – это практически целиком демонстрация.

Мальчишка уставился на серебряную монету так, словно перед ним было какое-то мифическое чудовище, о котором он слышал, но никогда не надеялся увидеть воочию.

– Это мне?

Она знала, что на принадлежащем ей предприятии по производству пуговиц и пряжек в Хольстгорме детям меньшего возраста и, вероятно, еще более чумазым платили лишь ничтожную часть стоимости такой монеты за целый день тяжелого труда. Управляющий заверял ее, что маленькие пальцы лучше приспособлены для мелкой работы, и к тому же обходятся гораздо дешевле. Но Хольстгорм был далеко, а на расстоянии вещи кажутся менее значительными. Даже страдания детей.

– Да, тебе.

Она, разумеется, не стала трепать его по голове, это было бы уже чересчур. Кто знает, что может жить у него в волосах?

– Какой милый мальчик, – заметила Зури, глядя, как он поспешно удаляется в сумерки, сжимая в одном кулаке монету, а в другом – плюющийся искрами факел.

– Как и все они, – отозвалась Савин. – Когда у тебя есть что-то, что им нужно.

– Нет никого благословеннее тех, кто освещает путь другим, как провозгласил однажды мой наставник по писаниям.

– Это тот самый, который заделал ребенка одной из своих учениц?

– Да, он. – Зури задумчиво сдвинула черные брови. – Духовное руководство – дело непростое.

Когда Савин вошла, в замызанной пивной воцарилась тишина, словно она была неким экзотическим обитателем джунглей, неожиданно забредшим к ним с улицы. Демонстративным жестом вытащив кусок ткани, Зури протерла свободное место на стойке. Затем, дождавшись, когда Савин сядет, она вытасила шпильку и сняла с нее шляпку, не потревожив ни единого волоска, и тут же прижала ее к груди. Это было благоразумно: шляпка Савин, вероятно, стояла больше, чем все это заведение вместе с собравшимися посетителями. Которые, на предварительный взгляд, только уменьшали его стоимость.

– Ну и дела. – Человек, стоявший за стойкой, подвинулся вперед, обтирая ладони о грязный фартук и окидывая Савин долгим взглядом с головы до ног. – Не могу не заметить, что это место едва ли подходит для такой леди, как вы.

– Мы только что встретились; откуда тебе знать, какая я леди? Может быть, ты рискуешь жизнью уже потому, что заговорил со мной.

– Сдается мне, если у вас хватает храбрости на разговор, так и у меня хватит. – Судя по его кривой ухмылке, он каким-то образом убедил себя в том, что имеет некоторую привлекательность для прекрасного пола. – Как вас называть?

Она оперлась локтем на участок стойки, протертый Зури, и наклонилась ближе к нему, с наслаждением протянув оба слога:

– Са-вин.

– Симпатичное имя!

– О, если тебе понравилось начало, то от продолжения ты просто офигеешь.

– Да ну? – промурлыкал бармен. – И как же там дальше?

– Савин... дан... – она наклонилась еще ближе, прошипев последнее слово ему прямо в лицо: – ...Глокта!

Если бы имя было ножом и она бы перерезала этим ножом его глотку, кровь не могла бы быстрее отлить от его лица. Бармен полузадушенно кашлянул и отступил на шаг назад, едва не упав поверх одного из собственных бочонков.

– Леди Савин! – Маджир спускалась к ним из своей конторы наверху; деревянные ступеньки лестницы кряхтели под ее немалым весом. – Какая честь!

– В самом деле? Мы как раз познакомились с твоим работником.

Маджир бросила взгляд на бледного, как призрак, бармена.

– Если хотите, он принесет вам свои извинения.

– За что? За то, что оказался не таким храбрецом, как заявил вначале? Но если бы мы казнили людей только за это, клянусь, во всем Союзе не осталось бы в живых и дюжины человек, верно, Зури?

Та с печальной миной прижала шляпку Савин к груди:

– Увы, героев гораздо меньше, чем хотелось бы.

Маджир откашлялась.

– Если бы я только знала, что вы собираетесь прийти сюда сами...

– Если бы я все время сидела взаперти вместе с матерью, мы бы поубивали друг друга, – откликнулась Савин. – И у меня такое чувство, что делами следует по возможности заниматься лично, иначе у твоих партнеров может сложиться впечатление, что ты недостаточно внимательно следишь за деталями. Я *всегда* слежу за деталями, Маджир.

В обществе низких людей Савин умела действовать низко. Ее собеседники привыкли запугивать других, следовательно, их самих следовало запугать. Это был язык, который они понимали. Толстая шея Маджир пошевелилась: женщина сглотнула.

– Кто осмелится усомниться в этом?

Она выложила на стойку плоский кожаный кошелек.

– Здесь вся сумма?

– Здесь вексель банкирского дома «Валинт и Балк».

– Вот как?

Репутация «Валинта и Балка» была темной даже для банка. Отец Савин часто предупреждал ее никогда не иметь с ними дел, поскольку если ты однажды попадешь в долг к «Валинту и Балку», то не рассчитаешься уже никогда. Однако вексель – это ведь всего лишь деньги. В деньгах не может быть ничего плохого.

Савин перебрала кошелек Зури, которая заглянула внутрь и едва заметно кивнула.

– Куда катится мир! Даже бандиты пользуются услугами банка.

Маджир скромно подняла одну бровь.

– Честных женщин защищает закон. Бандитам приходится прикладывать больше усилий, заботясь о своих прибылях.

– Да ты просто прелесть! – Перегнувшись через стойку, Савин ухватила женщину двумя пальцами за толстую щеку и потрепала в знак благоволения. – Спасибо, Зури. Ты тоже прелесть.

Ее спутница уже надела на нее шляпку и снова закалывала ее шпилькой.

– Если не возражаете, я бы отрядила пару мальчиков проводить вас из нашего района, – предложила Маджир. – Я никогда не прошу себе, если с вами что-то случится.

– Да ладно! Если со мной что-то случится, твое собственное прощение будет тебя волновать меньше всего.

Савин повернулась к выходу.

– Это верно. – Маджир провожала ее взглядом, опершись огромными кулаками на стойку. – Передайте мое почтение вашему отцу!

– Брось! – рассмеялась Савин. – Давай не будем унижать себя, притворяясь, будто моему отцу не *насрать* на твое почтение.

Выходя, она послала перепуганному бармену воздушный поцелуй.

* * *

Диетам дан Корт, знаменитый архитектор, производил полное впечатление человека, привыкшего отдавать распоряжения. Его письменный стол, заваленный картами, землемерными схемами и чертежами, несомненно представлял собой чудо технической мысли. Савин доводилось вращаться среди самых влиятельных людей в государстве, и тем не менее она сомневалась, что когда-либо видела стол большего размера. Он заполнял собой кабинет до такой степени, что вдоль стен оставались только узенькие проходы. Должно быть, архитектору требовалась посторонняя помощь, чтобы каждое утро протискиваться к своему креслу. Савин подумала, что надо бы рекомендовать ему своего корсетного мастера.

– Леди Савин! – пропел архитектор, завидев ее. – Какая честь!

– В самом деле?

Она заставила его опасно далеко перегнуться через стол, чтобы поцеловать ей руку. Пока он это делал, Савин изучала его собственную ладонь. Большая, широкая, с толстыми пальцами, покрытыми шрамами от тяжелой работы: видно, что выбился в люди из низов. Седеющие волосы тщательно зачесаны вверх явственно видной плечи: гордый, тщеславный человек. Обшлага некогда великолепного пиджака слегка обтрепались: человек в стесненных обстоятельствах, желающий показать обратное.

– Чему обязан столь приятным визитом? – спросил Корт.

Савин уселась напротив и подождала, пока Зури снимет с нее шляпку. Светская дама должна вести себя так, словно не производит никаких усилий – то, что ей нужно, просто случается рядом с ней.

– В прошлую нашу встречу вы упомянули о желательности инвестиций в ваше предприятие.

Лицо Корта ощутимо просветлело.

– Вы пришли, чтобы обсудить это? – оживленно спросил он.

– Я пришла, чтобы сделать это.

Зури опустила на стол кошелек Маджир с такой деликатностью, словно его принес туда летний ветерок. Посреди огромного пространства зеленой кожи он выглядел совсем крошечным. Такова магия банков: они делают бесценное маленьким, а огромное незначительным.

Лоб архитектора слегка заблестел от выступившего пота.

– Здесь вся сумма?

– Вексель от «Валинта и Балка». Надеюсь, этого достаточно?

– Разумеется! – Он потянулся через стол, не в силах скрыть алчную нотку в голосе. – Кажется, мы согласились на двадцатой доле...

Савин придержала кошелек за угол кончиком пальца.

– О двадцатой доле говорили вы. Я молчала.

Рука архитектора застыла.

– В таком случае...

– Пятая.

Повисла пауза. Он решал, насколько разгневанным может позволить себе выглядеть, а Савин решала, до какой степени показать, как мало это ее заботит.

– Пятая?! – Его и без того багровое лицо приобрело вулканический оттенок. – Да мои первые инвесторы получили половину этого, внося вдвое большую сумму! Я сам владею пятой долей – хотя я, можно сказать, вырыл этот треклятый канал собственными руками! Пятая часть? Вы, должно быть, спятили?

Для Савин не было более заманчивого приглашения, чем захлопнутая перед ее лицом дверь.

– Что для одних сумасшедший, то для других чутко реагирующий, – парировала она с недогнувшей улыбкой. – Ваш канал превосходно рассчитан, ваш мост просто чудо. Нет, правда, вас есть с чем поздравить! Через несколько лет все будут строить из железа. Тем не менее, канал так и не достроен, а у вас закончилось финансирование.

– Его хватит еще на два месяца!

– На две недели, и это в лучшем случае.

– В таком случае у меня есть две недели, чтобы найти более здравомыслящего инвестора!

– У вас есть два часа, – отозвалась Савин, высоко задрав брови. – Видите ли, сегодня вечером я приглашена в гости к Тильде дан Рукстед.

– К кому?

– К Тильде, молодой жене лорд-маршала Рукстеда. Она замечательная, добрейшей души женщина... но боже мой, как же она любит слухи!

Савин взглянула вверх, ожидая поддержки.

– Как ни мучительно отзываться дурно об одном из Божьих созданий, – признала Зури, благочестиво затрепетав длинными ресницами, – но она действительно ужасная сплетница.

– И когда я расскажу ей – строго конфиденциально, разумеется, – что у вас заканчивается финансирование, нет необходимых разрешений на строительство и к тому же проблемы с недовольными рабочими... весь город узнает об этом еще до рассвета!

– С тем же успехом можно было бы напечатать об этом в новостном листке, – печально подтвердила Зури.

– И попробуйте после этого найти инвестора, здравомыслящего или какого-нибудь другого.

У Корта ушло всего несколько секунд на то, чтобы перейти от ярко-красного к смертельно бледному оттенку. Савин от души расхохоталась:

– Не глупите! Конечно же, я не стану этого делать! – Она оборвала смех. – Потому что вы, конечно же, переписете на меня пятую долю вашего предприятия. Прямо сейчас. И тогда я смогу по секрету сообщить Тильде, что нашла выгоднейший способ вложения своих капиталов. После чего она наверняка не удержится и инвестирует что-нибудь сама. Видите ли, она ведь не только болтушка, но и скупердяйка.

– Скардность – качество, порицаемое жрецами, – вздохнула Зури. – Особенно богатыми.

– Однако в наши дни оно так распространено! – посетовала Савин. – Если же леди Рукстед увидит в этом некоторую выгоду, смею предположить, что она сможет убедить своего мужа проделать брешь в стене Казамира, чтобы протянуть ваш канал к Трем Фермам.

И тогда Савин сможет продать никчемные развалюхи, приобретенные ею за бесценок на предполагаемом пути канала, обратно самой себе, получив баснословную прибыль.

– Всем известно, что маршал, столь суровый к большинству людей, со своей супругой ведет себя абсолютным пусиком. Сами знаете, как это бывает, когда пожилой мужчина берет себе молодую жену.

Корт колебался между негодованием и тщеславием. Савин вполне устраивало такое положение. В конце концов, большинство животных лучше видеть в клетке.

– Протянуть мой канал... к Трем Фермам?

– И на этом мы не остановимся. – Там он, между прочим, сможет обслуживать принадлежащие Савин три текстильные фабрики и литейную мастерскую на Горной улице, резко повысив их производительность. – Осмелюсь сказать, что для вас, как для друга, я могла бы даже устроить посещение сходки ваших рабочих инквизиторами его величества. Подозреваю, что ваши смутьяны окажутся гораздо покладистее после того, как несколько человек будут примерно наказаны.

– Жрецы всегда одобряют примерные наказания, – вставила Зури.

Корт только что не пускал слюни. Савин подумала, что лучше остановиться, пока ему не понадобилось переменить штаны.

– Десятая доля, – охрипшим голосом предложил архитектор.

– Пф-ф! – Савин поднялась с места, и Зури подалась вперед с ее шляпкой в руке, вертя в длинных пальцах заколку с изяществом настоящего фокусника. – Как архитектор вы не уступите самому Канедиасу, но в лабиринтах адуанского общества вы совершенно потерялись. Вам нужен проводник, и я – лучшая из всех возможных. Будьте лапочкой, дайте мне пятую часть, пока я не взяла у вас четверть. Вы ведь знаете, я и треть могу выторговать.

Корт обмяк в кресле, его подбородок утонул в складке жира внизу, глаза обиженно уставились на Савин. Очевидно, он был не из тех людей, что любят проигрывать. Но в чем удовольствие побеждать тех, которые любят?

– Ну хорошо. Одна пятая.

– Нотариус из фирмы «Темпл и Кадия» уже готовит нам документы. Он свяжется с вами.

Она повернулась к двери.

– Меня ведь предупреждали, – пробормотал Корт, извлекая из кошелька расписку «Валинта и Балка». – Вас не заботит ничего, кроме денег.

– Что за неуместный пафос! К тому же, это уже давно пройденный этап. Теперь меня не заботят даже деньги. – Савин приподняла край шляпки в знак прощания. – Но как иначе я смогла бы вести счет?

Небольшое публичное повешение

– Терпеть не могу повешения, – заявил Орсо.

Одна из шлюх захихикала, словно он отпустил превосходную шутку. Более фальшивого смеха он в жизни не слышал – а в том, что касается фальшивого смеха, Орсо был настоящим ценителем. В его присутствии все вели себя фальшиво, и худшим актером из всех был он сам.

– Я думаю, вы могли бы прекратить это, – сказала Хильди. – Если бы захотели.

Орсо, нахмурившись, посмотрел на нее снизу – она сидела на стене, скрестив ноги и оперев подбородок на одну руку.

– Что ж... полагаю... – Как ни странно, такая идея никогда не приходила ему в голову. Он представил, как вспрыгивает на эшафот, требуя, чтобы несчастных приговоренных помиловали, как возвращает их обратно к их убогим жизням под слезливые благодарности и восторженные аплодисменты. Потом он вздохнул. – Однако... на самом деле, никому не следует вмешиваться в работу судебных органов.

Эта ложь, как и все, что вылетало у него изо рта, каким-то образом позволила ему выглядеть капельку менее омерзительным. Орсо подумал о том, кого он пытается одурачить. Хильди несомненно видела его насквозь. Правда заключалась в том, что он попросту не испытывал ни малейшего желания что-либо делать – ни «прекращать это», ни что-либо еще. Орсо взял еще одну понюшку жемчужной пыли, и его громкое сопение разнеслось по всей площади, поскольку в этот момент руководивший процедурой инквизитор вышел к краю эшафота, и толпа смолкла, затаив дыхание.

– Эти трое... граждан, – инквизитор обвел широким жестом закованных в цепи смертников, каждого из которых держал под мышки палач в капюшоне, – являются членами объявленной вне закона группировки, известной под названием «ломателей». Они обвиняются в государственной измене против короля!

– Изменники! – раздался чей-то пронзительный крик, тут же перешедший в кашель.

День был безветренный, а значит, неудачный в отношении смога. В последнее время в этом смысле было не так уж много хороших дней, учитывая, сколько новых труб понавырастало, как грибов, над всей Адуей. Люди, стоявшие в задних рядах, скорее всего с трудом различали эшафот сквозь густую пелену.

– Эти люди признаны виновными в поджоге и поломке механизмов, подстрекательстве к мятежу и укрывании беглецов от королевского правосудия! Вы хотите что-нибудь сказать?

Первый из осужденных, кряжистый бородач, явно был не прочь поговорить.

– Мы верные подданные его величества! – заревел он героическим басом, мужественным и вибрирующим от волнения. – Все, чего мы хотим, – это честной платы за честную работу!

– Я бы предпочел нечестную плату за то, чтобы ничего не делать, – заметил Танни.

Желток разразился хохотом посередине глотка, который делал из своей бутылки. Из его рта вырвался едко пахнувший фонтан спиртного, обдав брызгами парик хорошо одетой пожилой дамы, которая сидела прямо перед ним. Человек с внушительными седыми бакенбардами, скорее всего ее супруг, очевидно, решил, что они относятся к происходящему с недостаточной почтительностью.

– Вы ведете себя просто позорно, черт возьми! – рявкнул он, в ярости поворачиваясь к ним.

– Правда, что ли? – Танни оттопырил языком щеку. – Слышали, Орсо? Вы ведете себя позорно.

– Орсо? – пролепетал носитель бакенбардов. – Неужели это...

– Совершенно верно, – подтвердил Танни, открывая в улыбке желтые зубы.

Орсо поморщился. Он терпеть не мог, когда Танни использовал его имя, чтобы запугивать людей. Он ненавидел это почти так же, как повешения. Тем не менее, ему почему-то никак не удавалось заставить себя положить конец ни тому, ни другому.

Мгновенно остывший энтузиаст побледнел, как свежевывстиранная простыня, – Орсо уже давненько не доводилось такого видеть.

– Ваше высочество... я не мог даже предположить... Прошу вас, примите мои глубочайшие...

– В этом нет нужды. – Орсо лениво двинул рукой, взмахнув залитой вином кружевной манжетой, и взял еще одну понюшку жемчужной пыли. – Я действительно веду себя позорно. Печальный, но общеизвестный факт.

Он ободряюще похлопал собеседника по плечу, обнаружил, что обсыпал порошком его одежду, и попытался почистить ее – без особого успеха. Ну что ж, безуспешные действия были одной из немногих вещей, в которых он действительно преуспел.

– Прошу, не надо тревожиться из-за моих чувств. У меня их нет.

По крайней мере, так он часто говорил. Правда заключалась в том, что порой чувств бывало слишком много. И они с таким неистовством тащили его в десятке различных направлений, что в результате он не мог двинуться с места.

Орсо взял еще одну понюшку, для ровного счета. Заглянув слезящимися глазами в коробку, он заметил, что она выглядит угрожающе пустой.

– Хильди! – промычал он, делая ей знак. – Здесь ничего нет!

Она спрыгнула со стены и вытянулась перед ним во весь рост – в результате чего ее лицо оказалось примерно на уровне его грудной клетки.

– Опять? И к кому же мне идти?

– К Маджир?

– Вы задолжали Маджир сто пятьдесят одну марку. Она сказала, что больше не поверит вам в кредит.

– Может, Спицерия?

– Ему вы должны триста шесть. Та же история.

– Проклятье! Как это могло получиться?

Хильди окинула Танни, Желтка и шлюх многозначительным взглядом.

– Вы правда хотите, чтобы я ответила на этот вопрос?

Орсо покопался в памяти, ища кого-нибудь еще, но быстро сдался. Сдаваться было еще одной из способностей, в которых он весьма преуспел.

– Бога ради, Хильди, все же знают, что на меня можно положиться. В недалеком будущем меня ждет весьма значительное наследство!

Весь Союз, ни больше ни меньше, вместе со всем, что в нем есть – со всей неподъемной тяжестью связанных с ним забот, невероятной ответственностью и сокрушительными ожиданиями... Орсо скривился и швырнул ей коробку.

– Мне вы тоже должны девять марок, – буркнула Хильди.

– Кш-ш! – Он замахал на нее руками, но мизинец запутался в кружевах, и Орсо пришлось мучительно его высвободить. – Просто сделай что-нибудь!

Испустив страдальческий вздох, девушка напялила поверх золотистых волос свою древнюю солдатскую фуражку и шагнула в толпу.

– А она смешная, эта ваша девчонка на побегушках, – пропела одна из шлюх, чересчур тяжело наваливаясь на его руку.

– Она мой камердинер, – нахмурившись, отозвался Орсо. – И она, черт возьми, настоящее сокровище!

Тем временем бородач на эшафоте выкрикивал лозунги ломателей со все возрастающим энтузиазмом. Шум в толпе нарастал; к немалому замешательству инквизитора, осужденный

начинал находить отклик в сердцах людей. Сквозь насмешливые выкрики то и дело прорывались возгласы одобрения.

– Нет машинам! – надрывался бородач, натягивая жилы на толстой шее. – Нет захватам общественных земель!

Он казался дельным человеком. Во всяком случае, более дельным, чем Орсо.

– Как можно разбрасываться такими людьми! – пробормотал тот себе под нос.

– Открытый совет не должен быть только для благородных! Каждый должен иметь право голоса...

– Хватит! – рявкнул инквизитор, взмахом руки давая знак одному из своих подручных. Пленник еще пытался говорить с затянутой на шее петлей, но его слова потонули в гневном ропоте толпы.

Вот ведь парадокс: этот человек, рожденный безо всяких преимуществ, верил во что-то настолько сильно, что был готов умереть за это. А Орсо, от рождения имевший все, чего только можно пожелать, едва мог заставить себя вылезти утром из постели. Или, если быть точным, после полудня.

– Но ведь в постели так хорошо... – пробормотал он.

– Вот именно, ваше высочество, – проворковала ему на ухо вторая шлюха. Ее духи воняли настолько тошнотворно, что было удивительно, что вокруг нее не падают с неба потерявшие сознание голуби.

Инквизитор кивнул палачу.

Раньше для того, чтобы вздернуть осужденного, требовалась пара сильных людей или лошадей, но теперь какой-то предприимчивый умник изобрел систему, когда казнимый проваливался в люк сквозь настил эшафота. Достаточно было всего лишь нажать на рычаг. Ну а что, в нынешние дни на любое дело находилось изобретение, увеличивающее его эффективность. Почему убийство людей должно быть исключением?

Когда веревка со щелчком натянулась, толпа исторгла из себя странный звук, похожий на выдох. Частично это был возглас радости, частично – презрительное хмыканье, возможно, и стон разочарования, но большую долю занимал вздох облегчения. Облегчения от того, что на веревке болтаются не они.

– Да ну вас всех, – пробормотал Орсо, ерзая пальцем под воротничком рубашки.

Во всем этом не было ничего, даже отдаленно напоминающего удовольствие. Даже если эти люди действительно были врагами государства, они вовсе не казались такими уж опасными.

Следующей в очереди на получение королевской справедливости была девушка, которой вряд ли исполнилось хотя бы шестнадцать. Ее глаза на дне темных запавших глазниц были широко раскрыты. Она вскинула взгляд от распахнутого люка на шагнувшего к ней инквизитора.

– Хотите что-нибудь сказать напоследок?

Похоже, она была не способна ничего воспринимать. Орсо пожалел, что смог не настолько густой, чтобы скрыть от него ее лицо полностью.

– Пожалуйста! – взмолился третий человек рядом с девушкой. Его грязные щеки были исполосованы дорожками слез. – Возьмите меня, но, прошу вас...

– Заткните его! – рявкнул инквизитор, тоже вовсе не наслаждавшийся своей ролью в этом мрачном представлении.

В направлении эшафота беспорядочно полетело несколько овощей, но было трудно сказать, предназначались ли они осужденным или тем, кто исполнял приговор. По подолу платья девушки спереди распространялось темное пятно.

– Фу! – вымолвил Желток. – Она обмочилась!

Орсо, нахмурившись, глянул в его сторону:

– И это то, что вызывает у тебя отвращение?

– Ты, бывает, тоже мочишься в штаны, – насмешливо фыркнул Танни. – Я сам видел! Шлюхи снова разразились фальшивым хохотом. Бакенбарды сидящего впереди человека задвигались: очевидно, он скрипел зубами.

Орсо тоже сжал челюсти, снова переведя взгляд на эшафот. Хильди была права: он мог это прекратить. Если не он, то кто? И если не сейчас, то когда?

С петлей девушки было что-то не так. Инквизитор яростно шипел на одного из палачей, потом приподнял свой капюшон, открыв потное лицо, чтобы самому взглянуть на узел.

Орсо уже совсем собрался выйти вперед. Уже был готов заорать: «Остановитесь!»...

Но обстоятельства, словно сговорившись, вечно удерживали его от правильных поступков. Над его ухом послышался тихий, писклявый голосок:

– Ваше высочество...

Повернувшись, Орсо увидел за своим плечом широкое, плоское и не вызвавшее у него никакой радости лицо Бремера дан Горста.

– Горст, тоскливый ублюдок! Как вы меня нашли?

Оскорбление не вызвало у Горста ни малейшей реакции – как не вызывало ее ничто другое.

– Должно быть, ориентировался на запах позора, – предположил Танни.

– Да, он здесь довольно силен, – согласился Орсо.

Он потянулся за своей жемчужной пылью, но обнаружил, что ее нет. Тогда он выхватил из руки Желтка бутылку и сделал щедрый глоток.

– За вами послала королева, – пропищал Горст.

Орсо сложил губы трубочкой, просунул в нее язык и издал долгий неприличный звук.

– Неужели у нее не нашлось занятий получше?

– Что может быть важнее для матери, чем благополучие ее старшего сына? – хохотнул Желток.

Взгляд Горста скользнул к его лицу и остановился на нем. Он ничего не делал, только смотрел, но этого было достаточно, чтобы смех Желтка превратился в нервное бульканье и затих. Невзирая на клоунский голосок, начальник стражи его величества был не тем человеком, с которым стоило шутить дурацкие шутки.

– Может, мы хотя бы прихватим с собой шлюх? – спросил у него Орсо. – Я заплатил за весь день.

Настал его черед встретить рыбий взгляд Горста. Он вздохнул.

– Танни, ты не мог бы проводить дам обратно в их резиденцию?

– О, я мог бы проводить с ними целые сутки, ваше высочество!

Эта реплика встретила новый взрыв фальшивого хихиканья. Орсо отвернулся от них без особых сожалений. Он терпеть не мог повешения, но девочки захотели пойти, а разочаровывать людей он тоже не любил. Правда, в результате, похоже, разочаровывал вообще всех.

За его спиной снова раздался тот странный звук, похожий на выдох, когда распахнулся следующий люк в настиле эшафота.

* * *

Орсо небрежно набросил шляпу на бюст Байяза, мысленно поздравив себя с тем, как восхитительно залихватски она легла на лысую голову легендарного кудесника.

Огромное пространство салона заполнилось эхом от его каблуков, когда он пустился через море сверкающих плиток мозаики к крошечному островку мебели в середине. Королева Союза расположилась на кушетке, угрожающе прямая, вся обсыпанная бриллиантами. Она словно росла посередине сиденья, как великолепная орхидея в расписном горшке. Едва ли

стоило упоминать, что, хотя Орсо знал ее всю свою жизнь, царственные манеры этой женщины каждый раз поражали его заново.

– Мама, – проговорил он на стирийском. Ее раздражало, когда с ней говорили на языке страны, которой она правила, а по долгому опыту Орсо знал, что раздражать королеву Терезу не стоило практически никогда. – Я как раз собирался к вам зайти, когда меня нашел Горст.

– Ты, должно быть, принимаешь меня за какую-то особенную дурочку, – сказала она, поворачивая к нему лицо.

– О нет, что вы! – отозвался Орсо, наклоняясь, чтобы коснуться губами густо напудренной щеки. – За вполне обыкновенную.

– Право же, Орсо, твой акцент становится все более ужасным.

– Что поделаешь? Стирия чуть ли не целиком перешла в руки наших врагов, так что у меня почти нет возможности практиковаться.

Королева двумя пальцами сняла с его камзола едва заметную пушинку.

– Ты нетрезв?

– Ума не приложу, с чего мне быть нетрезвым. – Орсо демонстративным жестом взял со стола графин и налил себе бокал вина. – Я вынюхал как раз необходимое количество жемчужной пыли, чтобы уравновесить действие шелухи, выкуренной мной с утра. – Он потер нос, все еще сохранявший приятное онемение, и поднял бокал, салютуя матери: – Еще бутылочка-другая, чтобы сгладить шероховатости, – и мне обеспечено приятное плавание вплоть до самого обеда!

Королевская грудь, сдерживаемая корсетом – настоящим произведением искусства, могущим поспорить с любым из чудес новой эры, – величественно приподнялась: королева вздохнула.

– Праздность – черта, которую люди до определенной степени ожидают видеть в крон-принце. Когда тебе было семнадцать, она выглядела вполне обаятельной. В двадцать два это начало несколько надоедать. Но сейчас тебе уже двадцать семь, и положение кажется мне отчаянным.

– Ох, мама, вы даже не представляете! – Орсо упал в кресло, столь дико неудобное, что ощущение было, словно его пнули в зад. – Уже много лет я пребываю в состоянии полнейшего стыда за самого себя.

– Почему бы не попробовать найти себе дело, которым ты мог бы гордиться? Тебе не приходила в голову такая мысль?

– Приходила, и оставалась там на целые дни. – Он критически нахмурился, подняв свой бокал против одного из огромных окон и изучая вино на просвет. – Но в таком случае мне придется его *делать*, а ведь это так утомительно!

– Честно говоря, твоему отцу не помешала бы поддержка. Он слабый человек, Орсо.

– Да, вы никогда не устаете твердить ему это.

– И сейчас трудные времена. Последняя война закончилась... не очень хорошо.

– Она закончилась очень даже неплохо, если тебя зовут король Яппо Стирийский.

– Однако тебя... зовут... по-другому! – Его мать выговаривала каждое слово с ледяной четкостью.

– К сожалению для всех заинтересованных лиц.

– Ты смертельный враг короля Яппо и законный наследник всего того, что он и его трижды проклятая Талинская Змея у тебя украли, и сейчас самое время, чтобы ты начал принимать свое положение всерьез! Наши враги повсюду. В том числе и внутри границ Союза.

– Я знаю. Только что присутствовал при повешении трех из них. Двое крестьян и пятнадцатилетняя девчонка. Она обмочилась. Никогда не чувствовал большей гордости за себя.

– В таком случае, надеюсь, ты явился ко мне в достаточно восприимчивом настроении.

Мать Орсо дважды резко хлопнула в ладоши, и в помещение вошел лорд-камергер Хофф. Важный, с выпирающим из-под жилета животом и тощими как палки ногами, затянутыми в тесные брюки, он больше всего походил на призового петуха, ревниво обходящего двор фермы.

– Ваше *величество*!

Он поклонился королеве так низко, что практически обмахнул кончиком носа мозаичный пол.

– Ваше *высочество*!

Орсо он поклонился не менее низко, но каким-то образом сумел вложить в это движение выражение безграничного презрения. Или, возможно, Орсо просто увидел в его подобострастной улыбке отражение собственного презрения к себе.

– Я буквально *просеял* весь Земной Круг в поисках наиболее подходящих кандидатур. *Смею* ли надеяться, что среди них может оказаться будущая Высокая королева Союза?

– Ох, ради всего святого! – Орсо бессильно запрокинул голову, устремив взгляд на восхитительную потолочную роспись: народы мира, преклоняющие колена перед золотым солнцем. – Неужто снова смотр невест?

– Обеспечить престолонаследие – не шутка! – провозгласила его мать.

– В любом случае, не смешная.

– Кончай паясничать, Орсо. Обе твои сестры исполнили свой династический долг. Ты думаешь, Катиль хотела переселиться в Старикланд?

– Ее пример не может не вдохновлять.

– Или что Карлотта так уж хотела выходить замуж за канцлера Сипани?

По правде говоря, та была в восторге от этой идеи, но мать Орсо любила представлять, будто все вокруг только и делают, что жертвуют собой на алтарь долга – как, по ее уверениям, поступала она сама.

– Конечно же, нет, мама.

Тем временем двое лакеев уже осторожно пропихивали в комнату огромную картину, лишь с трудом не заклинив раму в дверном проеме. С полотна очаровательно улыбалась бледная девица с абсурдно длинной шеей.

– Леди Сифрин дан Харнвельд! – провозгласил лорд-камергер.

Орсо глубже забился в кресло.

– Неужели мне действительно нужна жена, у которой расстояние от подбородка до сисек измеряется в милях?

– Художественная вольность, ваше высочество, – объяснил Хофф.

– Назови свою мазню искусством, и тебе сойдет с рук все что угодно.

– Во плоти она вполне презентабельна, – заметила королева. – А ее родословную можно проследить до самых времен Гарода Великого.

– Дама *чистейших* кровей! – ввернул лорд-камергер.

– Породистая как лошадь, и ума в ней не больше, – отозвался Орсо. – Если у нас и король, и королева будут идиоты, это уже перебор, вы так не считаете?

– Следующая! – проскрежетала его мать.

Вторая пара лакеев едва не столкнулась с первой, так они спешили внести изображение двусмысленно улыбающейся стирийки.

– Графиня Иштарин Аффойская уже зарекомендовала себя как политик, к тому же она обеспечит нам ценных союзников в Стирии.

– Судя по ее виду, она скорее обеспечит меня половым заболеванием.

– Мне думалось, ты уже приобрел иммунитет благодаря постоянным контактам с возбудителями, – парировала королева, отсылая портрет прочь изящным взмахом кисти.

– Какая жалость, мама, что я больше никогда не вижу, как вы танцуете.

Она танцевала превосходно. Порой можно было даже подумать, что ей это нравится.

– Твой отец такой увалень; как партнер он никуда не годится.

Орсо печально улыбнулся:

– Он старается как может.

– Мессела Сивирина Систус! – провозгласил камергер. – Младшая дочь императора Дантуса Голтуса...

– То есть он даже не удостоил нас старшей дочери? – гневно спросила королева прежде, чем Орсо получил возможность выдвинуть собственные возражения. – Нет, не думаю, что она нам подходит!

И так шло все дальше и дальше. Орсо отмечал, как утро плавно переходит в вечер, по неизменно уменьшающемуся уровню вина в графине, отвергая один цветок женственности за другим:

– Как я могу потерпеть, чтобы жена была выше меня ростом?

– Эта еще худшая пьяница, чем я сам!

– По крайней мере можно не сомневаться в ее плодовитости: мне известно по меньшей мере о двух ублюдках, которых она выносила.

– Что это у нее на лице – нос или член?

Он почти жалел, что не остался на повешении. Там он хотя бы теоретически мог положить конец происходящему, против матери же он был совершенно беспомощен. Его единственным шансом было переждать, пока она уgomонится. В конце концов, число женщин в Земном Круге должно быть конечно.

Наконец последний портрет вытащили прочь из комнаты. Лорд-камергер остался перед ними, ломая руки:

– Ваше *величество*! Ваше *высочество*! Я с прискорбием...

– У вас все? – спросил Орсо. – Уверены, что портрет Савин дан Глокты не притаился нигде в коридоре?

Даже на расстоянии он ощутил холод неудовольствия королевы:

– Я тебя умоляю! Ее мать – невежа-простолюдинка, да еще и пьяница в придачу!

– Зато от нее много радости на вечеринках. К тому же, что ни говорите о леди Арди, но архитектор Глокта пользуется у людей уважением. Точнее, они испытывают перед ним крайний ужас.

– Этот ничтожный червяк! – скривилась королева. – Калека и палач.

– Палач – но наш палач, верно, мама? *Наи*. К тому же, насколько я понимаю, его дочь сумела сколотить себе баснословное состояние.

– А где источник этих денег? Торговля! Сделки! Инвестиции!

Королева произнесла это с таким презрением, словно речь шла о преступной деятельности. Впрочем, как знать, может быть, предприятия Савин и в самом деле были противозаконными. Орсо вовсе не исключал такой возможности.

– Ох, бросьте, мама! Деньги, постыдно добытые торговлей, так же способны залатать дыры в казне, что и доблестно выжатые из нищих крестьян.

– Она слишком стара! И ты-то уже не молод, а она еще старше тебя!

– Зато у нее безупречные манеры, а ее красота до сих пор считается образцовой. – Он расслабленно махнул рукой в направлении двери. – С нее бы получился портрет получше, чем с любой из этих драных кошек, и живописцу даже не пришлось бы ничего приукрашивать. К тому же «королева Савин» очень даже неплохо звучит!

Он беззаботно рассмеялся.

– Ты это специально делаешь, только чтобы меня позлить? – В голосе его матери звучала ледяная ярость.

– Что вы! Совсем не только для этого!

– Обещай мне, что не будешь иметь никаких дел с этой амбициозной мерзавкой!

Орсо откинулся на спинку кресла, озадаченно подняв брови:

– С Савин дан Глокта? Ее мать простолюдинка, отец палач, сама она заработала свои деньги предпринимательством... – Он вытряс из графина в свой бокал последние капли. – ... Не говоря уже о том, что она, черт побери, в самом деле практически старуха!

* * *

– О-о! – захлебывался он. – Ох, черт!

Выгнув спину, он отчаянно вцепился в край стола, свалил на пол стакан с перьями и ударился головой о стену так, что штукатурка дождем посыпалась ему на плечи. Он мучительно пытался вывернуться, но она держала его за яйца. В буквальном смысле.

Он запрокинул лицо, едва не проглотив язык, закашлялся и снова прошипел сквозь зубы отчаянное: «Черт!» Наконец он всхлипнул и обмяк, задергался и обмяк снова, слегка подрагивая ногами в последних болезненных спазмах.

– Ч-черт... – выдохнул он.

Савин с поджатыми губами осмотрелась по сторонам, потом взяла бокал Орсо, до половины налитый вином, и сплюнула в него. Он заметил, что даже в этих обстоятельствах она держала бокал за ножку самым элегантнейшим образом. Проведя языком по передним зубам, она снова сплюнула и поставила бокал обратно на стол рядом со своим.

Орсо посмотрел на свое семя, плавающее в вине.

– Это... это даже в чем-то отвратительно.

– Я тебя умоляю! – Савин прополоснула рот вином из собственного бокала. – Тебе-то приходится только смотреть на него.

– Что за высокомерное презрение! Придет день, мадам, когда я стану вашим королем!

– И твоя королева, надо думать, будет сплевывать твою сперму в золотую коробочку, чтобы потом раздавать ее по праздникам ради всеобщей пользы. Мои поздравления вам обоим, ваше высочество!

У Орсо вырвался дурацкий смешок.

– Не могу понять, почему такое совершенное существо, как ты, тратит свои силы на такого олуха, как я?

Она задумчиво выпятила губы, словно пытаясь разгадать загадку, и в один странный, глупый момент он едва не спросил ее. Слова вертелись на кончике его языка. Никто не подходил ему лучше, чем она. Она обладала всеми качествами, о которых он мечтал для себя. Такая пронизательная, такая дисциплинированная, такая решительная. Кроме того, было бы неплохо сделать это только ради того, чтобы увидеть выражение лица матери.

Он едва не спросил ее. Но обстоятельства, словно сговорившись, вечно удерживали его от правильных поступков.

– Мне приходит на ум только одна причина, – ответила она, задирая юбки и всползая на стол рядом с ним.

Проелозив потным задом по кожаной обивке, он соскользнул на пол. Ноги все еще плохо держали, штаны мотались вокруг лодыжек. Он откинул крышку коробочки, высыпал горстку жемчужной пыли на тыльную сторону ладони, вынюхал половину и предложил ей остальное.

– Пусть никто не говорит, что я думаю только о себе, – заметил он.

Зажав одну ноздрю, Савин втянула в себя порошок. Мгновение она моргала, глядя в потолок, ее ресницы трепетали, словно она готовилась чихнуть. Потом она снова откинулась назад, опершись на локти, и придвинула к нему свои бедра.

– Давай, приступай к делу.

– Похоже, ты сегодня совсем не романтически настроена?

Она запустила пальцы ему в волосы и довольно болезненно пригнула ему голову, направив себе между ног:

– Не знаю как у кого, а у меня мало времени.

– Вопиющая наглость! – вздохнул Орсо. Она взгромоздила ногу ему на плечо. Он провел ладонью по ее обнаженной коже, слыша ее вздох, чувствуя ее содрогание. Мягко поцеловал голень, потом колено, потом бедро. – Будет ли конец требованиям моих подданных?

Ломатели

– Что это вообще за имя такое – Вик?

– Уменьшительное от «Виктарина».

– О-очень изящно! – насмешливо фыркнула Гриз. Они были знакомы не так давно, но Вик уже начинала от нее уставать. – Готова поручиться, у тебя еще и убудочное «дан» перед фамилией! Ну как, ваша милость, я угадала?

Она шутила – но для того, чтобы развеселить Вик, требовалось что-нибудь значительно более смешное. Она взглянула Гриз прямо в глаза.

– У меня действительно когда-то стояло «дан» перед фамилией. Мой отец был мастером-распорядителем королевского монетного двора. У него были огромные апартаменты в Агрионте. – Вик кивнула в том направлении, где, по ее представлениям, располагалась крепость, хотя определить стороны света в этом затхлом погребе было непросто. – Прямо рядом с дворцом. Такие большие, что у нас в холле стояла статуя Гарода Великого – в натуральную, мать ее, величину!

Стоило видеть озадаченное выражение на круглом лице Гриз, освещенном мелькающим светом из крошечного оконца под самым потолком, за которым топали сапоги, стучали копыта и грохотали тележные колеса.

– Что? Ты выросла в Агрионте?

– Ты плохо слушаешь. В Агрионте располагались апартаменты моего отца. Но когда мне было восемь лет, он наступил кому-то на любимую мозоль, и его забрала инквизиция. Как я слышала, вопросы ему задавал сам Костлявый.

Это сообщение окончательно изменило атмосферу. Гриз несколько съежилась, а Огарок, моргая, принялся вглядываться в тени по углам, словно за пыльными стеллажами мог прятаться сам архилектор с дюжиной практиков.

– Мой отец был невиновен, во всяком случае в том, в чем его обвиняли. Но после того, как за него взялся Костлявый... – Вик припечатала стол ладонью, и Огарок подпрыгнул так, что едва не ударился головой о потолок. – Признания посыпались из него как из дырявого мешка. Ему пришили государственную измену и отправили в Инглию, в северные лагеря.

Вик криво ухмыльнулась, хотя настроение у нее было отнюдь не веселое:

– И поскольку никто не любит разделять счастливые семейства, мою маму выслали вместе с ним. А также моего брата, моих сестер и меня. Лагеря – вот где я выросла, Гриз! Так что никогда не сомневайся в моей преданности делу, слышишь, никогда!

В наступившей тишине было слышно, как Огарок нервно сглотнул.

– И как там, в лагерях?

– Прожить можно.

О, сколько грязи, боли, голода, смертей, несправедливостей и предательств пряталось за этой фразой! Черная мгла промозглых рудников, испепеляющий жар горнов, зубовный скрежет ярости и безнадежные всхлипы отчаяния, засыпанные снегом тела... Усилием воли Вик сохранила бесстрастное лицо, запечатав прошлое внутри себя, словно задвинув крышку гроба, кишашего трупными червями.

– Прожить можно, – повторила она более твердым тоном.

Когда лжешь, нужно, чтобы ложь звучала так, словно ты сама в нее веришь. Вдвойне – если лжешь самой себе.

Дверь, взвизгнув, распахнулась, и Гриз резко повернулась в ту сторону. Однако это всего лишь наконец-то пришел Сибальт, за плечом которого маячил Мур, огромный и суровый. Упершись кулаками в столешницу, Сибальт испустил тяжелый вздох. Его благородное лицо прочертили скорбные складки.

– Что случилось? – севшим голосом спросил Огарок.

– Они повесили Рида, – сказал Сибальт. – И Кадбера. И его дочку.

Гриз недоверчиво уставилась на него.

– Но ей же всего пятнадцать!

– За что? – спросил Огарок.

– Просто за разговоры. – Сибальт положил руку на шуплое плечо мальчика и крепко сжал. – Просто за то, что организовывали людей. Убеждали рабочих держаться друг за друга и говорить одним голосом. Теперь это считается изменой.

– Значит, пора завязывать с разговорами, черт возьми! – рявкнула Гриз.

Вик была разгневана не меньше, чем они. Но лагерь научили ее, что любая эмоция – это слабость. Если тебе больно, спрячь свою боль и думай о том, что делать дальше.

– Кого они могли знать? – спросила она.

– Это все, о чем ты думаешь? – Гриз сунула толстый кулак ей под нос и потрясла им. – О своей гребаной безопасности?

Вик посмотрела на кулак, потом ей в глаза.

– Если они знали какие-то имена, они их выдали.

– Только не Кадбер! Он никогда не выдаст!

– Даже когда его дочь начнут жечь каленым железом?

Гриз промолчала. Выражение гнева на ее лице постепенно сменилось потрясением и ужасом.

– Повторяю: если они знали какие-то имена, они их выдали. И кучу других заодно, потому что когда у тебя кончается правда, ты начинаешь врать что придется.

Мур покачал своей огромной, как валун, головой:

– Только не Рид.

– Рид, Кадбер, его дочь, ты, я, кто угодно! Инквизиция явится за всеми, о ком они знали, и это будет очень скоро. Итак, о ком они могли знать?

– Только обо мне. – Сибальт устремил на нее спокойный, ровный взгляд. – Я сам постарался, чтобы обо мне знали.

– В таком случае тебе нужно убираться из Адуи. Ради твоей собственной безопасности и ради безопасности дела.

– Что это ты тут раскомандовалась? – Гриз наклонилась к ней, тыча пальцем. – Кто ты такая, мать твою растак? Ты здесь самая новенькая!

– Может, поэтому я вижу более ясно, чем вы.

Вик опустила руку на пряжку пояса, за которой был спрятан медный кастет. Несмотря на массивное телосложение, она не считала Гриз такой уж большой угрозой. Тем, кто много кричит, обычно требуется больше времени, чтобы раскрутить себя на что-то большее. Однако Вик была готова уложить ее, если понадобится. А если Вик кого-то укладывала, можно было не сомневаться, что поднимется он не скоро.

К счастью для Гриз, Сибальт мягко положил ей руку на плечо и придержал:

– Вик права, мне нужно убираться из Адуи. Сразу же, как только мы нанесем удар.

Мур вытащил грязный бумажный свиток и развернул его на столе. Это была карта города. Сибальт постучал пальцем в районе Трех Ферм, недалеко от места, где недавно начали рыть канал:

– Литейная на Горной улице.

– Только там уже нет никакой Горной улицы, – сказал Мур в своей медленной, тягучей манере. – Все дома снесли, чтобы построить литейные мастерские.

– Там устанавливают новые машины, – сказал Сибальт.

Огарок кивнул:

– Да, я видел, когда проходил мимо. Говорят, из-за этих машин двести человек лишатся работы.

– И что? – спросила Вик, хмурясь. – Мы собираемся их сломать?

– Мы собираемся взорвать их к чертовой матери! – откликнулась Гриз. – Гуркским огнем!

Вик озадаченно моргнула.

– У вас есть гуркский огонь? И много?

– Три бочки, – ответил Сибальт. – Как ты думаешь, этого хватит?

– Если заложить в нужных местах, может, и хватит. Вы знаете, как его использовать?

– Не особенно. – Сибальт ухмыльнулся ей. – Но это знаешь ты. Вы ведь использовали гуркский огонь на рудниках, верно? В Инглии?

– Верно. – Вик посмотрела на него, сощурившись. – Откуда он у вас?

– Какая тебе разница? – рявкнула Гриз.

– Разница в том, надежный у вас источник или нет. Разница в том, сработает это или нет. Потому что иначе он может взорваться слишком рано, и наши ошметки разлетятся по всем Трем Фермам.

– Ну, ты можешь не волноваться, потому что мы получили его из Вальбека, – сообщила Гриз, лучась самодовольством, словно королевский портной. – Прямым от самого Ткача...

– А ну цыц! – прикрикнул Сибальт. – Лучше никому из нас не знать больше, чем необходимо. Не беспокойся, порошок что надо.

Гриз впечатала кулак в свою мясистую ладонь:

– Нанесем удар за простого человека, а, братья?

– Точно, – прогудел Мур, медленно кивая огромной головой. – Зажжем искру!

– И из нее разгорится пожар, – закончил Сибальт.

Вик придвинулась вперед.

– Если мы это сделаем, будут пострадавшие. Будут убитые.

– Только те, кто этого заслуживают, – сказала Гриз.

– Когда начинают убивать, дело редко останавливается на тех, кто этого заслуживает.

– Ты что, испугалась?

– Если ты не боишься, это значит, что ты либо сумасшедшая, либо дура. Ни те, ни другие не годятся для выполнения таких задач. Нам нужно обдумать каждую деталь.

– Я там подрядился халтурить, – сообщил Мур. – Могу нарисовать план местности.

– Хорошо, – отозвалась Вик. – Чем больше планирования, тем меньше риска.

Гриз фыркнула, показывая свое отвращение.

– Ты только и думаешь, что о гребаном риске!

– Это необходимо. Мы должны представлять, что делаем, а не лезть в дело вслепую, только потому что устали и не можем придумать себе лучшего занятия. – Она обвела взглядом четыре лица, казавшиеся незнакомыми в неверном свете погребца: – Вы ведь все этого хотите, верно?

– Еще бы! Можешь не сомневаться, – отозвалась Гриз.

– Это то, чего я хочу, – подтвердил Сибальт.

– Угу, – пророкотал Мур.

Последним она посмотрела на Огарка. Мальчишке было, наверное, не больше пятнадцати, и за все эти годы ему едва ли довелось хотя бы три раза нормально поесть. Он немного напоминал Вик ее брата. Эти тощие запястья, торчащие из обтрепанных, слегка коротковатых рукавов. Эти попытки сохранять каменное лицо, хотя страхи и сомнения так и лились из его больших влажных глаз, словно лучи маяка.

– Грядет Великая перемена, – наконец сказал он. – Вот чего я хочу.

Вик зловеще улыбнулась.

– Что ж, если я чему-то и научилась в лагерях, так это тому, что одних разговоров недостаточно. – Она поняла, что ее пальцы сжались в кулак. – Если ты чего-то хочешь, то должен быть готов за это бороться!

* * *

После она какое-то время еще сидела сверху, оседлав его, прижавшись грудью к его груди, перехватывая его дыхание. Целуя его губу. Покусывая ее. Потом со вздохом соскользнула с него, перекатилась на бок и легла рядом на узкой кровати, прикрыв голые плечи одеялом. Теперь, когда они закончили, стал ощущаться холод; по углам небольшого оконца в свете уличных ламп виднелись морозные узоры.

Оба лежали молча. Он смотрел в потолок, она – на него. Снаружи грохотали телеги, торговцы расхваливали свой товар, пьяница на углу ревел что-то нечленораздельное, давая выход своей бессмысленной боли и ярости. Не обращая ни к кому в отдельности, но одновременно ко всем и всему вокруг.

Наконец он повернулся к ней:

– Прости, что я не вмешался, когда Гриз...

– Я могу сама о себе позаботиться.

Сибальт хмыкнул.

– И получше многих! Я извиняюсь не потому, что думаю, будто ты нуждаешься в моей помощи. Я извиняюсь за то, что не смог ее предоставить. Лучше, если они не будут знать, что мы... – он скользнул ладонью вверх по ее ребрам, потирая большим пальцем старый ожог на ее боку, подыскивая правильное слово для обозначения их взаимоотношений, – ...что мы вместе.

– Мы вместе, пока мы здесь. Но там... – она мотнула головой в сторону покореженной двери в перекошенном дверном проеме.

Там каждый стоял сам за себя.

Он нахмурился, глядя на небольшую прореху в грубой простыне между ними, словно это была бездонная пропасть, которую невозможно преодолеть.

– Прости, что не могу сказать тебе, откуда у нас гуркский огонь.

– Лучше, чтобы никто не знал больше, чем необходимо.

– Но он работает как надо.

– Я тебе верю, – сказала она. – И верю тому, что ты говоришь.

На самом деле Вик не верила никому. Она научилась этому в лагерях, параллельно с искусством лгать. Лгать она научилась так хорошо, что могла взять крошечный кусочек правды и растянуть его, распластать, словно ювелир, делающий амальгаму из золотого слитка, пока он не покроет целое поле лжи. Сибальт не сомневался в ней ни на мгновение.

– Жаль, что я не повстречал тебя раньше, – сказал он. – Все могло бы пойти по-другому.

– Но этого не случилось. Так что давай довольствоваться тем, что мы имеем, ладно?

– Судьбы свидетели, Вик, с тобой трудно иметь дело!

– Все мы далеко не такие трудные люди, как кажется.

Ее рука скользнула ему за затылок, сквозь темные, пронизанные сединой волосы. Крепко держа его за голову, Вик взглянула ему прямо в глаза и спросила еще раз:

– Ты уверен, Коллем? Уверен, что ты этого хочешь?

– Чего мы хотим, на самом деле не так уж важно, не так ли? Принимая во внимание вещи более серьезные, чем наши с тобой судьбы? Мы можем заронить искру, от которой разгорится большой пожар. Придет день, и настанет Великая перемена. И такие люди, как мы с тобой, Вик, смогут сказать свое слово.

– Великая перемена, – повторила она, стараясь, чтобы это прозвучало так, словно она верит в сказанное.

– Когда дело будет сделано, мне придется покинуть Адую.

Вик молчала. Это лучшее, когда тебе нечего сказать.

– Ты могла бы поехать со мной.

Надо было ей промолчать и здесь тоже. Вместо этого она спросила:

– И куда мы отправимся?

По его лицу разлилась широкая улыбка. И при виде нее Вик тоже улыбнулась – впервые за долгое время. Казалось, что ее губы уже разучились изгибаться в этом направлении.

Каркас кровати заскрипел, когда он потянулся к полу рядом с кроватью и достал из своих вещей потрепанную книжку – Марин Глангорм, «Жизнь Даба Свита».

– Ты опять за свое? – спросила Вик.

– Ага, опять.

Книжка раскрылась на гравюре, занимавшей весь разворот – сама собой, как будто ее часто открывали на этом месте. Одинокий всадник, вглядывающийся в даль поверх бескрайнего пространства травы под бескрайним небом. Сибальт вытянул руку с книжкой, глядя на изображение так, словно это был вид, открывающийся перед ними из окна.

– Дальние Территории, Вик, – прошептал он, словно эти слова были магическим заклинанием.

– Я знаю, – фыркнула она. – Под картинкой написано.

– Только представь себе: трава без конца. – Он говорил наполовину в шутку. Но это означало, что на вторую половину он говорит всерьез. – Место, где ты можешь уйти так далеко, как только заведет тебя мечта. Место, где ты сможешь родиться заново. Разве это не прекрасно?

– Да, наверное. – Она поняла, что тянет руку к изображению, словно ее пальцы могли коснуться чего-то помимо бумаги, и отдернула ее обратно. – Но это всего лишь чей-то рисунок в книжке, полной выдумок, Коллем!

– Знаю, – отозвался он с грустной улыбкой, словно понимая, что хотя играть в такие мысли и приятно, но это всего лишь игра, не больше. Он захлопнул книжку и кинул ее обратно на дощатый пол. – Рано или поздно приходит пора отказаться от того, чего ты хочешь, и попытаться извлечь максимум из того, что у тебя есть.

Она перевернулась и легла спиной на его живот. Они лежали молча, под теплыми одеялами, в то время как мир снаружи продолжал жить своей жизнью, и свет от горнов с другой стороны улицы бросал внутрь комнаты оранжевые отблески через мутные стекла.

– Когда мы зажжем эту искру... – прошептал он ей в ухо громким шепотом, – ...все изменится.

– Не сомневаюсь, – отозвалась Вик.

Снова молчание.

– Все изменится в том числе и между нами.

– Не сомневаюсь, – снова сказала Вик, переплела свои пальцы с его пальцами и крепко прижала его руку к своей груди. – Так давай же брать то, что можем. Если я чему-то и научилась в лагерях, так это тому, что не стоит заглядывать слишком далеко вперед.

Потому что велика вероятность, что ты не увидишь там ничего хорошего.

Ответ на твои слезы

Бывает так, что просыпаешься от кошмарного сна, и тебя накрывает восхитительная волна облегчения, когда ты понимаешь, что все виденные тобой ужасы – всего лишь призраки, а на самом деле ты лежишь в своей теплой постели, и тебе ничто не угрожает.

У Рикке получилось в точности наоборот.

Ей снилось что-то радостное, в каком-то счастливом месте, и она зарывалась глубже в перья с улыбкой на лице. Потом она ощутила холод, заползающий в сердце, как бы плотно она ни сворачивалась клубком. Потом пришла боль в натруженных ногах, и она принялась ворочаться на безжалостно твердой земле. И наконец – голод, терзающий внутренности, накативший на нее вместе с осознанием, где она находится, после чего она со стоном пробудилась.

С огромной неохотой она открыла глаза и увидела над собой холодное серое небо, ветви дерева, поскрипывающие на ветру, и что-то свисающее...

– Черт! – взвизгнула она, вскакивая со своего отсыревшего плаща.

Прямо над тем местом, где она спала, на дереве висел человек. Если бы она встала на цыпочки, то смогла бы коснуться его покачивающихся ступней. Когда она укладывалась, стояла такая темнота, что невозможно было разглядеть собственные руки, не то что висящий над головой труп. Но сейчас не заметить его было трудно.

– Там мертвец! – завопила Рикке, показывая трясущимся пальцем.

Изерн едва удостоила его взглядом.

– Если поразмыслить, я предпочитаю неожиданно столкнуться с мертвыми, чем с живыми. На, держи.

Она вложила что-то Рикке в окоченевшую ладонь. Подмокшая хлебная горбушка и пригоршня этих ужасных горьких ягод, от которых зубы становятся фиолетовыми.

– Завтрак, – пояснила Изерн. – Жуй как следует, потому что это вся еда, которую луна благоволила нам дать на сегодня.

Она сложила чашечкой свои ладони – одна белая, другая синяя – и осторожно подула в них, словно даже дыхание было ценным ресурсом, который следовало расходовать бережно.

– Мой папаша говорил, что можно увидеть всю красоту мира, глядя, как качается висельник.

Рикке оторвала зубами кусок отсыревшего хлеба и принялась жевать саднящим ртом, скользая опасливым взглядом обратно к неспешно поворачивающемуся телу.

– Не могу сказать, что я ее вижу.

– Должна признаться, я тоже.

– Что будем делать? Перережем веревку?

– Сомневаюсь, что он нас поблагодарит.

– Кто это вообще?

– Он, в общем-то, не так уж много может нам рассказать о себе. Может, это один из людей твоего отца, которого повесили люди Стура Сумрака. А может, человек Стура, повешенный людьми твоего отца. Сейчас уже нет большой разницы. Мертвые не сражаются ни за кого.

Человек ее отца? Так, может, Рикке его знала? Как много тех, кого она знала, были убиты за эти последние несколько дней? Она ощутила в носоглотке пощипывание от подкатывающих слез и яростно шмыгнула носом.

– Сколько еще мы сможем вынести? – Она знала, что ее голос звучит визгливо и хрипло, но не могла удержаться.

– Сколько смогу вынести я? – переспросила Изерн. – Мне было шесть, когда папаша впервые послал меня вырезать стрелы из трупов. Я смогу вынести столько, сколько потребу-

ется. А вот сколько вынесешь ты? Когда ты упадешь и не сможешь подняться, мы определимся с твоими границами. Но до тех пор...

Она посмотрела вдаль сквозь деревья, ковыряя кончиком ногтя между зубами, заляпанными ягодным соком.

– Мы не можем просто сидеть на одном месте. Подняться в горы, к моему народу, тоже не получится. Значит, нужно отыскать союзников или людей твоего отца, а они все пьются к Белой так же стремительно, как козы перед волком. Нам нужно двигаться еще быстрее, чем они, и к тому же враг находится между нами и ними, а значит, чем дальше, тем будет опаснее. Правда, нам еще предстоит много дней перехода. Даже неделя.

Недели перехода – через болота и колючие заросли, прячься от врагов, питаясь червями и ноцую под повешенными... Рикке ощутила, как у нее опускаются плечи.

Она вспомнила замок своего отца в Уфрисе. Лица, вырезанные на потолочных балках, и мясо, капающее соком в очаг. Как собаки с печальными глазами выпрашивали подачку, положив морды ей на колени. Как у огня пели песни о великих деяниях, свершавшихся в солнечных долинах прошлого. Как взгляд ее отца затуманивался при любом упоминании Тридуба, Грозовой Тучи и даже Черного Доу, и как он поднимал чашу, когда под сводами пиршественного зала гремело имя «Девять Смертей».

Она вспомнила Названных – как они сидели в ряд по обе стороны от очага. Как улыбались ее шуткам, ее песням. Ох уж эта Рикке, и забавная же девчонка! Конечно, никто не захочет, чтобы у его собственной дочери было не в порядке с головой, но Рикке – она забавная.

Она вспомнила, как по вечерам, пьяная и умиротворенная, убредала в свою комнату, где ее встречала собственная теплая койка с одеялом, сшитым ее матушкой, и куча красивых безделушек, аккуратно расставленных на полке, и куча красивой одежды в сундуке, сухой и восхитительной.

Она вспомнила крутые улочки Уфриса с блестящими от дождя булыжниками, лодки и суденышки в серых водах гавани, гомон людей на рынке, сверкающую рыбу, скользкую на землю из сетей, когда привозили свежий улов.

Рикке знала, что была там несчастлива. Она повторяла это столько раз, что сама устала от собственного нытья. Теперь, щупая грязный и вонючий мех своего плаща, она удивлялась, что ее могли настолько задевать холодные взгляды и колкие слова. Глупость, ребячливость и бессилие... Но, возможно, в этом и состоит взросление: когда ты понимаешь, каким гребаным ослом был прежде.

Во имя мертвых, как же ей хотелось вернуться туда, к теплу и безопасности, чтобы за ней не охотились, а только высмеивали! Но Рикке сама видела горящий Уфрис. Может, Долгий Взгляд и способен заглянуть в прошлое, но в одном можно не сомневаться: он никого туда не перенесет. Мир, который она знала, закончился и больше не вернется, как никогда не вернется к жизни тот повешенный. А мир, который ей остался взамен, был мрачным, промозглым, и вдобавок способным на подлости и открытую жестокость.

Рикке ничего не могла с собой поделать. Она была такой голодной, замерзшей, усталой и испуганной – и впереди ждало в лучшем случае то же самое, только в большем размере. Она стояла, бессильно опустив онемевшие руки, ее плечи тряслись, слезы беззвучно стекали по лицу и капали с носа, оставляя слабый привкус соли на дрожащей нижней губе.

Изерн шагнула к ней, мягко положила руку ей на плечо. Взяла ее за подбородок, приподняла и заговорила таким тихим голосом, какого Рикке еще никогда у нее не слышала:

– Знаешь, что говорил мне мой папаша, когда я принималась плакать?

– Н-нет, – всхлипнула Рикке сквозь сопли.

Резким, сильным движением Изерн дала ей пощечину. Рикке заморгала, разинув рот и щупая рукой пылающую щеку.

– Что...?

– *Вот* что он мне говорил. – Изерн сильно встряхнула ее. – И когда ты получаешь вот такой ответ на свои слезы, то очень быстро перестаешь хныкать и начинаешь делать то, что необходимо.

– Угу, – пробормотала Рикке, чувствуя, как все ее лицо пульсирует от боли.

– Да, тебе довелось столкнуться с трудностями. Болезнь, припадки, все считают тебя сумасшедшей, и так далее и тому подобное. Но вместе с тем ты родилась, имея при себе все части тела и крепкие зубы на хорошеньком личике. Ты была единственным ребенком сильного вождя; пускай без матери, зато у тебя был целый замок бестолковых старых воинов, которые души в тебе не чаяли.

– Проклятье, это нечестно... А!

Изерн ударила ее снова, еще сильнее – так сильно, что к соленым слезам на ее губах прибавился соленый вкус крови.

– Ты привыкла вить из этих стариков веревки. Но если ты попадешься в лапы к Черному Кальдеру, он совет веревку из тебя. Так совет, что у тебя не останется ни одной целой косточки, и тебе некого будет винить, кроме себя самой. Тебя *изнежили*, Рикке. Ты вся мягкая, как свиное сало! – Ее безжалостный палец снова больно ткнул Рикке в грудь. – К счастью для тебя, я оказалась рядом. Я срежу с тебя все это сало, обнажу железо, которое вижу под ним, и хорошенько его заточу.

Тык, тык, в то же самое место, в еще не заживший синяк.

– К счастью для тебя – потому что когда ты окажешься там, эта мягкость убьет тебя, а железо может тебя спасти.

Тык, тык.

– Может быть, пока это только маленькая иголочка, но когда-нибудь мы выкуем из нее кинжал...

– Ах ты сука! – завопила Рикке и со всей силы врезала горянке по зубам.

Удар был нанесен как следует, так что голова Изерн запрокинулась, а вокруг разлетелись капельки слюны. Рикке всегда считала себя слабой – скорее плаксой, чем бойцом. Сейчас в ней вскипела ярость, о существовании которой она не подозревала. Чувство было сильным и приятным. Первый проблеск тепла за все эти дни.

Она снова занесла кулак, но Изерн поймала ее запястье, одновременно схватив за волосы и вывернув ей голову назад, так что Рикке могла только взвыть, с нечеловеческой силой припиленная к дереву.

– Вот оно, это железо! – Изерн ухмыльнулась, показывая перемазанные соком и кровью зубы. – Может быть, там все-таки кинжал? И когда-нибудь мы выкуем из него меч, перед которым будут склоняться сильные мужчины и которому будет благоволить сама луна!

Горянка отпустила волосы Рикке.

– Ну что, ты достаточно согрелась? Готова плясать со мной дальше на запад? – Она подняла взгляд к покачивающемуся телу. – Или тебе больше по душе плясать с нашим холодным другом?

Рикке глубоко, прерывисто вздохнула, выдула в морозный воздух струйку пара. Потом подняла вверх пустые руки – костяшки одной болезненно ныли, вдобавок к прочим ее неприятностям:

– Мои вещи собраны.

Молодые герои

– Ублюдки, – выдохнул Юранд, исследуя долину с помощью подзорной трубы.

Лео выхватил у него трубу и направил на гребень холма. Через круглое окошечко, прыгающее из-за его собственного едва сдерживаемого волнения, были видны северяне – черные точки копий на фоне угрюмого неба. За все утро они не двинулись с места. Там было, должно быть, человек шестьдесят, и они откровенно наслаждались видом постыдного отступления Инглии. Лео сунул подзорную трубу Йину.

– Ублюдки.

– Точно, – согласился Белая Вода со своим густым северным акцентом, опуская трубу и задумчиво скребя в бороде. – Самые настоящие.

Гловард со стоном лег животом на луку седла.

– Кто бы мог подумать, что война окажется такой гребаной скучищей?

– Девять десятых боевых действий состоят в ожидании, – сообщил Юранд. – Так сказал Столикус.

Как будто цитирование знаменитого полководца делало войну хоть капельку более выносимой.

– На войне есть два варианта, – изрек Барнива. – Либо скука, либо ужас. И по моему опыту, скука гораздо предпочтительнее.

Барнива со своим «опытом» начинал надоедать Лео. Эти его вечные разговоры об ужасах, о которых они, остальные, не имеют представления. Его манера хмуриться, глядя на горизонт, словно там, вдалеке, остались какие-то тягостные для него воспоминания. И все лишь потому, что ему довелось провести восемь месяцев в Стирии, причем он всю кампанию держался при лорд-маршале Миттерике, практически не покидая хорошо охраняемый командный пункт.

– Утомленность войной сейчас в моде, но не все здесь такие бывалые вояки, как ты. – Лео в сотый раз за утро высвободил меч в ножнах, вытащил на пару дюймов, затем сунул обратно. – Некоторым из нас хочется действия, черт побери!

– Риттер тоже ждал действия. И дождался, – ответил Барнива, потирая свой шрам кончиком пальца. – Это все, что я могу сказать.

Лео нахмурился, жалея, что у него нет своего шрама.

– Если война так ужасна, почему ты не занялся фермерством или еще чем-нибудь?

– Я пытался. У меня ничего не вышло.

И Барнива нахмурился, глядя на горизонт, словно там, вдалеке, оставались тягостные для него воспоминания.

Юранд поймал взгляд Лео и возвел глаза к небесам. Лео едва успел подавить смешок. Они понимали друг друга так хорошо, что почти не нуждались в словах.

– Что, они по-прежнему там? – Антауп придержал коня, поравнявшись с ними.

Йин вручил ему подзорную трубу, и он привстал на стременах.

– Вон они, – показал Лео.

– Ублюдки. – Антауп мотнул головой, отбрасывая со лба свой вечно свисающий темный чубчик, и тот моментально упал на то же самое место.

Антауп был из тех парней, которых девчонки никогда не оставляют в покое: ловкий и быстрый в движениях, ухоженный, словно призовой скакун. Впрочем, каждый из друзей Лео был по-своему привлекателен. Йин был свиреп в битве не хуже самого Деятипалого, но когда его рыжую бороду прорезала белозубая улыбка, а голубые глаза начинали сверкать, это было все равно что солнышко, выходящее из-за туч. Нельзя было отрицать, что имидж сурового ветерана шел Барниве, особенно в сочетании со шрамом на лбу и продолжающей его седой пря-

дью. Гловард смотрелся как сплошная глыба жизнерадостной мужественности, с его ростом, широкими плечами и щетиной, густо покрывавшей лицо уже через час после бритья.

Такую симпатичную банду молодых героев еще поискать. Как хорошо они бы смотрелись на картине! Может быть, стоит заказать, чтобы их нарисовали... Где бы найти хорошего художника?

Лео поймал себя на том, что косится вбок. Остенгормские дамы, возможно, этого не видели, но Юранд несомненно был самым привлекательным в их стае. Черты его лица можно было назвать мягкими, особенно рядом с раздвоенным подбородком Гловарда или резкими скулами Антаупа, но Лео считал, что они придают ему... деликатность? Утонченность? Может быть, даже крохотную толику уязвимости? И, однако, нельзя было найти человека крепче Юранда, когда речь шла о защите его друзей. Какую выразительность он умел придать одному взгляду! А эти его слегка сдвинутые брови, когда он что-то обдумывал? Изгиб краешка рта, когда он наклонялся поближе, чтобы высказать свою мысль? И это всегда было что-то стоящее, что-то такое, чего никто другой никогда бы...

Юранд взглянул на него, и Лео поспешно отвел глаза, снова уставившись на этих северян на хребте.

– Ублюдки, – проговорил он слегка охрипшим голосом.

– И мы ничего не можем сделать, кроме как сидеть здесь, – посетовал Антауп, елозя в седле и запустив под себя руку, чтобы высвободить застрявшую мошонку. – Словно львы в клетке!

– А вернее, щенки на привязи, – буркнул Гловард, выхватывая подозрительную трубу из его руки. – Где тебя вообще носило, черт побери?

– Да так... проверял, все ли в порядке в обозе.

Йин фыркнул.

– В смысле, есть ли там женщины?

– Ну, не только... – В улыбке Антаупа, казалось, было вдвое больше зубов, чем положено по уставу. – Но их там несколько. Человеку необходимо что-то, чтобы не впасть в отчаяние. Кто бы мог подумать, что война окажется таким унылым делом?

Барнива поднял глаза:

– На войне есть два вариан...

– Скажи это еще раз, и я проткну тебя мечом, – пообещал Лео.

– Похоже, нам всем не помешало бы немного приободриться, – Гловард кивнул в сторону колонны гораздо менее нарядных людей, которые брели по дну долины, придерживая свои порванные куртки, истрепанные плащи и протертые до дыр одеяла. Копья торчали над понуро опущенными плечами во все стороны, только не вверх.

Как правило, Лео мог рассчитывать хоть на какое-то выражение радости, когда он появлялся перед простыми солдатами. Пара приветственных возгласов «Молодой Лев!» – и он может потрясти в воздухе поднятым кулаком, хлопнуть кого-нибудь по плечу и в свою очередь прокричать какую-нибудь чушь про короля. Сейчас, однако, люди тащились мимо в полном молчании, не отводя глаз от грязи под ногами, и учитывая, что от Срединных земель пока что не было видно никакой помощи, даже самого Лео гораздо меньше вдохновляло королевское величие, чем бывало раньше. Похоже, времена королей-воинов наподобие Гарода Великого и Казамира Стойкого ушли далеко в прошлое, и запасы патриотической болтовни стремительно подходили к концу.

– Я стараюсь не спорить с твоей матерью насчет стратегии, – хмыкнул Антауп, – но постоянное отступление не очень-то помогает поддерживать в людях боевой дух.

– Вкус победы быстро бы их оживил, – заметил Белая Вода.

– Да и нас тоже. – Гловард подъехал поближе к Лео и понизил голос: – Будет проще простого преподать этим ублюдкам урок. Как тогда, на ферме!

Он стиснул здоровенный жилистый кулак и саданул в воздух.

Лео пошевелил рукоять своего меча, снова высвобождая его из ножен. Он мог воссоздать в памяти ту атаку во всех деталях. Рвущий волосы ветер и грохот копыт. Древко секиры, передающее силу ударов в его ладонь. Искривленные ужасом лица врагов. Головокружительная радость, когда они дрогнули и обратились в бегство.

Между бровей Юранда вновь возникла маленькая озабоченная морщинка:

– Мы не имеем понятия, что находится за этим гребнем.

Лео вспомнил похороны Риттера. Слова, сказанные над могилой. Жена с безвольным подбородком, плачущая у камина... В его руках – жизни людей. Вот этих самых людей, готовых идти в огонь ради него. Его друзей. Его братьев. Он не сможет перенести потерю еще одного.

– Юранд прав. – Он с лязгом отправил меч обратно в ножны, заставил себя убрать руку с рукояти. – Мы не знаем, что находится за гребнем. К тому же, мать меня убьет, если мы туда полезем.

– Если вы туда полезете, мне можно будет уже не утруждаться.

Лео вздрогнул, вновь ощутив эту странную смесь облегчения и протеста, возникавшую всегда, когда он слышал голос матери. Впрочем, с каждым разом облегчения было все меньше, а протеста – все больше.

– Миледи! – Юранд отворотил своего коня в сторону, давая ей место проехать к Лео. Ее офицеры, отстав, толпились дальше на склоне.

– Мы неплохо справились с людьми Стура Сумрака на прошлой неделе, – проворчал Лео.

– Но сейчас Сумрак у нас на правом фланге.

Она рассекла воздух жезлом, указав в южном направлении. Лео поморщился. Все же было что-то неправильное в том, чтобы женщина размахивала полководческим жезлом, даже если она на данный момент действительно командовала войском.

– Это люди Черного Кальдера. А Кальдер не воин, как его сын... или мой, – она взглянула на Лео, подняв одну бровь. – Кальдер любит думать, как и я. Видишь вон тот лесок справа? Там он разместил свою конницу, дожидаясь, пока мы совершим какую-нибудь глупую ошибку.

Юранд выдернул у Гловарда из кулака подзорную трубу и навел в ту сторону.

– Металл, – буркнул он. – Среди деревьев.

Лео должен был чувствовать себя польщенным тем, что сделал разумный выбор. Но вместо этого он лишь рассердился, что упустил нечто столь очевидное.

– И что, мы теперь будем сидеть и позволять им смеяться над нами?

– Было бы жаль, если бы они упустили такое представление. – Его мать кивнула в сторону разваливающейся колонны, где царил еще большая неразбериха из-за необходимости обойти лужу на дороге. – Я послала в долину самых убогих оборванцев, каких только смогла отыскать, с приказом маршировать как можно менее стройно.

– Что?!

– Пускай они посмеются, Лео. Смех не оставляет за собой плачущих вдов. Наши лучшие отряды укрылись в долине за холмами, подальше от глаз. Если на нас нападут, мы будем готовы.

Наклонившись с седла, она откинула волосы с его лба:

– А это что такое?

– Ничего особенного, – отозвался Лео, отпихивая ее руки от заживающего рубца. – Мы тренировались. Я, Антауп и Барнива.

– Наконец-то удалось его зацепить, – сказал Антауп, посмеиваясь.

Юранд покашлял. Мать Лео сдвинула брови:

– Скажи мне, что вы не дрались двое на одного.

Знаменитое умение Антаупа обращаться с дамами, очевидно, не распространялось на губернаторшу.

– Э-э... не то чтобы...

– Когда ты наконец поймешь, что не можешь победить двоих сильных бойцов одновременно?

– Бремер дан Горст мог, – возразил Лео.

– Этот человек – не образец ни для чего! – отрезала его мать. – Подумай лучше о своем отце. Он был храбрым человеком, храбрее любого другого, но после измены твоего деда, и учитывая, какой слабой была Инглия, когда он принял губернаторство, он научился *терпению!* Он знал, на что годится. И никогда не имел чересчур высокого мнения о себе.

– А я, по-твоему, имею?

Юранд снова кашлянул, а мать Лео рассмеялась.

– Ты знаешь, как я тебя люблю, Лео, но это действительно так, хотя мне и больно это признавать. Впрочем, мало удивительного, что ты вырос таким горячим – ты ведь был зачат на поле боя.

Гловард и Барнива с улыбками переглянулись. Лео почувствовал, что краснеет.

– Мама, неужели это обязательно?

– Нет, конечно, не обязательно. Но ей-богу, каждое новое поколение, похоже, считает, что совокупление – это какое-то великое открытие, о котором до них никто не додумывался. А как они сами-то появились на свет, вот чего я не понимаю? Пора тебе уже обзавестись собственной женой. Кто-то должен за тобой присматривать.

– Я думал, это делаешь ты, – буркнул Лео.

– Мне некогда, мне надо сражаться.

– Вот в этом-то и проблема: ты ни черта не сражаешься!

– Похоже, ты так и не прочел Вертурио, которого я тебе дала? Умение *не сражаться* – главное на войне.

И она неспешной рысцой удалилась в западном направлении в сопровождении своих людей, как всегда оставив за собой последнее слово.

Юранд опять прочистил горло, и Лео резко повернулся к нему:

– Ну давай уже, откашляйся как следует, черт побери! Сколько можно перхать?

– Э-э, я просто хотел подчеркнуть, что миледи обычно очень здраво смотрит на вещи. И тебе действительно стоило бы прочесть Вертурио...

– Она губернаторша только до тех пор, пока король не утвердит меня на отцовском посту! После этого я смогу делать все так, как я хочу!

Три года прошло с похорон, а Лео все еще ждал гребаного назначения! Кипя яростью, он взглянул через долину на ублюдков-северян, наблюдающих со своего гребня.

– Угу, – пробурчал Юранд. Между его бровями опять залегла озабоченная складка.

– На чьей ты вообще стороне?

– Я на стороне Союза. Так же, как и ты – и твоя мать.

Лео не мог не ухмыльнуться:

– Ты, как всегда, само здравомыслие!

Юранд ухмыльнулся в ответ:

– Должен же хоть кто-то сохранять трезвую голову.

– Здравомыслящие люди дольше живут. – Лео стянул с рук перчатки, небрежно швырнул их Юранду и прыгнул с седла, пока тот их ловил. – Но кто помнит этих ублюдков после их смерти?

Мальчишка-барабанщик, шагавший в голове следующего отряда, вообще бросил играть. Он брел, задевая коленями свой барабан и стуча зубами от холода. Когда Лео приблизился, он поднял голову и поспешно вытащил побелевшие руки из-под мышек, но не смог удержать палочки, и они полетели в грязь.

Прежде чем мальчик успел нагнуться, Лео наклонился и подобрал палочки. Зажав их в зубах, он скинул с плеч свой плащ и протянул его пареньку:

– Давай меняться!

– Милорд?

Мальчишка едва мог поверить своей удаче, высвобождаясь из построения, на которой висел барабан, и закутываясь в лучшую в Средних землях шерсть ценой в несколько дюжин марок.

Барнива, в кои-то веки улыбаясь, спрыгнул со своего коня и пошел в ногу с солдатами. Гловард и Юранд присоединились к нему. Белая Вода Йин тряхнул кудлатой головой, но тоже ухмыльнулся, протискиваясь в середину колонны.

– Я тогда отведу обратно ваших коней, так, что ли? – крикнул Антауп, пытаясь собрать все поводья.

– У меня кобыла! – крикнул ему Гловард. – Ты всегда хвастался, как тебя любят дамы!

По колонне прокатились неуверенные смешки. Впервые за долгое время, судя по виду людей. Лео твердо ухватил пальцами барабанные палочки, как делал это мальчишкой, когда маршировал со слугами вокруг губернаторской резиденции.

«Вождь должен делить тяготы со своими людьми», – говорил ему отец. Этим вечером Лео ждал сухой шатер, жаркий огонь и сытная трапеза, а им хорошо если достанется хоть какое-то одеяло и миска супа. Однако если по пути ему удастся немного их подбодрить, это уже будет неплохо. Неплохо для них, и неплохо для него. Кое-что, что можно показать этим ублюдкам, засевшим на холме.

Кроме того, во всем мире не было человека, меньше подходящего для безделья, чем Лео.

– Сейчас я попробую вспомнить, как барабанить, – крикнул он через плечо солдатам, – а вы попробуйте вспомнить, как маршировать!

– Я не такой гений, как Юранд, – отозвался Гловард, поворачиваясь к нему лицом и идя задом наперед, – но насколько я помню, секрет в том, чтобы ставить одну ногу впереди другой.

– Мы уж постараемся, милорд! – крикнул ему кряжистый сержант.

Люди уже начинали двигаться быстрее. Лео улыбнулся и принялся отбивать ритм.

– Большого я и не прошу.

Выбрать момент

– Ты что, спишь?

– Не-а, – прокряхтел Клевер. Это была только наполовину ложь, поскольку фактически он как раз успел проснуться. – Просто закрыл глаза, только и всего.

– Почему?

Он приоткрыл один глаз и взглянул на мальчика. Трудно понять, которого из двоих, поскольку солнце засвечивало его фигуру сквозь ветви. К тому же Клевер опять забыл их имена.

– Чтобы не видеть увечья, которые вы наносите благородному искусству фехтования.

– Мы стараемся как можем, – проворчал второй паренек, кем бы он ни был.

– Это несомненно послужит утешением для ваших матерей, когда вас убьют из-за того, что вы не прислушивались к моим мудрым советам.

Клевер занес руку над корзиной с яблоками, поводит ладонью, выбрал одно, которое ему больше понравилось. Симпатичное, с красным бочком. Откусил кусочек, пососал.

– Кисло, – отметил он, скалясь, – но терпимо. Прямо как наша жизнь, а, парни? Прямо как наша жизнь...

Они смотрели на него непонимающими глазами. Клевер испустил тяжкий вздох.

– Ладно, за дело!

Ребята безрадостно побрели обратно на солнце и повернулись лицами друг к другу.

– Ха! – темноволосый паренек шагнул вперед, размахнувшись своей палкой.

– Ой! – светловолосый отбил удар, но попятился.

«Клац-клац» – стучали друг о друга палки. «Ку-ку» – куковала кукушка среди деревьев позади. Где-то вдалеке какие-то люди ссорились, но отсюда их голоса казались не больше чем успокоительным бормотанием. Клевер заложил одну ладонь за голову и снова откинулся на ствол дерева.

Порой могло даже показаться, что жизнь не так уж плоха.

Однако не прошло и минуты, как он недовольно хмыкнул. Потом поморщился. Потом мотнул головой. Проблема была в том, что эти его ученики были, наверное, самыми кошмарными фехтовальщиками, каких он только видел. Светловолосый только и делал, что махал своей палкой, стиснув зубы, в то время как темноволосый рычал и клочкотал, но больше убегал, чем защищался. Оба уже выбились из дыхания.

– Стоп! – Клевер сел, далеко отшвырнув недоеденное яблоко. – Во имя мертвых, остановитесь!

Ребята прервали схватку и неуверенно посмотрели на него, опустив палки к земле.

– Нет, парни, так не пойдет, – Клевер покачал головой. – Никуда не годится. Вы набрасываетесь друг на друга, как пес на суку. Молотите как придется, без единой мысли в голове. Вы должны думать об этом конкретном моменте больше, чем о любом другом! Вложить в него все ваши мысли, все ваши усилия, потому что все, что у вас есть в этой жизни, может быть отнято со следующим вашим выдохом. Ваша жизнь висит на волоске!

– Это же просто палки, – угрюмо сказал светловолосый.

Клевер потер виски.

– Но мы *представляем*, что это мечи, тупица ты безголовая! Я, кажется, учу вас не фехтованию на палках, правда? – Темноволосый открыл было рот, но Клевер поднял руку, веля ему молчать. – Не надо отвечать. Просто не торопитесь. У вас ведь ничего не горит, верно?

– Ты сам сказал: бейте быстро.

– Ну да. Когда бьешь – бей как молния! Но *думай* перед тем, как ударить, а?

– Может, выйдешь сюда и покажешь нам? – спросил темноволосый.

– К вам, на солнце? – Клевер добродушно хохотнул. – Я стал учителем не для того, чтобы вставать и делать все самому, черт возьми!

– Но... – Светловолосый поднес ладонь к глазам, закрывая их от солнца. На месте его противника Клевер врезал бы ему прямо сейчас, пока он не смотрит. Но темноволосый просто стоял рядом, ковыряя в носу. Никакой инициативы у этих мелких ублюдков. – Разве ты не будешь показывать нам какие-нибудь... как это называется... приемы?

– Приемы? – Клевер расхохотался. – К приемам мы подойдем в самом конце. Пока что вы научились только держать меч с правильного конца.

– Это палки! – повторил светловолосый, хмуро косясь на свое оружие. – У них оба конца одинаковые.

Клевер решил не отвечать.

– Я пытаюсь вас научить, как правильно *думать*. Победа зависит от того, как вы *смотрите* на мир вокруг.

Казалось, темноволосый сейчас расплачется, настолько он был сбит с толку.

– Но ведь дело просто в том, чтобы ударить его мечом, разве не так?

Клевер набрал в грудь воздуха и медленно выдохнул.

– Прежде всего, необходимо решить, когда следует бить, а когда не надо. В конечном счете... единственное, что действительно зависит от человека... это правильно выбрать момент. Ждать, пока противник откроется, понять, когда это произойдет, и воспользоваться этим. – Клевер выхватил из воздуха пригоршню пустоты, сжал кулак и потряс им: – Правильно выбрать момент! Вот в чем секрет. Понятно?

Темноволосый парнишка глядел с сомнением.

– Мой папа всегда говорил, что секрет в том, чтобы крепче держать меч.

– Ха! Ну да, и это тоже. Если ты не будешь держать меч, он просто вывалится у тебя из руки.

Парни снова уставились на него пустыми глазами. И Клевер снова вздохнул.

– Давайте еще разок, ребятки. И на этот раз старайтесь выбирать момент для удара.

«Клац-клац» – стучали друг о друга палки. «Тук-тук» – долбил дятел на дереве где-то позади. В кустарнике хрустнула веточка, и Клевер незаметно вытащил нож из чехла на спине и спрятал его за предплечьем.

Еще один шаг – и Клевер, не оглядываясь, протянул руку и наклонил корзину с яблоками в сторону новоприбывшего.

– Яблочко? – предложил он.

За его спиной стоял Черный Кальдер, потирая небольшой шрам на подбородке и глядя в сторону двоих мальчиков – те снова хлестали друг друга палками как попало, даже не думая выбирать какой-то там момент.

– Не нужно, – буркнул он.

– Что, вождь, трудный день выдался?

– Побудь на моем месте, у тебя все дни будут такие.

Клевер снова перевел взгляд на демонстрацию того, как не следует использовать меч. Его нож уже снова лежал в своем чехле. Он удовлетворенно сложил ладони на животе.

– Должно быть, поэтому я предпочитаю свое место.

– Ха! – Кальдер пожевал губами (немного желчно, по мнению Клевера) и проговорил голосом, едким от сарказма: – Можешь не вставать.

– Я и не собирался.

Кальдер снова пожевал губами с еще более кислым видом. Он вообще был что-то кисловат в последнее время, учитывая, сколько дала ему судьба – или, по крайней мере, сколько он сумел у нее урвать. Когда-то у него было неплохое чувство юмора, но чем больше человек получает, тем мрачнее он обычно становится, а Черный Кальдер нынче владел почитай

что всем Севером. Пускай королевскую цепь носил его брат Скейл, все знали, что решения за короля принимает Кальдер Черный.

– Я имел в виду, что ты должен встать.

– А! Ну ладно.

Клевер не торопился. Он считал делом принципа тратить на все, что он делает, столько времени, сколько ему будет позволено. Выпрямившись, он размял затекшие ноги, стряхнул с задницы грязь и сухие еловые иголки, потом похлопал ладонями друг о друга, очищая и их тоже.

– Ну вот, – наконец сказал он. – Я встал.

– Пусть звонят все колокола! – иронично отозвался Кальдер. – Явился Йонас Клевер!

Оглядевшись вокруг, Клевер с немалым потрясением обнаружил, что кто-то подобрался к нему сзади и стоял там, опираясь о дерево. Черноволосый парень лет двенадцати или тринадцати, с рассеченной верхней губой и внимательными глазами. Он осмотрел Клевера сверху донизу, но ничего не сказал.

– Прежде известный как Крутое Поле, – прибавил Кальдер, заставив Клевера досадливо поскрести в затылке. – Может быть, ты о нем слышал?

– Нет, – отозвался парень. Он смотрел на двоих сражающихся мальчиков, сощурился своими бледными глазами. – А это кто такие?

Ребята уже просто боролись, пыхтя и пошатываясь, их палки беспечно торчали в небо.

– Это... – Клеверу хотелось бы вообще отречься от какого-либо знакомства с ними, но он сомневался, что это сойдет ему с рук. – Это мои ученики.

Парень еще некоторое время понаблюдал за ними, затем торжественно вынес свое суждение:

– Они никуда не годятся.

– Метко подмечено! Они полное дерьмо. Но именно так можно понять, что я действительно великий учитель. С одаренными любой дурак получит результаты.

Парень подумал.

– И где их результаты?

– Тебе придется поверить, что они будут. Терпение – самое грозное оружие воина. Это говорю тебе я, а мне довелось побывать в нескольких переделках.

– И выйти победителем?

Клевер фыркнул.

– Ох, Кальдер, мне нравится этот парень! Итак, ты пришел сюда только для того, чтобы вывалить в грязи мою с трудом заслуженную репутацию?

– Не только, – ответил Кальдер. – Мне нужна твоя помощь.

– Подумываешь взять несколько уроков фехтования?

– На мой вкус, лучше, когда мечами размахивают другие.

– Тогда в чем же дело?

Кальдер вздохнул.

– Мой сын, – проворчал он с несчастным видом.

– Большой Волк? Наш потенциальный король? Стур Сумрак, несравненный воитель? Мне казалось, он умеет владеть мечом.

– Умеет. Даже слишком хорошо, я бы сказал. Он становится немного... неуправляемым. Спалил Уфрис, чертов идиот! Столько лет я строил планы, как возьму этот город, и не успел я его заполучить, как он устраивает там пожар!

– Обычное дело. Стоит назвать заварушку войной, как люди тут же теряют голову.

– Мой отец говорил: поверни троих северян лицом в одну сторону, и они примутся убивать друг друга еще до того, как ты успеешь дать сигнал к атаке. У меня под рукой Греган Пустоголовый и его ребята из Западных Долин, которые еще не поняли, хотят они присоеди-

ниться к Ищейке или сражаться против него. Как я могу заставить их слушаться, когда этого не делает моя собственная плоть и кровь? Если бы Стур не был моим сыном, я был бы вынужден сказать, что этот парень гребаный идиот!

– Но поскольку он твой сын, то...

Кальдер не слушал.

– Его не волнует ничего, кроме собственной славы. Своей легенды. Но чего стоит гребаное имя на рынке?.. Воины! – Он выплюнул это слово так, словно оно горчило на языке. – Клянусь, чем больше они побеждают, тем хуже становятся!

– Поражение полезно для укрепления духа. – Клевер аккуратно поскреб свой шрам ногтем мизинца, который отрачивал специально для этой цели. – Как я узнал на собственной шкуре.

– Этот дурень считает себя непобедимым. Его имя притягивает к себе идиотов, они слетаются к нему, как мухи на говно, и дают идиотские советы. Я послал к нему Чудесницу в качестве второго, чтобы она попыталась научить Большого Волка хоть какой-то осторожности.

– Хороший выбор. Хорошая женщина. Хорошая идея.

– Так Стур довел ее до того, что она волосы на себе готова рвать от отчаяния!

Клевер нахмурился.

– С каких это пор у Чудесницы появились волосы?

– Просто фигура речи.

– А-а.

– Короче, я хочу, чтобы ты ей помог. Наставил Стура на путь истинный.

– Думаешь, я знаю, где он, этот истинный путь?

– Гораздо лучше, чем этот хренов идиот, мой сынок. По крайней мере, ты, может быть, пару раз сумеешь столкнуть его с ложного.

Клевер поскреб в бороде, поглядел на мальчиков, барахтающихся на лужайке, на парнишку Кальдера, который наблюдал за ними, неодобрительно качая головой. Медленно вдохнул. Медленно выдохнул.

– Ну ладно. Сделаю что смогу.

Клевер уже достаточно пожил на свете, чтобы знать, когда безнадежно пытаться как-то выкрутиться. Кряхтя, он нагнулся, нашарил свой меч, выпрямился. Не спеша – потому что зачем спешить?

– Наверное, в конечном счете это все, что мы можем, каждый из нас. Ты прямой человек, Клевер, надежный. На тебя всегда можно было положиться.

– Еще бы! Сперва я был верен Бетоду, потом Гламе Золотому, потом Кейрму Железно-головому, теперь вот тебе...

– Н-ну... Ты был им верен до тех пор, пока они не оказались на проигрывающей стороне.

– Звучит в точности как предательство.

Кальдер пожал плечами:

– Что поделаешь, когда налетает ветер, приходится гнуться.

– Если я что и умею в этой жизни, так это гнуться под ветром... – Клевер пихнул ногой корзинку с яблоками по направлению к парню с рассеченной губой. – Забери это себе. У меня от них живот болит.

* * *

– Мечты сбываются! – провозгласил Клевер, неторопливо подходя с мечом на плече.

Чудесница повернула голову, так что стал виден белый шрам, проступающий сквозь черно-серебристую щетину на ее скальпе, и хохотнула. Смех больше походил на сухой кашель, в нем не было особой радости.

– Смотрите-ка, кто здесь! – сказала она.

Клевер оглядел себя.

– Я узнаю эти сапоги! Явился Йонас Клевер, и теперь все зло будет исправлено! – Он подмигнул ей, но она не казалась особенно очарованной. – Сегодня твой счастливый день!

– Давно пора, черт побери.

Она сильно хлопнула его по ладони, ухватила за руку и подтянула к себе, после чего они обнялись и вдобавок как следует похлопали друг друга по спинам.

– Тебя тут хорошо кормят? – спросил он, оглядывая ее с ног до головы. – Такое чувство, будто обнимаешь пучок копий!

– Я всегда была худая.

– О да, я тоже, – он похлопал себя по брюху. – Под этим тщательно выращенным слоем жира скрывается тело героя!

Она подняла одну бровь. Клевер любил смотреть на хорошо сделанную работу, а что ни говори, поднимать брови Чудесница умела.

– И что же заставило тебя притащить весь этот жир так близко к схватке?

– Черный Кальдер. Он говорит, что тебе нужна помощь.

– Этого я не стану отрицать. И когда она придет?

– Ты смеешь шутить со мной шутки, женщина? Мне вверена забота о будущем Севера – то есть о нашем будущем короле, о Большом Волке, о Стуре Сумраке!

Теперь уже обе ее брови взлетели на лоб.

– Тебе?

– Я должен наставить его на истинный путь. Слова самого Кальдера.

– Что ж, удачи тебе в этом! – Она поманила его к себе и понизила голос: – Не уверена, что мне доводилось встречать большего мудака, чем этот парень, и это учитывая, что я была второй при Черном Доу.

– Всего лишь на один день, – фыркнул Клевер.

– Одного дня мне более чем хватило.

– Мне действительно доводилось слышать, что Большой Волк порой проявляет некоторые признаки мудачества.

Чудесница мотнула головой, указывая на столб дыма, поднимавшийся над деревьями.

– Вон, взгляни: он жжет очередную деревню, которую мы только что захватили. Когда мы с ним расстались, он лично ходил от дома к дому, проверяя, чтобы ничто не уцелело.

Клеверу показалось, что он уловил издавна знакомый запах дыма горящих зданий, долетевший с ветерком.

– Зачем сражаться за что-то, чтобы потом просто сжечь?

– Может, Большой Волк тебе скажет. Потому что будь я проклята, если понимаю.

– Что же, – Клевер вытянул вперед подбородок и поскреб щетину на натянувшейся шее. – К счастью, я наделен героическим терпением.

– Оно тебе понадобится. – Чудесница указала подбородком в сторону: – Вон идет наше будущее.

И действительно, по дорожке к ним приближался Стур. Ему дали имя Сумрак еще в младенчестве, по причине того, что он родился во время солнечного затмения. На самом деле он родился на час раньше, но сейчас уже никто не отважился бы об этом сказать. Все это уже вошло в непрерывно разрастающуюся легенду о Большом Волке. У него были длинные черные волосы, он носил хорошую одежду с золотыми пряжками и заклепками. Его серо-голубые глаза, казалось, постоянно были немного влажными, словно он собирался заплакать. Должно быть, это были едкие слезы презрения к миру и всему, что в нем содержится.

Роста Стур был небольшого, но в том, как он двигался, чувствовалась стремительная сила. Грация танцовщика. А также высокомерная уверенность в себе – в сумасшедшем изоби-

лии. Чрезмерная самоуверенность может привести к тому, что тебя убьют, но Клеверу также доводилось видеть, как благодаря ей люди выходили невредимыми из огня. Старая добрая железная шкура самонадеянности. Вот уж кто знал, как выбирать момент – а выбрав, отрезать себе желаемый кусок без колебаний и тем более без сожалений.

При нем была обычная толпа шлюх мужского пола, какую обычно собирают вокруг себя знаменитые бойцы. Многие из них горделиво носили на щитах знак волка. Это были люди, не имеющие собственного имени, притянутые именем Стура, словно мотыльки пламенем костра. Клеверу доводилось видеть эту мерзкую модель уже с дюжину раз. У Гламы Золотого была очень похожая шайка, а также у Десятипалого; более чем вероятно, что и Скарлинг Простоволосый имел при себе такую же толпу прихлебателей, хоть это и было несколько сотен лет назад.

Времена меняются, но скопище шлюх остается более-менее тем же самым.

Стур Сумрак смерил Клевера своим влажным, холодным, пустым взглядом. Его стремительная рука свободно лежала на рукояти меча, улыбка сверкала белыми зубами и черными угрозами.

– Йонас Клевер, – проговорил он. – Какого хера ты тут делаешь?

– Меня прислал твой отец – Кальдер Черный.

– Я знаю, как зовут моего отца.

– Он знает, как зовут его отца! – захохотал один из хохотунов, молодой мускулистый ублюдок, с ног до головы обвешанный оружием. Лязг от него был словно от продавца ножей, чересчур нагрузившего свою тележку.

– Закрой рот, Магвир, – буркнул ему Стур через плечо.

Получивший отповедь Магвир тут же ошетинился: опостылевшая модель мужественного поведения, которой Клевер, к своему стыду, некогда активно придерживался.

– Что я на самом деле хочу знать, – продолжал Стур, – это *почему* он тебя прислал.

– Чтобы наставить тебя на истинный путь. – Клевер беспомощно пожал плечами. – Это его слова, пойми меня правильно.

– А ты можешь отличить истинный путь от кучи дерьма, так, что ли?

Стуровы жополизы захохотали, тряся своими волчьими щитами, словно это был какой-то верх остроумия, и Клевер улыбнулся вместе с ними. Когда только и можешь, что правильно выбрать момент, нетрудно понять, что сейчас момент неподходящий для уязвленного самолюбия.

– Не хочу делать громких заявлений, но мне за долгие годы довелось походить по разным путям, в том числе ложным. Может статься, я мог бы удержать тебя от некоторых куч дерьма, из-за которых так благоухают мои сапоги.

– То-то я думаю, откуда эта вонь? – Стур демонстративно принюхался, потом облизнул зубы и вытер нос подушечкой большого пальца. – Итак, каков же будет твой первый совет?

– Никогда не чеши брови мечом. – Клевер ухмыльнулся. Кроме него никто не смеялся, но это было их дело. – Я бы сказал, лучше вообще держать его в ножнах, пока это возможно. Обнаженные мечи чертовски опасны, против этого ничего не возразишь.

Стур шагнул ближе к нему, словно окруженный невидимым пузырем угрозы.

– Мудрость, достойная героя! – прошипел он.

– Когда-то я хотел быть героем, – Клевер похлопал себя по брюху. – Но потом перерос это желание. Однако я обещал твоему отцу, что сделаю все, что смогу.

– Ну что ж... – Стур повел рукой в направлении долины: – Не хочешь ли указать нам путь?

– Разве я посмею! Я знаю, кто я такой: я из тех, кто рожден, чтобы следовать.

Будущий король широко распахнул свои влажные глаза:

– В таком случае догоняй, старикашка!

И он скользнул мимо, уже устремив взгляд в направлении своего следующего завоевания, а Клевер отступил в сторону, пропуская его хмурых приспешников и низко кланяясь.

– Хочу до заката спалить еще пару деревушек! – крикнул Большой Волк через плечо, и молодые искатели славы тут же принялись соревноваться, кто захохочет громче остальных.

– Что я тебе говорила? – Чудесница нагнулась к Клеверу. – Абсолютный мудака!

То, что они любят

Рикке снова повела плечами, закапываясь спиной в спутанные корни. Она стояла по шею в ледяной воде, в волосы набилась грязь. С дороги наверху доносился топот множества ног. Это были воины ее врага, и судя по звуку, ублюдков было немало. Она еще раз подумала о том, что случится, если ее поймают. Точнее, когда ее поймают. Рикке постаралась выровнять дыхание, сделать его медленным, спокойным, еле заметным.

Гнетущий страх за свою жизнь, плюс обжигающая тревога за всех, кого она знала, плюс сводящая с ума боль от сотен мелких ушибов и царапин, плюс грызущий голод и стискивающие оковы ледяной воды – все это вкупе давало самый дерьмовый вечер из всех, что у нее были за последнее время, и это учитывая, что соревнование за этот титул шло нешуточное.

В ее подбородок уперся палец, принуждая закрыть рот, и Рикке поняла, что в последние минуты стучала зубами. Изерн стояла рядом, также прижавшись спиной к берегу. Вода доходила ей до острого подбородка, волосы облепили суровое лицо. Неподвижная, как земля, терпеливая, как деревья, твердая, как камень. Ее взгляд переместился от лица Рикке к нависающему над ними обрыву в бахrome свисающих корней. Ее рука тихо выскользнула из-под воды, палец прижался к рассеченным шрамом губам, призывая к молчанию.

– Проклятье! – послышался голос сверху, чуть ли не над самым ухом Рикке.

Она инстинктивно дернулась и могла бы с плеском ухнуть в воду, если бы не твердая рука Изерн, обхватившая под водой ее бесчувственное предплечье.

– Черт... Э-эх... – Мужской голос, немолодой, но мягкий и неторопливый, словно его владелец никуда не спешил. – Ну вот, так-то лучше!

Последовал удовлетворенный вздох, и струя слегка дымящейся мочи с журчанием устремилась в воду в каком-то шаге от лица Рикке. Как ни печально это признавать, она испытала искушение подставить голову под брызги, просто чтобы хоть немного согреться.

– В жизни полно разных удовольствий, – продолжал голос, – но я начинаю думать, что мало что сравнится с тем, чтобы поссать, когда тебе действительно хочется ссать.

– Ха! Не знаю, увеличилось или уменьшилось мое уважение к тебе после этого маленького откровения.

Это был женский голос, выбирающий каждое слово тщательно, словно кузнец, подбирающий гвозди, чтобы подковать лошадь богача.

– И вот подступает момент... – струя приостановилась, потом зажурчала снова, – ... иногда я специально придерживаю это дело... чтобы потом, когда я снова продолжаю... – несколько последних маленьких всплесков, – ...удовольствие еще больше, чем прежде! Как там, нет ли вестей о ходе благородного сражения?

– Союз отступает так быстро, как только может. Есть небольшие стычки, но без настоящего огня. Ребят Ищейки не видно и не слышно. Тоже драпают, небось.

– Меня это вполне устраивает, – отозвался мужчина. – Если повезет, они так и будут драпать до самой Инглии, и тогда мы все сможем спокойно прилечь и отдохнуть.

Рикке бросила взгляд на Изерн. Горянка была права. Она была всегда права, черт бы ее драл, особенно в том, что касалось мрачных пророчеств.

Этим утром они набрели на поляну, заваленную трупами. Их там было больше дюжины. Люди с обеих сторон – теперь они все были на одной стороне. Говорят, что Великий Уравнитель сглаживает все различия... Рикке глядела на тела во все глаза, прижав запястье ко рту, еле осмеливаясь дышать. А потом она увидела Изерн – та присела на корточки возле одного из мертвых, словно пожиратель трупов из старых песен, перебирая порванную одежду, возясь с застежками...

«Что ты делаешь?»

«Ищу что-нибудь съестное».

И тогда Рикке принялась сама обшаривать трупы. Занемевшими пальцами она копалась в чужих карманах, стараясь не глядеть мертвецам в лица. Насчет этого Изерн тоже оказалась права. Весь твой страх, чувство вины, испытываемое тобой отвращение пропадают, если как следует поголодать. Когда они с Изерн украдкой уходили с поляны, единственное, что действительно ее расстраивало – это что им так и не удалось ничего найти.

– Вождь! – заорал кто-то над их головами. – Сумрак! Наш будущий король!

С дороги послышался одобрительный лязг оружия о щиты.

Рикке закаменела, стоя в воде – насколько это было возможно, учитывая, что ее тело и без того напоминало кусок льда. Изерн навалилась на нее и еле слышно зашипела ей в ухо:

– Ш-ш-ш...

– Во имя мертвых! – буркнула женщина наверху себе под нос и громко прибавила с натушной веселостью: – Вождь! Как прошел день?

– Пока без жертв, но время еще есть.

Итак, вот он какой, голос Стура Сумрака. Звучит чересчур капризно для такого прославленного воителя. Словно у ребенка, собирающегося закатить истерику.

– Эти южане – как жидкая подливка, постоянно куда-то утекают. Девять Смертей имел возможность драться с Тридуба, с Черным Доу, с Хардингом Молчуном и всеми остальными. Как завоевать себе великое имя, если нет великих врагов, чтобы с ними сравниться?

Недолгая пауза.

– Да, это тяжело, – отозвалась женщина.

– Чудесница, у меня для тебя задание. В этих лесах прячется девчонка. – У Рикке тошно-творно засосало в животе, хуже, чем просто от голода. Она вжалась в обрыв так, словно могла стать единым целым с землей. – Я ее хочу.

Энтузиаст мочеиспускания жизнерадостно хохотнул:

– Кто ж не хочет девчонку в этих лесах? – Молчание, словно соль шуток ни до кого не дошла. Рикке, во всяком случае, точно не собиралась смеяться. – Ну хорошо, и как нам отличить эту девчонку от других?

– Говорят, она все время дергается. И еще у нее в носу золотое кольцо и, возможно, крест, нарисованный поверх глаза.

Рикке дотронулась кончиком языка до кольца в своем носу и прошептала:

– Твою мать!

– С ней, возможно, будет еще какая-то ведьма-горянка. Эту можете убить. Но девчонка нужна мне живая!

– Должно быть, важная персона, – заметила женщина, которую называли Чудесницей.

Сумрак хохотнул, будто сова заухала:

– Так в этом же все и дело! Она дочка Ищейки.

– Дважды м-мать, – беззвучно выдохнула Рикке.

– Ш-ш-ш! – прошипела Изерн.

– И что будет, если мы ее поймем?

Невеселое хмыканье.

– Ну, если бы ее заполучил мой отец, скорее всего он вернул бы ее за выкуп или сделал из нее приманку, использовал бы как-нибудь, чтобы повернуть по-своему, когда зайдут переговоры о *мире*. – Это слово Сумрак выговорил с таким отвращением, словно оно было тухлым на вкус. – Ты знаешь моего отца. Сплошные планы и интриги.

– Да, Кальдер Черный всегда был умным человеком, – отозвался мужчина.

– Я смотрю на вещи по-другому. Мое мнение: если хочешь сломать своих врагов, сломай то, что они любят. Как я слышал, престарелые дурни Ищейки действительно любят эту припадочную тварь. Она для них что-то вроде талисмана. – По голосу было слышно, что он улыба-

ется. – Поэтому, если она попадется мне, я ее раздену, хорошенько отхлестаю кнутом, выдерну зубы, а потом, может быть, отдам бондам, чтобы они ее оттрахали – между шеренгами, чтобы все слышали, как она визжит.

Ненадолго воцарилось молчание. Рикке слышала собственное хриплое дыхание. Пальцы Изерн крепко стиснули ее предплечье.

– Или, еще лучше, я дам ее трахнуть моему коню. Или моим псам. Или... не знаю, может, борову?

– Как ты собираешься этого добиться, черт возьми? – судя по голосу, пожилой мужчина испытывал изрядное отвращение.

– О, нет ничего невозможного, если у тебя хватает воображения и терпения. А после этого я привяжу ее повыше на дереве – каком-нибудь с колючками, – так, чтобы все могли видеть, и вырежу на ней кровавый крест. Поставлю внизу ведро, чтобы собрать ее кишки, и пошлю потом на ту сторону.

– В смысле, пошлешь ее кишки?

– Ну да. В красивой шкатулке. Из твердой древесины, с резьбой. Может, положу туда цветов. Или нет! Ароматические травы – вот что я туда положу. Чтобы старые дурни не унюхали, что там лежит, пока не откроют крышку. – Стур удовлетворенно замычал, словно речь шла о вкусной рыбе, которую он собирался поймать, или ждущем его хорошем обеде, или комфортном кресле на веранде тихим вечером на закате. – Только представь, какие у них будут лица!

И он заклокотал смехом, словно ее кишки в шкатулке были каким-то верхом веселья и остроумия.

– Твою мать! – снова выдохнула Рикке.

– Ш-ш-ш... – прошипела Изерн.

– Но это все в будущем. – Сумрак расстроено вздохнул. – Рано готовить дичь, пока ты ее не поймал, верно? Мой отец, понятное дело, обещает за девчонку кучу денег. Тот, кто ее добудет, станет богатым человеком.

– Все ясно, вождь. – Женщина, которую называли Чудесницей, явно наслаждалась этим не больше, чем сама Рикке. – Будем смотреть в оба.

– Вот и чудненько. Клевер, можешь продолжать ссать дальше.

– Спасибо, я уже закончил. Думаю, какое-то время сумею продержаться.

До Рикке донесся звук мягких удаляющихся шагов. Наверное, ей следовало сейчас окаменеть от страха – видят мертвые, у нее было на это право. Но вместо этого в груди у нее потихоньку закипал гнев. Этот гнев согревал, невзирая на ледяную воду, бурлящую возле самого ее подбородка. Гнев подталкивал ее выскользнуть из потока с зажатым между зубами ножом и вырезать кровавый крест самому Сумраку, прямо здесь и сейчас.

Отец всегда говорил Рикке, что месть – это бесплодная трата усилий. Что, отказываясь от нее, ты поступаешь как сильный человек, мудрый человек, здравомыслящий человек. Что кровопролитие ведет только к еще большему кровопролитию. Однако его поучения казались сейчас ужасно далекими, предназначенными для другого, более теплого места. Рикке стиснула зубы, сощурила глаза и поклялась себе, что если доживет до конца этой недели, то приложит все усилия, чтобы увидеть, как Стур Сумрака трахает боров.

– Скажу тебе честно, Чудесница, – донесся до нее голос мужчины, которого звали Клевер. Он говорил вполголоса, словно делись секретом. – Этот ублюдок чем дальше, тем больше вызывает мое беспокойство.

– Хорошо тебя понимаю.

– Сперва я принимал это за лицедейство с его стороны, но сейчас начинаю думать, что внутри у него то же, что и снаружи.

– Хорошо тебя понимаю.

– Ты подумай, кишки в шкатулке? С ароматическими травами?

– Хорошо тебя понимаю.

– Пройдет время, и он станет нашим королем, этот кишечных дел мастер. Королем всего Севера. Вот этот!

Долгая пауза, затем усталый вздох:

– Ни один человек не станет радоваться подобному, если он в здравом уме.

Рикке могла только согласиться. Ей показалось, что она видит их неясные отражения, колыхающиеся в воде среди черных ветвей.

– Ты видишь что-то там, внизу?

Она застыла. Онемевшие пальцы судорожно обхватили рукоять ножа. Она взглянула на суровый профиль Изерн с рельефно проступившими мышцами челюсти. Из-под воды показался наконечник ее копья, вымазанный смолой, чтобы на нем не отблескивал свет.

– Что там? Рыба?

– Похоже на то. Сбегать за удочкой, как ты думаешь?

Послышался скребуший звук: Чудесница отхаркивалась. Затем сверху, вращаясь, прилетел комок слизи и шлепнулся в воду.

– Не стоит. Думаю, в этой речушке нам ловить нечего.

Ничего хорошего

Он вернулся домой на закате – солнце уже почти село, оставался только розовый отсвет на спинах черных холмов. Долина уже погрузилась в темноту, но Броуд мог бы пройти здесь и с завязанными глазами. Ему была знакома каждая колея на дороге, каждый камень в полуразвалившейся стене сбоку от нее.

Все было таким знакомым – и таким странным.

После двухлетнего отсутствия можно предположить, что человек ринется сломя голову к своему любимому месту, к любимым людям, с такой широкой улыбкой на лице, что могут треснуть щеки. Однако Броуд брел медленно, словно приговоренный к виселице, и улыбался примерно столько же. Тот человек, что покинул это место, не боялся ничего. Тот, что возвращался, не знал ничего кроме страха. Он даже толком не знал, чего боится. Самого себя, может быть.

Когда в виду показался дом, сгорбленный, в окружении голых деревьев, с полосками света, просачивающегося вокруг ставней, Броудом овладело странное побуждение пройти мимо. Это была странная мысль – что он больше не свой здесь. После всего, что он видел. После всего, что сделал. Что, если он принесет все это с собой?

Однако путь, ведущий мимо, годился только для трусов. Он до боли стиснул кулаки. Гуннар Броуд никогда не был трусом! Спроси кого угодно.

Ему понадобилась вся его храбрость, чтобы постучать в дверь. Больше, чем когда он взбирался по осадным лестницам при Борлетте или возглавлял атаку на пикинеров при Мусселии, и даже чем когда тащил на себе умирающих от лихорадки людей во время последующей долгой зимы. Тем не менее, он постучал.

– Кто там?

Это был ее голос, там, за дверью – но он содрогнулся сильнее, чем когда увидел направленные на него острия пик. Вплоть до этого момента он боялся, что ее здесь не окажется, что она куда-нибудь переехала, забыла его. Или, может быть, как раз на это и надеялся.

Сейчас он едва мог найти в себе голос, чтобы отозваться:

– Это я, Лидди... Гуннар.

Дверь загремела, отворилась – и он увидел ее. Она изменилась. Далеко не так сильно, как он сам, но изменилась. Вроде бы отошала. Стала тверже, жестче. Но когда она улыбнулась, ее улыбка по-прежнему осветила угрюмый мир, как бывало всегда.

– Ты что стучишься в собственную дверь, дурачина ты здоровенная?

И тогда он заплакал. Сперва это был просто всхлип, родившийся где-то в животе и всколыхнувший все тело. А потом он уже не мог остановиться. Трясущимися руками он стащил с глаз стекляшки, и все слезы, не пролитые им в Стирии – поскольку Гуннар Броуд никогда не был трусом, – обжигая щеки, покатались по его изуродованному лицу.

Лидди шагнула к нему, и он отпрянул, болезненно горбясь, выставив вперед ладони, отгораживаясь от нее. Словно она была стеклянная и могла расколоться в его руках. Но она все равно обняла его. Тонкие руки – но из этой хватки ему было не вырваться, и хотя Лидди была на голову ниже, она прижала его лицо к своей груди и принялась целовать в затылок, приговаривая:

– Ш-ш-ш... Тише, тише... Все хорошо...

Через какое-то время, когда его всхлипывания начали утихать, она обхватила ладонями его щеки, подняла его голову и посмотрела ему прямо в глаза.

– Что, там было так плохо? – спросила она, спокойно и серьезно.

– Да уж, – просипел он. – Ничего хорошего...

Она улыбнулась своей улыбкой, освещавшей весь мир. Настолько близкой к нему, что он мог видеть ее даже без своих стекляшек.

– Но теперь ты вернулся.

– Да. Теперь я дома.

И он снова принялся плакать.

* * *

Каждый удар топора заставлял Брода вздрагивать. Он говорил себе, что это звук честного труда, хорошо выполняемой домашней работы. Говорил, что он здесь в безопасности, не на войне, а у себя дома. Но может быть, он принес войну с собой? Может быть, любой участок земли, на котором он стоял, превращался теперь в поле боя? Он попытался спрятать свое беспокойство за шуткой:

– Как по мне, все-таки рубить дрова – мужская работа.

Май поставила на плаху следующий чурбан и занесла топор.

– Все становится женской работой, когда мужчины увистывают в Стирию.

Когда он уходил из дома, она была больше похожа на мальчишку – тихая, неуклюжая. Как будто собственная кожа ей не по размеру. Сейчас Май по-прежнему выглядела костлявой, но в ее движениях появилась быстрота и сила. Она быстро выросла. У нее не было другого выбора.

Новый удар – и с плахи покатались еще два аккуратных чурбака.

– Надо было мне остаться дома, а тебя послать сражаться, – сказал Брод. – Может, мы бы победили.

Май улыбнулась ему, и он улыбнулся оттого, что может заставить ее улыбнуться. Думая о том, как это удивительно – что человек, сотворивший все то дурное, что сотворил он, мог приложить руку к сотворению чего-то настолько хорошего, как она.

– Откуда у тебя эти стекла? – спросила она.

Брод потрогал стекляшки пальцем. Порой он забывал, что они у него на лице – до тех пор, пока не снимал их, и тогда все на расстоянии дальше протянутой руки становилось сплошным смазанным пятном.

– Спас одного человека... Лорд-маршала Миттерика.

– Ого! Неплохо!

– Командующего армией, ни больше ни меньше. Мы попали в засаду, и я там тоже оказался, ну и... – Он понял, что снова до дрожи стиснул кулаки, и принудил себя их разжать. – Он решил, что я его спас. Хотя должен признаться, я понятия не имел, кто он такой, до тех пор, пока все не было кончено. Я же ничего не видел дальше пяти шагов. И тогда он подарил мне эту штуку.

Он снова снял с себя стекляшки, подышал на них и аккуратно протер подолом рубашки.

– Стоят, наверное, как солдатское жалование за шесть месяцев. Чудо современной мысли. – Он снова зацепил дужки за уши, так что поперечина легла в привычную канавку поперек переносицы. – Но я не жалею, потому что теперь я могу видеть красоту моей дочери даже с другой стороны двора.

– Красоту! – Май пренебрежительно фыркнула, но вид у нее при этом был слегка польщенный.

Пробившееся сквозь тучи солнце легло теплым лучом на улыбающееся лицо Брода, и на какой-то момент все стало совсем как прежде. Как будто он никуда не уходил.

– Так, значит, ты воевал?

Во рту у Брода вдруг пересохло.

– Да, воевал.

– И как это, воевать?

– Это...

Столько времени он мечтал увидеть ее лицо – и вот теперь она стоит прямо перед ним, а он боится встретиться с ней глазами!

– Ничего хорошего, – неловко закончил он.

– Я всем рассказываю, что мой отец герой.

Броуд съежился. Облака набежали, накрыв тенью двор, и ужас снова стоял за его спиной.

– Не надо так говорить.

– Что же мне говорить тогда?

Он нахмурился, опустив взгляд к своим саднящим ладоням, потер одну о другую.

– Только не это.

– Что значат эти метки?

Броуд попытался прикрыть рукавом свою татуировку лестничника, но синие звезды на костяшках пальцев все равно высывались из-под обшлага.

– Да так, просто баловались с парнями.

И он убрал руку за спину, где Май не могла ее видеть. Где ему самому не приходилось на нее смотреть.

– Но...

– Хватит вопросов! – сказала Лидди, выходя на крыльцо. – Твой отец только что вернулся.

– И у меня по горло дел, – прибавил он, вставая. – Крыша, небось, протекает в десяти местах.

Было видно, что женщины старались сохранить дом в презентабельном виде, но работы было слишком много даже для троих, не то что для двоих. Дом выглядел так, словно был готов вот-вот рассыпаться.

– Только осторожно. Боюсь, если ты взгромоздишься на крышу, даже стены могут не выстоять.

– Не удивлюсь. Ладно, пожалуй, схожу сперва взгляну на стадо. Я слышал, цены на шерсть нынче такие, что лучше не бывает, со всеми этими новыми фабриками. Где наши овечки – там, в долине наверху?

Май беспомощно взглянула на мать, а Лидди как-то странно скривила лицо, и Броуд ощутил, как ужас лег на него всей своей тяжестью.

– В чем дело? – непослушными губами вымолвил он.

– Гуннар... У нас больше нет стада.

– Что?!

– Я хотела сперва дать тебе выспаться, прежде чем взваливать на тебя все эти заботы. – Вздох, всколыхнувший все тело Лидди, казалось, исходил прямо из подошв ее изношенных туфель. – Лорд Ишер огородил нашу долину. Сказал, нам больше нельзя пасти там овец.

Броуд с трудом понимал, о чем она говорит.

– Это же общинная земля! Там всегда все пасли.

– Все переменялось. Королевский указ. Сейчас это повсюду происходит, в соседней долине то же самое... Так что нам пришлось продать ему стадо.

– Это как это? Мы должны продавать ему наших овец, чтобы он пас их на нашей земле?

– По крайней мере он дал хорошую цену. У других лордов арендаторы и того не получили.

– То есть меня поймали, когда я пошел на войну, а потом еще раз поймали, когда я вернулся! – рявкнул Броуд. Он сам не узнавал звук своего голоса. – И что, вы... ничего с этим не сделали?

Глаза Лидди стали жесткими.

– Я не смогла придумать ничего, что тут можно сделать. Может, ты бы придумал – но тебя не было.

– Но без стада все это не имеет смысла!

В его роду все разводили овец – отец, дед, прадед, прапрадед... Теперь же весь мир трещал по швам.

– Как же мы будем жить? – Его кулаки снова были стиснуты до боли. Он орал, но не мог остановиться. – Как мы будем теперь жить?!

Он увидел, что у Май дрожат губы, словно она собирается заплакать. Лидди обняла девочку одной рукой, и тогда весь гнев вытек из него, оставив лишь холодную скорлупу отчаяния.

– Прости... – Он клялся себе никогда больше не терять терпения. Клялся, что будет жить ради них двоих, обеспечит им хорошую жизнь. И вот не прошло и нескольких часов, как он переступил порог дома, а все уже летит к чертям. – Простите меня...

Он шагнул к ним, протянул руку... потом увидел татуировки на костяшках – и отдернул ее обратно.

– У нас не было выбора, Гуннар, – сказала Лидди тихо и трезво, глядя ему прямо в глаза. – Ишер предложил нас выкупить, и нам пришлось согласиться. Я вот думаю насчет Вальбека. Говорят, в Вальбеке есть работа. На новых фабриках.

Бруд мог только смотреть на нее во все глаза. И тут, в тишине, он услышал звук копыт и повернулся к дороге.

К ним приближались трое. Не спеша, словно у них был в запасе целый день, чтобы добраться до места. Один сидел на большом гнедом коне, двое – на повозке со скрипучим колесом. Гуннар узнал того, что держал вожжи: Леннарт Селдом, младший брат мельника. Бруд всегда знал, что он трус, и в его нынешнем бегающем, косом взгляде не было ничего, что могло бы изменить это мнение.

– Это Леннарт Селдом, – пробормотал он.

– Да уж, – отозвалась Лидди. – Май, иди в дом.

– Но мам...

– В дом, я сказала.

Двух других Бруд не знал. Один, длинный и поджарый, сидел рядом с Селдомом, покачиваясь от толчков повозки, с большим арбалетом на коленях. Арбалет был не заряжен – и это неплохо, поскольку у них есть обычай слетать со стопора в самый неподходящий момент, – но даже так Бруд не видел никаких причин, зачем этому парню мог понадобиться арбалет. Это оружие для убийства людей. Или, по меньшей мере, для запугивания.

Вид второго, сидевшего верхом, понравился ему еще меньше. Здоровый, бородатый, с щегольским кавалерийским мечом, низко болтающимся сбоку, щегольской треугольной шляпой на голове и щегольской манерой сидеть в седле и оглядывать все вокруг так, словно все эти земли принадлежали ему.

Бородач придержал коня ближе к дому, чем делают вежливые люди, сдернул с головы треуголку и принялся скрести ногтями примятые шляпой волосы, поглядывая на Бруда в задумчивом молчании. Селдом остановил повозку позади него, между двумя большими, обросшими лишайником воротными столбами, которые вкопал еще дед Бруда на границе их земли.

– Гуннар! – проговорил он, метнув беспокойный взгляд на Лидди и тут же переведя его обратно.

– Селдом.

Лидди заправила за ухо выбившийся локон, но ветер тут же снова вытащил его оттуда и принялся трепать по ее озабоченному лицу.

– Вернулся, значит. – Если Селдом и пытался изобразить радость, у него ничего не вышло. – Где ты раздобыл стекла?

- В Стирии.
- И как оно там было, в Стирии?
- Ничего хорошего, – ответил Бруд.
- Похоже, ты малость похудел.
- Парень с арбалетом блеснул кривой усмешкой:
- Неужто раньше он был еще больше?
- Очевидно, – ответил ему бородатый, едва удостоив Бруда взглядом и вновь нахлобучивая треуголку.
- Мы там слишком мало ели и слишком много дристали, – сказал Бруд. – Думаю, дело в этом.
- Дерьмовая солдатская жизнь, – заметил бородатый. – Я Марш.
- Он бросал слова резко и отрывисто, словно не особенно любил говорить и старался тратить на это как можно меньше времени.
- А я Эйбл, – представился второй. – Мы работаем на лорда Ишера.
- И что у вас за работа? – полюбопытствовал Бруд, хотя это было и так ясно из их вооружения.
- Так, то да се. Главным образом скупка собственности. Поскольку эта долина принадлежит Ишеру...
- Только не этот участок, – перебил Бруд.
- Марш недовольно хмыкнул, вытянул подбородок и принялся скрести в бороде.
- Тебе здесь не прожить, Гуннар, – проговорил Селдом с вкрадчивым смешком. – Ты ведь и сам это понимаешь. Овец у тебя больше нет, пасти нечего. В оправдание Ишера могу сказать, что король задрал ему налоги по самое не могу, чтобы оплатить свои чертовы войны. Так что теперь все земли огораживают, повсеместно. Их будут обрабатывать машинами.
- Эффективность, – буркнул Марш, не поднимая головы.
- Ему было откровенно плевать на происходящее. Что еще больше вывело Бруда из себя.
- Мой отец умер на этой земле, – сказал он, стараясь не повышать голос. – Сражаясь с гурками.
- Я знаю. Мой тоже, – Селдом пожал плечами. – Но что тут можно сделать?
- Ты просто делаешь то, что тебе говорят, да?
- Если не я, это будут делать другие.
- Прогресс, – буркнул Марш.
- Вот как? – Бруд, нахмурившись, обвел взглядом долину: остальные дома были подозрительно тихими. Странно, подумал он, там нет даже дыма над трубами. – Тех, остальных, вы уже всех окрутили, так, что ли? Ланта с дочерьми, и Бэрроу, и старика Неймана?
- Нейман помер. Остальные продали свою землю.
- Мы убедили их, что это наиболее разумный выбор, – добавил Эйбл, поправляя арбалет на своих коленях.
- Тогда почему моя жена до сих пор здесь?
- Селдом снова бросил быстрый взгляд на Лидди и тут же отвел глаза.
- Просто хотел дать ей побольше времени... потому что мы давно знаем друг друга, и...
- Она всегда тебе нравилась. Я понимаю. Мне она самому нравится. Поэтому я и женился на ней.
- Гуннар... – В голосе Лидди прозвучала обеспокоенная, предупреждающая нота.
- Почему она вышла за меня – этого я не скажу, потому что сам не знаю. Но она вышла. Селдом попытался растянуть губы в бледной улыбке:
- Послушай, друг...

– Я не был твоим другом, когда уходил на войну. – Внезапно Броуд почувствовал, будто за него говорит кто-то другой, а сам он просто наблюдает. – Еще меньше причин считать меня твоим другом сейчас.

– Ну, хватит.

Марш пришпорил коня каблуками, подвинув его на пару шагов вперед – так что он оказался между Броудом и плахой для колки дров, где оставался воткнутый топор. Хороший наездник. Он возвышался на своем седле, на фоне яркого света дня, так что Броуду пришлось сощуриться, чтобы посмотреть на него снизу вверх.

– Так или иначе, а лорд Ишер получит свою долину. Нет смысла упрямиться. Тебе же будет лучше, если ты уйдешь отсюда с деньгами в кармане.

– Лучше чем что?

Марш глубоко потянул носом воздух:

– Будет жалко, если такой прекрасный дом как-нибудь ночью случайно загорится.

Его рука скользнула вниз – но не к облупившейся позолоте на гарде щегольского меча. К ножу, скорее всего. Рассчитывал спровоцировать Броуда на поспешные действия, чтобы получить возможность просто наклониться и заколоть его, разрезать куском заточенного металла проблему, которую не удалось распутать при помощи слов. Может быть, он уже делал так прежде. И даже много раз.

– Загорится, говоришь?

Странная вещь: Броуд совсем не чувствовал гнева. Такое облегчение – возможность дать себе волю, хотя бы на несколько мгновений. Он едва не улыбнулся.

– Вот именно. – Марш наклонился к нему с седла. – И еще жалче... если твоя симпатичная жена и дочка...

Броуд ухватил его за сапог и толкнул вверх. Марш изумленно ахнул, потеряв равновесие, замахал руками в воздухе и кувыркнулся на другую сторону.

Когда Броуд обошел его коня, он все еще сыпал проклятиями, барахтался, пытаясь встать, но одна его нога запуталась в стремях.

Прежде, чем он успел высвободиться, Броуд поймал его запястье и вывернул вверх, заставив прижаться головой к плахе. Локоть вывернулся и хрустнул, Марш завопил, выронив нож на землю, но его крики смолкли, когда Броуд занес ногу и всем своим весом впечатал каблуком его лицо в изрубленный деревянный спил. Хрустнули кости – один, два, три раза.

Эйбл привстал с сиденья повозки, с зарождающейся в глазах тревогой, теребя тетиву своего арбалета. Большинству людей требуется время, чтобы начать действовать. У Броуда была проблема противоположного свойства: он был всегда на взводе. Всегда.

Когда Броуд широкими шагами подошел к повозке, Эйбл все еще возился с тетивой. Он даже не успел достать стрелу. Единственное, что он успел, это размахнуться арбалетом, но Броуд взмахом руки легко отбил его и ухватил Эйбла за перед куртки. Вздернул в воздух – тот лишь тихо ухнул – и вмазал головой в старый воротный столб. Кровь брызнула на борт повозки. Эйбл шлепнулся наземь, да так и остался лежать – одна рука просунута сквозь то скрипучее колесо, разбитый череп до отказа запрокинут назад.

Броуд вспрыгнул на сиденье, откуда на него тарачился Селдом, все еще держа вожжи в обмякших руках.

– Гуннар... – он попытался встать, но Броуд пихнул его коленом назад на сиденье.

Он не считал, сколько раз его ударил – один кулак снизу, другой сверху, один сверху, другой снизу, – но когда он закончил, лицо Селдома превратилось в сплошную блестящую красную кашу.

Моргая, Броуд смотрел на него сверху. Он слегка запыхался, холодный ветер обдувал его потный лоб.

Моргая, Броуд перевел взгляд на Лидди. Она смотрела на него во все глаза, зажав рот ладонью.

Моргая, Броуд взглянул на свои кулаки. Превозмогая боль, заставил себя разогнуть выкрашенные красным пальцы. Только тут он начал осознавать, что случилось.

Он опустился на сиденье повозки рядом с трупом Селдома, ослабев и трясаясь всем телом. Перед глазами были какие-то пятна. Кровь, понял он – кровь на стекляшках. Стащил их с себя, и мир превратился в расплывчатое пятно.

Лидди не говорила ничего. Он тоже. Что тут можно было сказать?

Море бизнеса

– Добро пожаловать, все без исключения! Добро пожаловать на тринадцатое полугодовое заседание Соляного общества Адуи!

Хонриг Карнсбик, великий машинист, блистательный в своем вышитом золотыми листьями жилете, вскинул вверх мясистые ладони. Таких восторженных аплодисментов этот театр не слышал, наверное, с тех пор, как Йозив Лестек дал на его сцене свое последнее представление.

– С искренней благодарностью к нашим высокопоставленным покровительницам – леди Арди и ее дочери леди Савин дан Глокта!

Карнсбик повел ладонью в сторону ложи, где сидела Савин, и та улыбнулась, одновременно прикрываясь веером, словно ее деликатные чувства с трудом выдерживали такое количество внимания. Из публики послышались одобрительные возгласы и выкрики «Слушайте! Слушайте!» – очевидно, от членов общества, особенно желавших присоединиться к ее деньгам.

– Когда девять из нас впервые собрались в салоне леди Савин, мы даже представить себе не могли, что всего лишь восемь лет спустя Солярное общество будет насчитывать более четырехсот членов по всему Союзу и за его пределами!

Может быть, Карнсбик и не мог представить; сама-то Савин всегда мечтала о больших вещах.

– Мы живем сейчас в новое время, время смелых людей! Время, когда только ленивые люди могут остаться бедными. Время, когда только ограниченные люди могут остаться неудовлетворенными. Время, когда изобретательность и предприимчивость одного человека могут изменить мир!

Даже если этот человек женщина, да помогут нам Судьбы!

– Только вчера, здесь, в Адуе, Диетам дан Корт завершил строительство моста, сделанного полностью из железа – из *железа*, заметьте себе! – который проведет канал через стену Казамира в самое сердце города.

Новые аплодисменты; внизу, в толпе слушателей, соратники Корта принялись хлопать его по спине. спине, на которой, между прочим, было надето превосходное новое пальто, оплаченное деньгами Савин.

– С этим каналом наш город получит неограниченный доступ к источникам сырья. С ним в наш город придет новая промышленность и новая коммерция; явятся новые рабочие места, новые товары – и новая *жизнь* для людей, гораздо лучше прежней! – Карнсбик широко раскинул руки жестом зазывалы в цирке, поблескивая стеклышками на глазах. – С ним наступит эра процветания для всех нас!

Но в особенности для самой Савин, это едва ли нуждалось в упоминании. В конце концов, что толку в процветании, если процветать будут все подряд?

– А теперь к делу! К новому делу *прогресса*! Первое выступление подготовил для нас Каспар дан Арингорм, оно будет посвящено применению двигателя Карнсбика для выкачивания воды из железных рудников.

Арингорм еще проталкивался к кафедре, а Савин уже поднялась, чтобы уходить. По правде говоря, изобретения никогда ее особенно не интересовали. Главным образом она увлеклась их трансформацией в деньги – а этот конкретный род алхимии практиковался в фойе.

Под тремя огромными канделябрами уже собралась значительная толпа, жужжащая возбужденными голосами, кипящая планами и предложениями. Кучки неброско, но солидно одетых людей собирались и рассыпались, формируя головокружительные узоры и завихрения; женские платья яркими цветными точками выплывали и снова тонули в этом потоке. То там, то здесь можно было даже заметить легендарные мантии одной из архаичных купеческих гиль-

дий. Натренированный взгляд Савин выхватывал из толпы тех, кто имел деньги или связи: те, кто их не имел, втягивались в их кильватерную струю, словно шлюпки, болтающиеся за кормой больших кораблей, в отчаянном поиске покровительства, вмешательства, капиталовложений.

Это было море – море бизнеса. Опасные воды, где бушевали непредсказуемые шторма, где в один миг рушились целые состояния, предприятия шли ко дну вместе со всей командой, репутации трещали по швам – но где опытный штурман, обладающий зорким взглядом, мог привести свой корабль к неслыханному успеху, пользуясь подводными течениями богатства и влияния.

– Бог помогает тем, кто помогает сам себе, – вполголоса заметила Зури, взглянув на свои часы.

Она всегда маячила у Савин за плечом, готовая отогнать от нее никчемный сброд или, если понадобится, сделать в своей записной книжке заметку о приватной встрече, записать приглашение на чай для действительно перспективного клиента. Зачастую на протяжении таких пленительных бесед она могла обронить мимоходом какую-нибудь реплику о ночных привычках своего визави, или его сомнительном происхождении, каком-нибудь незаконном отпрыске, или о том, как обнародование какого-либо скандального факта может превратить в руины блестящую карьеру. Среди сколько-нибудь заметных фигур не было почти ни одной, о ком не имелось бы какого-либо секрета, записанного в ее книжечке. Нотка шантажа, привнесенная аккуратно и со вкусом – надежное средство, чтобы сместить цены в нужном направлении. В этой игре, чтобы выиграть, необходимо постоянно стоять одной ногой в бальной зале, а другой – по колено в сточной канаве.

– Что ж, тогда за работу!

Савин нацепила на лицо самую лучезарную из своих улыбок, со щелчком распахнула веер и поплыла вниз по ступеням в гущу сражения.

– Леди Савин, вы рассмотрели мое предложение? Помните – новое решение для перевозки угля по воде? Речь идет как о лодках, так и о грузовых судах! Мы будем поставлять уголь в любое жилище, каким бы скромным оно ни было. Уголь – наше будущее!

– Согласно моим исследованиям, холмы под Ростодом буквально *напичканы* медью, леди Савин, – ее можно черпать с земли горстями! Металлы – наше будущее!

– Мне необходимо только убедить владельца земли, он родственник лорда Ишера, а я знаю, как вы близки с его сестрой...

Савин умела владеть мечом, но на этом поле боя ее оружием был веер. Когда он в закрытом виде заговорщически касался чьего-либо плеча, это вызывало на лицах улыбки вернее, чем ведьмина волшебная палочка. Когда он резким щелчком раскрывался с поворотом запястья, это обрывало бесплодные разговоры резче, чем топор палача. Когда он изящно поднимался к лицу, в совокупности с опущенными уголками губ и поворотом плеча, это погребало человека глубже, чем лопата могильщика.

– Соль сейчас самая верная вещь, леди Савин. Соль в больших количествах, доступная для всех. Партнер в таком деле может за несколько месяцев получить *втрое* больше, чем вложил! *Вчетверо* больше!..

– Часы – вот что нужно! Точные часы! Дешевые часы! В них потенциал, леди Савин, вы не можете закрывать глаза на потенциал...

– Поймите, одно ваше слово нужному человеку в патентном ведомстве...

Один за другим они представляли перед ней со своими планами, своими мечтами, с ярким огнем уверенности в глазах. Ее малейшая улыбка – и их лица освещались восторгом. Слегка сдвинутые брови – и их окатывало волной ужаса. Заканчивая каждую из этих коротких встреч щелчком веера, она думала обо всех отказах, которые ей довелось получить за свою жизнь, и наслаждалась чувством своей власти.

– С вашими контактами в Стирии, вашего покровительства было бы более чем достаточно...

– Учитывая ваши связи в Агрионте, потребовалось бы всего лишь поговорить...

– Единственное, чего мне не хватает, – это капитала!

– *Внятеро* больше!..

– Леди Савин? – Молодая женщина, рыжий парик, обсыпанные веснушками плечи. Манера выглядывать поверх чересчур яркого веера, видимо, была рассчитана на то, чтобы очаровывать, но, по мнению Савин, выдавала лишь пронируемость. – Простите меня, но я ваша *ужасная* поклонница!

Ужасных поклонниц и поклонников к Савин стояла целая очередь, и было непонятно, с какой стати эта девица решила, что может влезть впереди всех.

– Прелестно.

– Меня зовут Селеста дан Хайген.

– Не кузина ли Бораса дан Хайгена?

Самодовольный болван. Похоже, это у них семейное.

– Всего лишь дальняя родственница, – стыдливо улыбнулась Селеста. – Боюсь, я не более чем крохотный сучок на самой дальней ветке фамильного древа.

– Скорее набухающая почка, без сомнений, готовая распусться.

Селеста залилась краской – этакая невинная девушка из провинции, совершенно затерявшаяся в большом городе. Она напоминала Савин плохую актрису в плохо написанной пьесе.

– Я знала, что вы прекрасны, но даже предположить не могла, что вы окажетесь так добры! Мой отец оставил мне немного денег, и я хотела бы их куда-нибудь вложить. Осмелюсь ли просить вас о совете?

– Покупайте то, что растет в цене, – сказала Савин, поворачиваясь к ней спиной.

– Леди Савин дан Глокта. – Невысокий человек, вьющиеся волосы. Одежда говорит одновременно о богатстве, скромности и хорошем вкусе. – Я надеялся свести с вами знакомство.

– Кажется, в этом вы меня опередили.

– Но не в отношении красоты.

И действительно, внешность у него была незапоминающаяся – не считая ярких глаз. Они были разного цвета, один голубой, другой зеленый.

– Меня зовут Йору Сульфур, – представился незнакомец.

Это было поистине редкое событие для Савин – услышать имя, которого она не слышала прежде, и это всегда возбуждало ее любопытство. Новые имена, в конце концов, означают новые возможности.

– И чем вы занимаетесь, мастер Сульфур?

– Я принадлежу к ордену магов.

Савин было не так-то легко удивить, но здесь ее брови помимо воли приподнялись. Обычно Зури отваживала от нее всяких чудиков, но сейчас ее, как назло, не было рядом.

– Волшебник на собрании инвесторов и изобретателей? Разведываете неприятельские позиции?

– Точнее будет сказать, что я ищу новых друзей. – Его улыбка была полна белых, острых, блестящих зубов. – Нас, магов, всегда интересовали возможности изменить мир.

– Как замечательно, – отозвалась Савин, хотя по ее опыту, когда люди заговаривали о том, чтобы менять мир, они всегда имели в виду изменение в нужную для себя сторону.

– В прежние времена, в дни Эуса и его сыновей, лучшим средством для этого была магия. Но сегодня... – Сульфур обвел взглядом кипящее движением фойе и наклонился ближе, словно собираясь поделиться секретом: – Я начинаю думать, что ваш способ даже лучше.

– Вы идете туда, где можно найти силу, – промурлыкала Савин, легонько касаясь веером его запястья. – Я точно такая же.

– О, вам стоило бы познакомиться с моим учителем! По моим ощущениям, вы нашли бы друг в друге *очень* много общего. Он, конечно же, вел дела с вашим отцом. Тем не менее, никто не вечен.

Савин сдвинула брови.

– Понятия не имею, о чем вы...

– Леди Савин! – На нее надвигался Карнсбик, широко расставив руки в знак величайшей приязни. – Когда, черт возьми, вы наконец выйдете за меня замуж?

– Через несколько дней после никогда. К тому же, я готова поклясться, что присутствовала при том, как вы женились на ком-то другом.

Он взял ее за руку, вложил ее ладонь в свою и поцеловал ее.

– Одно ваше слово, и я собственноручно ее задушу!

– Но ведь она такая милая женщина, я не возьму такого греха на свою совесть.

– Только не надо делать вид, будто у вас есть совесть!

– Почему же, она есть. Просто я держу ее в наморднике и привязываю подальше, когда веду дела с партнерами. Вот, познакомьтесь...

Она повернулась, чтобы представить ему Сульфур, но обнаружила, что тот уже растворился в толпе.

– Карнсбик, старый ты пес!

Это был Арингорм, тот, что выступал первым – влез прямо в их разговор, словно боров в розовую клумбу.

– Арингорм, друг мой! – Карнсбик радушно хлопнул его по плечу. В том, что касалось машин, он был гением, но его беда была в том, что он слишком доверял людям. – Позволь представить тебе Савин дан Глокта!

– А, ну да. – Арингорм обратил к ней откровенно натянутую улыбку. Видимо, один из тех невыносимых людей, которые считают, будто другие существуют лишь для того, чтобы удовлетворять их нужды. – Насколько я понимаю, вы инвестировали капиталы в несколько железных рудников в Инглии. А если точнее, то вы являетесь, вероятно, самым крупным индивидуальным владельцем во всей провинции.

Савин не любила, когда ее дела обсуждались вот так, перед публикой. Когда ты выигрываешь, люди стремятся с тобой подружиться. Но когда ты выигрываешь слишком много, они начинают нервничать.

– Да, кажется, у меня есть там некоторые интересы.

– Вам стоило послушать мое выступление. Основной вопрос при обеспечении эффективной работы рудников – это насколько быстро удастся откачивать воду с глубины. При использовании ручного труда или лошадей неизбежны определенные ограничения, но мне удалось так модифицировать двигатель мастера Карнсбика, что скорость откачки возрастает десятикратно, что дает возможность копать дальше и глубже...

В том, что он говорил, был некоторый смысл, но у Савин вызывала отвращение сама его манера говорить.

– Благодарю, но в настоящий момент меня интересует не железо, а мыло.

– Простите?

– Мыло, стекло, посуда. Вещи, которые некогда были роскошью, доступной только для благородных, а сейчас считаются необходимыми для любого зажиточного человека, вскоре станут насущной потребностью всех людей. Чистое тело, застекленные окна и... наличие в доме посуды. Найдите способ выкачивать из земли обеденные сервизы, и я с радостью обсужу его с вами.

– Вы, должно быть, шутите.

– Свои шутки я приберегаю для тех, у кого есть чувство юмора. Вы должны понимать, что мне приходится соблюдать осторожность в выборе своих партнеров.

– Вы совершаете большую ошибку.

– Далеко не первую, уверяю вас. Тем не менее, мне как-то удается держаться на ногах.

– Никогда не следует позволять чувствам становиться на пути прибыли, – резко сказал Арингорм. От ярости его шея над воротником покрылась розовыми пятнами. Зури, наконец появившаяся из толпы, прикладывала все силы, чтобы отвлечь его внимание, но он не давал себя увести. – Это лишь подтверждает мое убеждение в том, что женщинам нет места в деловых кругах.

– Тем не менее, я на своем месте, – парировала Савин, еще шире расплываясь в улыбке. – А вы на своем, с чашкой для подаяния в руке. Несомненно, в жизни Союза есть множество таких областей, куда женщин не пускают. Но вы не мешаете мне покупать и продавать все, что я пожелаю.

Карнсбик подышал на свои стекла и протер платком.

– Осторожнее, мой друг. – Он снова нацепил их на нос и поднял взгляд на Арингорма, хмуря брови. – Леди Савин может захотеть купить или продать тебя самого!

– Не стоит беспокоиться. – Савин со щелчком распахнула веер. – Я покупаю только те вещи, в которых вижу какую-то ценность.

– Мастер Арингорм, кажется, сильно рассердился, – вполголоса заметил Карнсбик, когда они двинулись дальше сквозь толпу. – Возможно, вы обнаружите, что в конечном счете немного великодушия может окупиться в пятикратном размере. Доброжелательность, возможно, – лучшее из капиталовложений...

Она отмела всю эту чепуху, благосклонно похлопав его по руке.

– Может быть, вам великодушие и доброжелательность действительно к лицу, но они совершенно не сочетаются с моей комплекцией. Некоторое количество заклятых врагов являются необходимым атрибутом светской дамы.

– К тому же, кажется, он все же раздобыл себе инвестора.

И действительно, Арингорм уже был погружен в беседу с Селестой дан Хайген.

– Проклятье! Она что, подбирает за мной объедки?

– А знаете, возможно, вы и правы.

– Словно сука возле помойки за мясной лавкой.

– Кажется, она снискала себе некоторую популярность среди членов нашего общества.

В самом деле, можно было наблюдать, как поворачиваются вслед за ней седые головы, когда она скользила через комнату под руку с Арингормом.

– Для того, чтобы пользоваться у них популярностью, достаточно иметь дырку между ног, – проворчала Савин.

– Ой-ой. Она напоминает мне вас в молодости.

– Я в молодости была чистый яд.

– Протестую, в молодости вы были чистый нектар! Почти настолько же, как и более поздняя версия. Однако я слышал мнение, что попытка подражать – это самое искреннее выражение восхищения. В конце концов, перед нами целый театр пожилых дураков, пытающихся изображать из себя Карнсбика. И что, разве я жалуясь?

– Постоянно. Когда не хвастаетесь.

– Я хвастаюсь так давно и непрерывно, что мне уже никто не верит. – Карнсбик поглядел на нее с мягкой улыбкой. – Земной Круг широк, леди Савин. Вы можете себе позволить уступить в нем небольшой уголок кому-нибудь другому.

– Ну, наверное, – неохотно признала она, выбрасывая из головы неприятный союз Арингорма и Хайген. – При условии, что он будет платить мне аренду.

Однако Карнсбик уже не слушал. Возбужденные голоса резко стихли, толпа расступалась, словно почва перед плугом. Сквозь море людей шагал человек с тщательно подстриженной и густо напوماженной бородой, в ярко-красном мундире, отороченном золотой тесьмой.

– Будь я проклят! – прошептал Карнсбик, хватая ее за запястье. – Это же король!

Как бы ни критиковали его величество – а критиковали его многие, в особенности в регулярно появляющихся и все более оскорбительных памфлетах, – никто не мог бы отрицать, что король Джезаль всегда выглядел как подобает королю. Он смеялся, хлопал людей по плечам, пожимал руки, обменивался шутками; он был словно маяк, излучающий слегка рассеянное благодушие. За ним с лязгом следовала дюжина рыцарей-телохранителей в полном доспехе, а следом – по меньшей мере четыре десятка писцов, офицеров, слуг, сопровождающих лиц и просто прихлебателей. Груды, покрытые броней незаслуженных медалей, сверкали в сиянии тысяч танцующих огоньков от свечей наверху.

– Мастер Карнсбик! – Его величество поднял с земли преклонившего колено великого изобретателя. – Прошу простить мое опоздание. Дворцовые дела, вы понимаете. То одно, то другое, правительственные хлопоты. Так много вещей требуют внимания!

– Ваше величество, – пролепетал Карнсбик, – Солярное общество *озарено* вашим присутствием! Сожалею, что нам пришлось начать выступления без вас...

– Бросьте, бросьте! Прогресс не должен ждать никого, а, Карнсбик? Даже королей!

– В особенности королей, ваше величество, – бросила Савин, еще глубже приседая в реверансе.

Ее наглость вызвала в королевской свите негодующие возгласы, однако без риска не бывает прибыли.

Карнсбик протянул руку в ее направлении:

– Позвольте вам представить...

– Савин дан Глокта, как же, – прервал король. – Можно только гордиться, видя в своих подданных такую... предприимчивость и целеустремленность.

Он легонько потряс в воздухе поднятым кулаком. Станный жест, который должен был показывать силу – но выглядел таким бессильным...

– Я всегда восхищался людьми, способными... что-то *создавать*, – неловко закончил король.

Савин присела еще ниже. Она давно привыкла к направленным на нее мужским взглядам. Научилась их выносить, вежливо отклонять, даже обращать к своей выгоде. Однако взгляд, которым смотрел на нее король, не принадлежал к обычному типу. За его банально-любезной улыбкой скрывалась какая-то глубокая печаль.

– Ваше величество слишком добры, – вымолвила она.

– Недостаточно добр, – возразил король.

Мог ли он каким-либо образом прознать насчет ее отношений с его сыном? Может быть, Орсо что-нибудь сболтнул невзначай?

– Когда впереди идут такие вот молодые женщины, будущее Союза выглядит поистине светлым!

К счастью, в глубине залы возникло какое-то движение. Сквозь толпу протолкался рыцарь-герольд, держа под мышкой свой крылатый шлем.

– Ваше величество, я принес известия!

Король обернулся к нему со слегка раздосадованным видом.

– В этом и состоит твоя работа, не так ли? Нельзя ли поконкретнее?

– Известия... с Севера.

Герольд наклонился к королю и что-то прошептал ему на ухо. Застывшая улыбка Джезала угасла.

– Примите мои извинения, леди Савин. А также все остальные! Я нужен в Агрионте.

Его величество повернулся на отполированном до блеска каблуке, сверкнул позолоченный край королевского плаща. Его свита, теснясь, устремила след за ним, важные, словно стадо утят, спешащих за матерью; ни на одном лице не мелькнуло даже тени улыбки.

– Как вы считаете, – спросил Карнсбик, надувая щеки, – можем мы считать себя удостоившимися внимания его величества после визита, продлившегося полминуты?

– Визит есть визит, – пробормотала Савин.

Гул голосов уже возобновился с еще большей силой, люди толпились возле дверей, пихая друг друга, чтобы успеть первыми разузнать важные новости. И извлечь из них выгоду.

– Выясни, что за весть принес этот рыцарь-герольд, – вполголоса велела Савин, обращаясь к Зури. – Ах да, и отметь там у себя: я хочу, чтобы Каспар дан Арингорм столкнулся с проблемами в своих делах в Англии.

Зури вытащила из-за уха карандаш.

– Слухи, правонарушения или просто письма, остающиеся без ответа?

– Для начала пускай будет всего понемногу, а там посмотрим.

Не Савин превратила светское общество в клубок змей; она просто была исполнена решимости заползти на самый верх и оставаться там. Если для этого требовалось стать самой ядовитой рептилией в Адуе – что ж, ничего не поделаешь.

Фехтование с отцом

– Ваше высочество, просыпайтесь!

Послышался ужасный скребущий звук раздвигаемых портьер. Орсо заставил себя приоткрыть один глаз, защищая его поднятой рукой от невыносимого света.

– Кажется, я просил тебя не называть меня так... – Он поднял голову, но она тут же принялась очень неприятно пульсировать, так что он снова позволил ей упасть. – И вообще, с какой стати ты считаешь себя вправе будить наследника престола?

– Кажется, вы просили меня не называть вас так?

– А я непоследователен. Будучи кронпринцем Союза...

– ...а также, теоретически, Талина...

– ...я могу себе позволить быть непоследовательным сколько мне, черт побери, угодно!

Непослушной рукой Орсо нашарил рядом с собой ручку кувшина, поднес его к губам и сделал глоток, слишком поздно осознав, что в нем вовсе не вода, а выдохшийся эль. Он выплюнул его, обдав стену перед собой облаком брызг.

– Вашему высочеству придется быть непоследовательным в процессе одевания, – сообщил Танни. – Есть новости.

Орсо поискал взглядом воды, но не нашел и в конце концов все же допил остатки эля.

– Только не говори, что эта вчерашняя блондинка была заразной. – Он отшвырнул покачившийся по полу кувшин и снова раскинулся на кровати. – Последнее, что мне сейчас нужно, это снова принимать...

– Скейл Железнорукий и его северяне вторглись в пределы Протектората. Они сожгли Уфрис.

– Пф-ф-ф! – Орсо подумал, не запустить ли в Танни башмаком, но решил, что это потребует слишком большого усилия. Вместо этого он перевернулся на бок и прижался к безмянной девице, засунув слегка отвердевший член в теплое местечко между ее ягодицами, что вызвало у нее полусонное негодующее мычание. – Это совсем не смешно!

– Вот именно, черт побери. Леди-губернаторша Финри дан Брок ведет отчаянные арьергардные бои вместе с Ищейкой и своим сыном Лео – большим и храбрым Молодым Львом, – но они неизбежно отступают перед этими ужасными северянами и их кошмарным предводителем Стуром Сумраком, которого кличут еще Большим Волком. Он поклялся выгнать из Инглии всех проклятых южан до последнего. – Небольшая пауза. – «Проклятые южане» это мы, если вы еще не поняли.

Орсо наконец сумел раскрыть оба глаза одновременно.

– Ты не шутишь?

– Если бы я шутил, это было бы легко понять по смеху вашего высочества.

– Что за...

Орсо ощутил, как в нем внезапно зашевелилось... *нечто*. Беспокойство? Возбуждение? Гнев? Зависть? В любом случае, какое-то *чувство*. Он уже так давно не испытывал ничего подобного, что теперь оно ощущалось как шпора, воткнутая в задницу. Он принялся выбираться из постели, запутался одной ногой в простыне, яростно дрыгнул ею, высвобождая, и случайно пнул в спину безмянную девицу.

– ...Черт! – пробормотала она, садясь на кровати и пытаясь соскрести с лица спутанные и слипшиеся от вина волосы.

– Прости! – поспешно сказал Орсо. – Я ужасно извиняюсь, но... Северяне! Вторжение! Львы и волки, и черт знает что еще!

Он схватил свою коробочку и сунул в каждую ноздрю по щепотке жемчужной пыли. Просто чтобы прочистить мозги.

– Кто-то должен что-нибудь сделать, черт возьми!

По мере того как утихало жжение в носоглотке, неведомое ощущение становилось все острее. Оно стало настолько настойчивым, что Орсо поежился, чувствуя, как встают дыбом волоски на предплечьях. «Почему бы не попробовать найти себе дело, которым ты мог бы гордиться?» – сказала ему мать. Может быть, это как раз его шанс? До настоящего момента он даже не подозревал, насколько ему хочется получить хоть какой-то шанс.

Он перевел взгляд с пустых бутылок на кровать, затем на Танни, который стоял, опираясь на стену и сложив руки на груди.

– Я! Я должен что-нибудь сделать! Набери мне ванну!

– Хильди уже набирает.

– Где мои штаны? – Танни кинул их ему, и Орсо поймал их в воздухе. – Я должен немедленно повидаться с отцом! Сегодня понедельник?

– Вторник, – сказал Танни, враскачку выходя из комнаты. – Он, должно быть, фехтует.

– В таком случае попробуй заодно разыскать мои клинки! – проревел Орсо в закрывающуюся дверь.

– Ох, ради всего святого, заткнись, а? – простонала безликая девица, натягивая на голову одеяло.

* * *

– Один – один! – Король широко улыбнулся, протягивая ему руку.

– Отличный бой, ваше величество.

Орсо дал отцу поднять себя на ноги и нагнулся, чтобы поднять упавший клинок, потирая ушибленные ребра. Следовало признать, его образ жизни понемногу начинал сказываться. Плотная фехтовальная куртка сегодня казалась гораздо более плотной, чем в последний раз, когда он ее надевал. Возможно, его мать была права, и он уже вышел из возраста, когда можно позволять себе все что угодно. Пожалуй, с этих пор все-таки стоит хотя бы один день в неделю проводить в трезвости. Ну, хотя бы одно утро в неделю.

Однако обстоятельства, словно сговорившись, вечно удерживали его от правильных поступков. Один из слуг уже плыл к ним по безупречно выстриженной лужайке, держа на отполированном подносе два бокала.

Король засунул под мышку длинный клинок, взял один бокал и поднял его:

– Немного освежимся?

– Ты же знаешь, я до обеда не пью, – отозвался Орсо.

Мгновение они молча смотрели друг на друга, затем оба разразились хохотом.

– Все-таки у тебя потрясающее чувство юмора, этого никто не может отрицать, – проговорил отец Орсо, приподнимая свой бокал в приветственном жесте.

– Насколько я знаю, никто и не пытался. Обычно во мне отрицают наличие всех остальных хороших качеств.

Орсо отхлебнул вина, покатал его по рту и проглотил.

– А-ах! Густое, красное, полное солнца! – Осприйское, без сомнения. Он даже на минутку пожалел, что они так и не завоевали Стирию. – Я и забыл, какие у тебя великолепные вина.

– Ну, я все же король. Если у меня плохое вино, значит, с нашим миром что-то сильно не в порядке.

– С нашим миром многое сильно не в порядке, отец.

– Ну разумеется! Буквально вчера меня посетила делегация рабочих из Колона со списком жалоб по поводу условий в тамошних промышленных районах. – Король нахмурился, глядя в глубину восхитительного дворцового сада, и озабоченно покачал головой. – В воздухе

ядовитый смог, пища сомнительная, вода тухлая, в городе свирепствует трясучка, машины калечат людей, дети рождаются уродцами... Ужасные вещи!

– Не говоря уже о том, что Скейл Железнодорожный вторгся к Ищейке в Протекторат.

Король приостановился, не донеся бокал до рта.

– Ты слышал об этом?

– Я живу в борделе, но все-таки не на дне колодца. Вся Адуя гудит от слухов.

– С каких это пор тебя волнует политика?

– Меня волнует, когда орда варваров принимается жечь города наших союзников, сея смерть и разрушения и угрожая вторгнуться на суверенную территорию Союза. В конце концов, я наследник престола, черт побери!

Король вытер пальцами свои роскошные усы – теперь седины в них было больше, чем золота – и снова натянул на руку перчатку.

– А с каких пор тебя волнует, что ты наследник престола?

– Меня всегда это волновало, – солгал Орсо. – Просто... не всегда удавалось это продемонстрировать.

Он небрежно бросил свой бокал обратно на поднос. Слуга ахнул и принялся отчаянно манипулировать подносом, чтобы не дать ему упасть.

– Ты готов, старикашка?

– Всегда к твоим услугам, щенок!

Король прыгнул вперед, нанося колющий удар. Их длинные клинки со свистом сомкнулись, звякнули и проскребали друг о друга. Король кольнул коротким клинком, но Орсо поймал его своим, удержал, повернул. Они разошлись и принялись кружить вокруг друг друга. Орсо не отрывал глаз от кончика отцовского длинного клинка, периодически бросая быстрые взгляды на его переднюю ногу: у его величества была привычка слегка поворачивать ее перед выпадом.

– А знаешь, ты хороший фехтовальщик, – заметил король. – Готов поклясться, тебе хватит таланта, чтобы победить на турнире.

– Таланта-то, может быть, и хватит. Но вот целеустремленности, выдержки, решимости? Едва ли.

– Ты мог бы стать настоящим мастером, если бы практиковался чаще чем раз в месяц.

– Если я практикуюсь хотя бы раз в год, для меня это уже перегрузка.

На самом деле Орсо устраивал тренировки по меньшей мере раз в неделю, но если бы отец узнал об этом, то мог бы заподозрить, что Орсо позволяет ему побеждать. Казалось бы, с какой стати монарху самой могущественной страны в Земном Круге беспокоиться о том, чтобы победить собственного сына в круге фехтовальном? И тем не менее, для Орсо не было более верного способа получить желаемое, чем позволить ему обойти себя на пару касаний.

– Итак... что же мы все-таки планируем предпринять в отношении этих северян? – спросил он.

– Мы?

Острие отцовского длинного клинка задело клинок Орсо.

– Ну хорошо, ты.

– Я?

Острие метнулось в другую сторону.

– Ладно, твой Закрытый совет.

– Они не планируют предпринимать ровным счетом ничего.

– Что? – Орсо опустил клинки. – Но ведь Скейл Железнодорожный вторгся в наш Протекторат?

– В этом нет никаких сомнений.

– Разве мы не должны его защищать? Фактически, это следует уже из названия!

– Я понимаю, как это должно быть в принципе, мальчик мой. – Король нырнул вперед, и Орсо, увернувшись, рубанул коротким клинком. Звон стали всполошил больших розовых птиц, плескавшихся в соседнем фонтане, которые окинули их презрительными взглядами. – Тем не менее, принципы и реальность очень редко спят в одной постели.

«Прямо как ты с моей матерью», – подумал Орсо и едва не сказал это вслух, но шутка могла оказаться немного чересчур пикантной для невзыскательного чувства юмора его отца. Вместо этого, увернувшись от нового выпада, он перешел в нападение, поймал длинный клинок отца своим, захватил и хлестким движением кисти выбил у него из руки. Отчаянный выпад коротким клинком также был отбит. Скребнули гарды, а затем его длинный клинок слегка выгнулся, упершись королю в плечо.

– Два к одному! – объявил Орсо и рассек лезвием воздух.

В конце концов, не годится позволять старику слишком легко победить. Никто не ценит того, что досталось без труда.

Он подозвал к себе одного из слуг с полотенцем, в то время как его отец, нетерпеливо щелкнув пальцами, показал другому, чтобы тот подал ему упавший клинок.

– Ты не понимаешь, Орсо. Всегда будет какой-нибудь кризис, и всегда он будет худшим из всех возможных. Еще не так давно мы трепетали в ужасе перед гурками – и имели на то веские основания. Пока их выгоняли, половина Адуи оказалась в руинах. А теперь их великий пророк Кхалюль исчез, их могущественнейший император Уфман низложен, и вся их мощь развеялась, словно дым на ветру. Вместо армий завоевателей к нам стекаются с Юга потоки отчаявшихся беженцев.

– И что, разве мы не можем позволить себе насладиться падением врага?

– Кое-кто из нас не находит поводов для радости в насильственном свержении монарха.

Орсо поморщился.

– Да, пожалуй, это действительно задевает слишком близкие струнки.

– Это показывает лишь, что великие империи не всегда процветают, их может ждать и упадок. Теперь Меркатто держит под пятой почти всю Стирию, и Старая Империя собирает силы, бросая вызов нашим владениям на Дальних Территориях и возбуждая еще большие волнения в Старикланде. А вот и треклятые северяне нарушили наши соглашения, заключенные с таким трудом, и снова стремятся к войне. Жажда крови этих людей поистине неутолима.

– Только пока речь идет о крови других людей. – Орсо набросил полотенце на голову слуги и снова встал на свою метку. – Удивительно, как быстро даже самым крутым ребятам надоедает вид своей собственной.

– Это верно. Но спать мне не дают не они, а враги внутри наших границ. Войны в Стирии исчерпали людские карманы и людское терпение. Открытый совет непрестанно жалуется. Если бы дворяне не ненавидели друг друга еще больше, чем меня, не сомневаюсь, они уже сейчас устроили бы открытый мятеж. Крестьяне, может быть, не кричат так громко, но недовольства среди них не меньше. Куда ни повернись, я встречаю измену.

– В таком случае, ваше величество, нам стоит преподать им хороший урок. – Орсо рубанул клинком раз, другой, потом кольнул, но король отбил оба рубящих удара и ушел от колющего, ввалился в куст, подстриженный в виде башни мага из романов, и тут же танцующим шагом вернулся на открытое место. – Мы дадим урок северянам, но его свидетелями будут также и все ваши вероломные подданные. Покажем нашим союзникам, что на нас можно положиться, а врагам – что с нами не стоит шутить. Несколько побед, парочка парадов и чуток патриотического пыла – самое то, чтобы воссоединить нацию!

– Ты приводишь мне те же самые доводы, которые я изложил перед моим Закрытым советом, но дело в том, что в наших сундуках попросту ничего нет. Фактически, они более чем пусты! Деньгами, которые я задолжал, можно наполнить ров перед Агрионтом, и все равно останется еще что-то сверху. Я ничего не могу сделать.

– Но ты же Высокий король Союза!
Отец печально улыбнулся Орсо.

– Сынок, придет день, и ты сам поймешь: чем больше у тебя власти, тем меньше ты действительно можешь что-то изменить.

Пока он говорил, острия его клинков опустились к земле, но это была явная хитрость: Орсо видел, что король готов к атаке, по тому, как он опирался на заднюю ногу. Тем не менее, король настолько радовался своей ловушке, что было бы попросту невежливо не попасться в нее. С победным ревом Орсо нырнул вперед, затем очень убедительно изобразил потрясенный вскрик, получив ожидаемый отпор. Подавив инстинктивное побуждение заблокировать короткий клинок короля, он дал острию скользнуть мимо своей защиты и простонал, когда оно ткнулось в его подбитую ватой куртку.

– Два-два! – хохотнул король. – Немного нытья – лучшее средство, когда хочешь вызвать противника на необдуманные действия!

– Превосходно разыграно, отец.

– Старый пес еще на что-то годен, а?

– К счастью. Думаю, мы оба согласны, что я еще не совсем готов занять трон.

– К этому никто не готов, мальчик мой. Вообще, почему тебя так интересует эта северная экспедиция?

Орсо набрал в грудь воздуха и посмотрел отцу в глаза:

– Потому что я хочу ее возглавить.

– Ты хочешь... что?

– Я хочу... ну, в общем... внести свою лепту. Куда-нибудь, помимо кошельков шлюх.

Его отец фыркнул от смеха.

– Последним отрядом, которым ты командовал, был тот игрушечный полк, что подарил тебе старикландский губернатор, когда тебе было пять лет!

– Что ж, самое время получить новый опыт. Я же наследник престола, верно?

– Твоя мать постоянно уверяет меня в этом, а я стараюсь никогда с ней не спорить.

– Рано или поздно мне нужно исправить свою репутацию. Бедняжка подмочена так, что с нее капает.

Орсо снова ступил на свою отметку, готовясь к решающей схватке. Его каблук чиркнул по безупречно ровному дерну, оставив грязную борозду.

– Боишься, что Молодой Лев захапает себе всю славу, а?

Орсо в последнее время слишком часто слышал это имя, чтобы чувствовать себя в безопасности.

– Сдается мне, он мог бы и оставить пару обрезков своему будущему королю.

– Да, но... сражаться в битве? – Отец Орсо недовольно пожевал губами; старый шрам задвигался в гуще его бороды. – Эти северяне не шутят, когда доходит до кровопролития. Я мог бы порассказать тебе немало историй о своем старом друге Логене Десятипалом...

– Ты уже рассказывал, отец. Сотню раз.

– Еще бы, такие отличные истории, черт возьми! – Король на мгновение выпрямился и опустил клинки, окинув Орсо оценивающим взглядом. Его лоб прорезала морщинка.

– Ты ведь действительно этого хочешь, да?

– Мы должны сделать хоть что-то.

– Да, пожалуй, ты прав.

Король прыгнул вперед, но Орсо был готов. Он парировал удар, увернулся, парировал снова.

– Ну хорошо. Как насчет такого решения? – Удар, удар, укол. Орсо отступил, следя за его движениями. – Я дам тебе Горста, двадцать рыцарей-телохранителей и батальон королевской гвардии.

– Но это же почти ничего!

Орсо перешел в атаку и едва не достал отца колющим ударом, заставив его отпрыгнуть назад.

– Согласен. – Король отшагнул в сторону, рисуя в воздухе маленькие сверкающие круги кончиком длинного клинка. – Остальных тебе придется найти самому. Покажи мне свои способности: набери еще пять тысяч. И вот *тогда* можешь спешить на выручку кому угодно.

Орсо замигал. Собрать пять тысяч войска? Это звучало утомительно похоже на работу. Однако он ощущал разливающийся по телу незнакомый прилив энергии при мысли о том, что перед ним наконец-то стоит осмысленная задача.

– И наберу, черти б меня драли! – Орсо получил все, что имел, благодаря проигрышам. Но сейчас в кои-то веки он желал выигрывать. – Защищайтесь, ваше величество!

Он прыгнул вперед. Сталь зазвенела о сталь.

Фехтование с отцом

– Коли, Савин, коли! – подгонял ее отец, наклоняясь вперед из своего кресла, чтобы следить за ее движениями. – Коли сильнее!

Ее плечо пылало огнем, боль распространялась вниз по руке до кончиков пальцев, но она заставляла себя продолжать, стремясь сделать каждый укол резким, четким, безупречным.

– Хорошо, – пропищал Горст, отражая ее усилия: всегда уравновешенный, всегда спокойный.

Клацанье стали отразилось эхом от стен пустого помещения.

Для ее отца, однако, ничто не было достаточно хорошо.

– Следы за передней ногой! – рявкнул он. – Распределяй вес пошире!

– Я распределяю!

Она выбросила руку три раза подряд, стремительно как молния.

– Распределяй шире. Я же знаю, ты терпеть не можешь делать вещи кое-как.

– Это ты терпеть не можешь, когда я делаю вещи кое-как.

– Ну так распределяй вес шире. Тогда мы оба будем довольны.

Она расширила стойку и выдала еще несколько колющих ударов, скребя клинком о клинок Горста.

– Ну как, лучше? – спросил отец.

Так было несомненно лучше, но оба знали, что она никогда не признает, что была не права – это значило бы смириться с поражением.

– Посмотрим. Как дела на Севере?

– Разочарование за разочарованием, как обычно в жизни. Северяне продвигаются вперед, инглийцы отступают.

– Люди говорят, что иного и не следовало ожидать, поскольку наши войска возглавляет женщина.

Савин сделала выпад, лязгнула сталь, Горст поймал ее клинок своим и отвел в сторону.

– Люди, как мы оба знаем, просто бессмысленные идиоты, – презрительно отозвался ее отец, словно одна мысль о человеческих существах вызывала в нем отвращение. – Я бы сказал, что после смерти ее отца Финри дан Брок – наиболее компетентный военачальник в Союзе. Горст, ты ведь ее знаешь, не так ли?

Огромный королевский телохранитель, обычно лишенный каких бы то ни было эмоций, слегка вздрогнул.

– Немного, ваше преосвященство.

– Жаль, я не мог поручить ей командование в Стирии, – продолжал отец Савин. – Мы бы сейчас считали победы, вместо того чтобы считать трупы. Давай, коли!

– Брок против Меркатто! Вот это было бы нечто! – прошипела Савин, снова принимаясь работать клинком. – Две величайшие армии в Земном Круге, и обеими командуют женщины!

– Вероятно, они бы сочли, что могут потратить свои деньги на что-нибудь более достойное, и покончили бы дело разговором. И где бы мы тогда были?.. Ладно, на сегодня хватит острия, давай-ка посмотрим, что ты можешь сделать кромкой. И руби как следует, Савин, он не стеклянный.

Она ринулась на Горста, якобы собираясь напасть справа, но в последний момент резко свернула влево, сопроводив движение яростным рубящим ударом на уровне головы. Горст опустил клинки и отдернулся в сторону, быстрый как змея, невзирая на свои габариты. Его глаза не отрывались от лезвия, просвистевшего мимо его носа.

– Превосходно, – пропищал он.

Савин взмахнула обоими клинками.

– Но сможет ли Брок побить северян в одиночку?

– Пока что она собирает войска в Инглии. И к тому же, с ней Ищейка. Однако Скейл Железнуюрукий сильно превосходит их по мощи. Мое предположение: северяне захватят Протекторат, но Брок остановит их возле Белой реки. После этого, возможно, обстоятельства здесь поменяются, и мы сможем нагрянуть туда следующей весной и пожать лавры.

– Женщины делают всю тяжелую работу, а мужики потом пожидают лавры. Знакомая картина.

– Сварливость фехтовальщицам не к лицу. Руби, девочка! Покажи, на что ты способна.

Взвизгнув подошвами по деревянному полу, Савин метнулась, обходя Горста кругом и рубя под всеми возможными углами. Он, казалось, почти не шевелился, однако его клинки всегда оказывались в нужном месте, парируя удар.

– У моей дочери быстрые ноги, а, Горст?

– Очень быстрые, ваше преосвященство.

– Это все танцевальные уроки твоей матери. Как ни печально, сам я в последнее время почти не танцую.

– Да, жалко, – согласилась Савин, двигаясь кругами, выискивая брешь в защите противника. Капли пота щекотали ее бритый скальп. – В Закрытом совете сейчас грамотная работа ног оказалась бы не лишней. Если Брок проиграет войну, вы все будете выглядеть трусами и глупцами.

– Еще большими трусами и глупцами, чем уже выглядим.

– А если она победит, это придаст еще больше блеска ее репутации. И репутации ее сына.

– Как же, Леонольт дан Брок! – насмешливо оскалился ее отец, вновь показывая беззубые десны. – Молодой Лев!

– И кто только придумывает такие смехотворные имена?

– Писатели, не иначе. Мне доводилось видеть львов, когда я участвовал в гуркхульской кампании. Глупые зверюги, особенно самцы... Все, достаточно! Передышка.

Савин тяжело перевела дыхание и распахнула свою плотную фехтовальную куртку, чтобы впустить внутрь воздух. Она пропотела до самой рубашки. «Интересно, – подумала она, обтирая бритую голову полотенцем, – узнали бы меня сейчас благородные господа из Солярного общества? Без пудры, драгоценностей, платья, парика?» Впрочем, скорее всего, они даже сквозь пот учуяли бы запах денег и по-прежнему продолжали бы роиться вокруг.

– Мы могли бы немного поправить твой захват.

Ее отец наклонился вперед и ухватился за трость, собираясь встать. Было видно, как двигаются кости под бледной кожей его руки.

– Нет, нет! – Она шагнула к нему и мягко положила руку на плечо. – Я не дам тебе мучить себя только для того, чтобы показать мне, как надо держать клинок!

Она взяла с подлокотника кресла одеяло и накинула ему на ноги, аккуратно подоткнув со всех сторон. Судьбы свидетели, какой же он тощий! Это даже не назовешь «кожа да кости», поскольку кожи там почти не осталось.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

Его левый глаз задергался.

– Ты не заметила, наша страна еще не развалилась?

– Сегодня утром вроде все было нормально.

– Из чего можно заключить, что сегодня я еще жив. Завтра, впрочем, стоит проверить заново. У меня везде враги – во дворце, в Закрытом совете, в Открытом совете, на полях и на заводах. Инглийцев я и до войны бесил, а сейчас они практически светятся от ярости. Меня ненавидят повсюду.

– Только не здесь, – отозвалась Савин. Более явного выражения приязни от нее вряд ли можно было ждать.

– Мне этого более чем достаточно. – Он мягко прикоснулся к ее лицу кончиками пальцев: островки прохлады на ее потной щеке. – И это гораздо, гораздо больше того, что я заслужил.

– Наверное, какое-то количество врагов неизбежно входят в цену некоторых высоких кресел.

Ее отец фыркнул с отвращением и горечью, неожиданными даже для него:

– Стоит твоему задку коснуться сиденья, как ты тут же понимаешь, чего все это стоит. Ты думаешь, Закрытый совет действительно чем-то правит? Или король с королевой? Мы все – танцующие марионетки, не больше. Для отвода глаз. И чтобы было на кого свалить вину.

Савин нахмурила брови.

– Кто же тогда дергает за нитки?

Отец посмотрел ей в глаза. Его взгляд был ясным и твердым.

– Я задавал вопросы всю свою жизнь. И уяснил одно: на некоторые вопросы лучше не доискиваться ответов.

Его рука опустилась, упав поверх ее ладони. Той, что держала клинки.

– Пора поработать над твоей защитой.

– Три удара? – спросил Горст.

Савин правой рукой подбросила в воздух короткий клинок и ловко поймала его левой.

– Как будет угодно.

Горст скользнул к ней и нанес несколько ударов, но без особой агрессии. Она без труда блокировала колющие удары и отбила рубящий эффектным поворотом кисти.

– Итак, если борьба леди-губернаторши с северянами зайдет в тупик, что это будет означать для нашей собственности в Инглии?

– Ага! – Ее отец осклабился в ухмылке. – Я все ждал, когда мы наконец дойдем до денежных вопросов.

– Мы никуда от них и не уходили. – Она парировала удар и снова отшагнула в сторону, обходя медлительную атаку. Для человека, знаменитого своим боевым пылом, Горст, можно сказать, почти не старался ее задеть. – Цены в тех регионах уже взлетели до небес. Что мне делать, продавать или держаться дальше?

– Союз никогда не уйдет из Инглии. Если бы я занимался торговлей, я бы скупал все, что мне предлагают. Как мы знаем, опасности и благоприятные возможности...

– ...часто идут рука об руку, – закончила Савин, краем глаза заметив, что он улыбается.

Не многие вещи приносили ей такое же удовлетворение, как вызвать улыбку на лице архитектора. Кроме нее и ее матери, это не удавалось больше никому.

– Я посмотрю, не удастся ли немного занять, чтобы расширить мои владения в тамошних рудниках. – Она и сама с трудом сдерживалась, чтобы не заулыбаться во весь рот. – «Валинт и Балк» предлагают отличные расценки...

– Прекрати! – рявкнул ее отец с такой мучительной гримасой, что она ощутила легкое чувство вины. – Даже не шути об этом, Савин! «Валинт и Балк» – стервятники, паразиты, пиявки! Стоит им присосаться, и ты от них уже не освободишься. Они не успокоятся, пока не завладеют солнцем и не начнут брать со всего мира проценты за то, что оно встает по утрам. Пообещай мне, что никогда не возьмешь ни крупинки у этих мерзавцев!

– Обещаю. Я буду держаться от них подальше.

Впрочем, это было не так-то просто. Жадные щупальца этого банкирского дома, словно корявые корни старой ивы, оплетали практически все, с чем ей доводилось сталкиваться.

– Вообще-то там осталось не так уж и много. Я уже завладела контрольным пакетом акций оружейной мастерской в Остенгорме по такой цене, что ты просто не поверишь.

– Оружие – всегда удачное капиталовложение, – одобрил архитектор, глядя, как она отбивает клинок Горста своим.

– Мне говорят, что будущее за этими огненными трубками. Этими «пушками».

– В Стирии мы получили с ними неоднозначные результаты.
– Однако их делают все меньше размером, более портативными и более мощными. – Она ловко обошла вялый выпад Горста. – А сейчас для них разработали еще и взрывающиеся ядра.
– Во взрывы тоже всегда стоит вкладывать деньги.
– Особенно если мне удастся заключить пару контрактов с королевской гвардией.
– Даже так? Ты знаешь кого-нибудь влиятельного?
– Так вышло, что я устраиваю званый вечер для Азиль дан Рот и нескольких других жен военных. Ее муж, кажется, недавно был назначен главным смотрителем королевского арсенала.
– Как удачно, – иронически отозвался ее отец.
Следующий выпад Горста был настолько слабым, что это было даже оскорбительно.
– Эй, я тоже не стеклянная! – сказала ему Савин, раздраженно отмахиваясь от кончика его клинка. – Нападай по-настоящему.

В конце концов, она фехтовала всю жизнь. Девчонкой она мечтала переодеться мужчиной и победить на турнире, а потом стащить с себя капюшон – и предъявить восторженной толпе золотые локоны. Потом в моду вошли парики, и локоны были сбриты. Честно говоря, они все равно не были особенно привлекательными, скорее коричневыми, чем золотыми. А затем она узнала, что мужчины никогда не рукоплещут женщинам, которые их побеждают в их собственных играх. Так что Савин оставила фехтовальный круг носителям членов и решила вести счет своим победам в банке.

Она отбила две атаки, которые были не намного сильнее прежних, и на этот раз, ловко обойдя последовавший за ними ленивый рубящий удар, пихнула Горста гардой короткого клинка.

– Мало того, что ты говоришь как женщина, ты еще и дерешься так же?
У Горста едва заметно дрогнул глаз.
– Ого! – воскликнул ее отец. – Очко в пользу леди.
– Я хочу знать, каково это – когда на тебя нападает опасный человек, нападает по-настоящему. Иначе в чем смысл?

Савин снова встала в позицию, уверенная в своей стойке, уверенная в своей хватке на рукояти клинка, уверенная в своих способностях.

Горст взглянул на архилектора. Тот задумчиво сжал губы, потом еле заметно двинул плечом:

– Что же, ей надо когда-то учиться. – В его лице появилась жесткость, которой Савин прежде не видела. – Поучи ее.

Было какое-то едва заметное отличие в том, как Горст встал на свою отметку, как подвигал ногой, плотнее упирая ее в поскрипывающие половицы, как поворачивал могучими плечами и ухватился за свой иззубренный клинок. На его плоском лице практически не отражались эмоции, но ощущение было такое, словно в нем приоткрылась некая дверь, и в щелку Савин увидела запертое внутри чудовище.

Легко улыбаться при виде быка, если знаешь, что он надежно прикован. Когда внезапно осознаешь, что цепи нет, а его рога направлены на тебя и копыто роет землю, представление о быке радикально меняется.

Савин приоткрыла рот, собираясь сказать: «Подожди!»

– Начинай.

Она была готова к его силе. Стремительность Горста – вот что стало для нее неожиданностью. Не успела она даже выдохнуть, как он оказался рядом. Широко раскрытыми глазами Савин увидела опускающийся на нее длинный клинок, и у нее едва хватило присутствия духа, чтобы отшагнуть в сторону, подняв свой короткий, чтобы парировать удар.

...Как выяснилось, она все же не была готова к его силе. Удар оказался таким мощным, что у нее онемела вся рука от кончиков пальцев до плеча, а зубы застучали друг о друга. Ахнув,

Савин отшатнулась назад, но навстречу уже двигался короткий клинок Горста. Еще удар – и ее длинный клинок вылетел из бесчувственных пальцев и покатился по половицам. Савин принялась вслепую тыкать коротким, позабыв все свое обучение и приемы. Взблеск металла...

Длинный клинок противника хлестнул по ее фехтовальной куртке, выбив из легких весь воздух в одном сиплом, жгучем выдохе. Едва удержавшись на ногах, Савин пошатнулась. Мгновением позже в ее корпус впечаталось плечо Горста. Ее голова резко мотнулась вперед, лицо с хрустом во что-то врезалось – возможно, в его твердую макушку.

...Она что, летит?

...Стена саданула ее сзади, пустая комната завертелась перед глазами, и, к собственному великому удивлению, Савин внезапно оказалась на четвереньках, глядя в пол и недоуменно моргая.

Перед ее лицом по полированному дереву барабанили кровавые капли.

– Ох, – выдохнула она.

Ребра сводило болью при каждом судорожном вдохе, гортань обжигало кислой рвотой. Пальцы безнадежно застряли в гарде короткого клинка, и Савин пришлось несколько раз ошалело взмахнуть кистью, прежде чем клинок со звоном упал на пол. Кожа на тыльных сторонах пальцев была содрана. Она приложила ладонь к пульсирующему рту, отняла и увидела пятно крови. Ее рука тряслась. Ее всю трясло с ног до головы.

Было больно. Ныло лицо, ныло в боку, ныло уязвленное чувство гордости. Но больше всего ее потрясла не боль, а собственная беспомощность. То, насколько неверно она оценивала свои возможности. Покрывало сдернули, и Савин увидела, насколько она на самом деле хрупкая. Насколько хрупок любой человек в сравнении с безжалостной сталью клинка. Мир больше не был тем, что несколько мгновений назад – и тот, прежний, был лучше.

Горст присел возле нее на корточки, сжимая в одной руке иззубренные клинки.

– Должен вас предупредить, что я все же немного сдерживался.

Ей с трудом удалось кивнуть.

– Понятно.

На отцовском лице она не увидела ни следа сожаления. Как он любил говорить, непрерывная боль излечила его от чувства вины.

– Фехтование – это одно, – произнес он. – А настоящий бой – совсем другое. Лишь немногие из нас годятся для насилия. Полезно время от времени освобождаться от наших заблуждений относительно себя, даже если это больно.

Он улыбнулся, глядя, как она вытирает кровь из-под разбитого носа. Савин давно махнула рукой на попытки его понять. Большую часть времени он вел себя так, словно она – единственное, что для него дорого в презираемом им мире. Но потом подворачивался удобный случай – и он обращался с ней как с соперником, которого желал сокрушить.

– Если вас атакует опасный противник и вы видите, что он не шутит, мой совет: бегите. – Горст встал и протянул ей широкую ладонь. – Скорее всего, он рано или поздно сам себя уничтожит.

Он поднял ее и поставил на ноги, колыхавшиеся как желе.

– Спасибо вам, полковник Горст. Это был... очень полезный урок.

Ей хотелось плакать. По крайней мере, этого хотелось ее телу. Но она ему не позволила. Стиснув ноющие челюсти, Савин выставила вперед подбородок.

– На следующей неделе в это же время?

Ее отец закашлялся от смеха и хлопнул ладонью по подлокотнику кресла:

– Так держать, девочка!

Обещания

Броуд лежал без сна, глядя в потолок. На потолке была трещина, рядом с пожелтевшим пятном вздувшейся пузырями побелки. Кажется, он смотрел на нее всю ночь. Смотрел на нее, пока солнце взбиралось на небо над узкими зданиями, путаясь в натянутых между ними бельевых веревках, заглядывая в узкую улочку, сквозь узкое оконце в узкую подвальную комнатушку, где они жили.

Кажется, он смотрел на эту трещину уже не одну неделю, снова и снова гоня в голове по кругу все те же мысли. Дергаясь из-за них, словно речь шла о каком-то важном выборе, который ему предстояло сделать. В то время как все свои выборы он уже сделал, и все они были неправильными, и теперь было уже ничего не изменить.

Он тяжело вздохнул и тут же инстинктивно задержал дыхание. Этот мерзкий масляный привкус в воздухе Вальбека, эта вонь дерьма пополам с луком, навеки поселившаяся в подвале, сколько бы Лидди его ни скребла. Она впиталась в стены. Она впиталась в его кожу.

Снаружи народ уже собирался на работу, за крошечными оконцами возле самого потолка чавкали по грязи ботинки, тени проходящих людей мелькали на покрытой пятнами плесени стене напротив.

– Как твои руки? – сонно спросила Лидди, поворачиваясь к нему на узкой кровати.

Он поморщился, сжал и разжал пальцы.

– Всегда ноют по утрам.

Лидди взяла его большую ладонь в свои маленькие и принялась растирать онемевшие мышцы, застывшие суставы.

– Май уже поднялась?

– Ускользнула с утра пораньше. Не хотела тебя будить.

Так они и лежали рядом: она смотрела на него, он не осмеливался взглянуть на нее. Чтобы не увидеть в ее глазах разочарование. Беспокойство. Страх. Даже если это были его собственное разочарование, беспокойство и страх, отраженные в ее глазах, словно в зеркале.

– Это несправедливо, – прошептал он, обращаясь к трещине на потолке. – У нее должна быть нормальная жизнь. Танцы, ухажеры. А не так вот... ждать, пока тебя подцепит какой-нибудь богатый ублюдок.

– Она не против такой жизни. Помогает, чем может. Она хорошая девочка.

– Она – лучшее, что я сделал за свою жизнь... Единственное, что я сделал хорошего.

– Ты сделал много хорошего, Гуннар. Очень много!

– Ты не знаешь, каково там было, в Стирии. Каким я там был...

– Ну так делай хорошее сейчас. – В голосе Лидди прозвучала нетерпеливая нотка, она в последний раз сжала его ладонь и отпустила. – Ты не можешь изменить прошлое, верно? Только то, что будет дальше.

Броуду хотелось спорить с ней, но было невозможно найти брешь в ее очевидном здравом смысле. Он лежал, угрюмый, слушая стук ботинок и гул раздраженных голосов на улице. На соседнем перекрестке девчонка выкрикивала за медяки плохие новости: хлебный бунт в Хольстгорме, попытка сжечь фабрику в Колоне, мятежи во всех концах Срединных земель... И война – война на Севере.

– Это все я виноват, – пробормотал он, не найдя способа напасть на Лидди и вместо этого переключившись на себя. – Не нужно было идти на войну.

– Я тебя отпустила. И я не уберегла ферму.

– С фермой так или иначе было покончено. Со всей той жизнью. Для вас с Май было бы лучше, если бы я вообще не возвращался.

Она положила твердую ладонь на его щеку. Повернула голову так, чтобы взглянуть ему прямо в глаза:

- Не говори так, Гуннар. Никогда не говори так!
- Я их убил, Лидди, – прошептал он. – Я их убил...

Она промолчала. Что она могла сказать?

– В один момент я все изгадил, – продолжал Броуд. – Хотя что-то я могу не разрушать?
– Нет ничего, чего нельзя разрушить за один момент, – сказала Лидди. – Все постоянно висит на волоске. Но теперь мы должны смотреть вперед. Это все, что нам остается. Двигаться дальше.

- Я все исправлю, – пообещал он. – Я найду здесь работу.
- Конечно, найдешь.

Лидди заставила себя улыбнуться. Кажется, это стоило ей немалых усилий, но улыбка все же появилась на ее лице.

- Ты хороший человек, Гуннар.

Он вздрогнул, чувствуя в носоглотке пощипывающие слезы.

- Больше никаких разборок, – проговорил Броуд, глухо и хрипло. – Я обещаю, Лидди.

Он обнаружил, что его кулаки снова стиснуты, и заставил себя разжать их.

- С этого момента я больше ни во что не ввязываюсь.

– Гуннар, – тихо и серьезно отозвалась она, – не давай обещаний, если не уверен, что сможешь их сдержать.

На их кровать с потолка просыпалась струйка пыли. Дальше по улице, на литейной фабрике, уже запускали машины, от которых начинала трястись вся комната.

* * *

Только завернув за угол, Броуд понял, куда стоит его очередь. Над большими раздвижными дверями склада виднелись позолоченные буквы: «ЭЛЬ КЭДМЕНА», изнутри доносился грохот и гулкие удары. Пивоварня!

Половину времени, проведенного им в Стирии, он был пьян, а в остальное время собирался напиться. Он пообещал не ввязываться в разборки – а для него, как он хорошо знал, разборки скрывались на доньшке каждой бутылки.

Однако в Вальбеке искушения подстерегали на каждом шагу. В каждом втором здании располагалась пивная, закусовая или рюмочная. Одни имели лицензию, другие действовали нелегально; вокруг всегда роились шлюхи, воры и попрошайки, словно мухи вокруг навозной кучи, а если тебе было не добраться до соседней двери, чтобы утопить в спиртном свои горести, то под рукой всегда имелись мальчишки, обегавшие улицы с бочонком на спине, готовые принести тебе пиво на дом.

Так что касательно данного Броудом обещания держаться подальше от разборок пивоварня не предвещала ничего хорошего. Но он вообще пока не встречал в Вальбеке ничего хорошего, а где-то работать было надо. Поэтому он поплотнее запахнул свою куртку, сгорбился под мелким темным дождичком, падавшим с чернильно-темного неба, и передвинулся еще на полшага вперед.

– Как рано ни приходи, все равно здесь очередь, – пожаловался немолодой человек с серым лицом и серыми волосами, в протертой на рукавах куртке.

– В Вальбек стекается все больше и больше народа, и все ищут работу, – пробормотал кто-то другой.

– Да, работа всем нужна. И ее всегда не хватает. А ведь прежде у меня был собственный дом, там, в долине возле Хамбернольта. Знаешь, где это?

- Не сказал бы, – буркнул Броуд, вспоминая свою собственную долину.

Зеленые деревья под легким ветерком... мягкая зеленая трава, щекочущая лодыжки... Он знал, что в памяти все предстает лучше, чем было, что на ферме приходилось тяжело трудиться за мизерное вознаграждение – но по крайней мере там была зелень. В Вальбеке зеленым не было ничего. Не считая, может быть, реки, в которой плавали огромные цветные пятна с красильного производства выше по течению.

– Прекрасная была долина, да, – продолжал нудеть серолицый. – И дом хороший, в лесу, возле речки. У меня там пятеро ребятишек выросло. Я был углежогом – сам понимаешь, вырубал молодняк и пережигал в уголь, и зарабатывал на этом неплохие деньги. Потом вверху долины построили печь и стали производить дешевый уголь, да к тому же всю речку изгадили дегтем... – Он длинно, беспомощно шмыгнул носом. – Цены падали все ниже и ниже. А в конце концов лорд Барезин, будь он проклят, вообще вырубил весь лес – пастбищ ему было мало.

Мимо прогрохотала большая повозка, подняв колесами липкую грязь с дороги и обдав очередь дождем брызг. Люди возмущенно заорали, осыпая возницу ругательствами, возница заорал и принялся осыпать ругательствами их самих, и все передвинулись еще на полшага вперед.

– Мальчишки мои разбежались, занялись своими делами. Один погиб в Стирии. Другой женился где-то под Колоном, как я слышал. Пришлось занимать деньги, дом я свой потерял. Прекрасная была долина...

– Да уж, – пробормотал Броуд. – Однако на прошлом далеко не уедешь.

Его жалость к самому себе была слишком сильной, чтобы получать удовольствие от того, что кто-то рядом испытывает то же самое.

– Это верно, – подхватил серолицый, и Броуд моментально пожалел, что раскрыл рот. – Вот помню, когда я был еще мальчонкой...

– Эй, папаша, а ну-ка заткнул свою долбаную варежку! – рявкнул человек, стоявший в очереди перед Броудом.

Здоровенный ублюдок, на щеке шрам в виде звезды, в ухе не хватает большого куска. Тоже ветеран, конечно же. В его голосе звучал гнев, от которого сердце у Броуда забилось быстрее. Все тело защекоталось от возбуждения.

Серолицый уставился на него.

– Я не хотел никого обидеть...

– Ну вот и заткнись.

Просто молчи. Не лезь куда не просят. К этому моменту можно было бы уже усвоить этот урок, верно? Ему втолковывали его не одну дюжину раз. К тому же, он обещал Лидди – еще нескольких часов не прошло с тех пор, как он обещал. Никаких разборок.

– Оставь его в покое, – прорычал Броуд.

– Что ты сказал?

Броуд стащил с лица стекляшки и аккуратно засунул в карман куртки. Очередь позади хмурающегося лица верзилы расплылась мутным пятном.

– Я все понимаю, ты разочарован, – сказал Броуд. – Тут, наверное, нет никого, кому жизнь выдала бы то, на что он надеялся, как ты думаешь?

– Тебе-то что за дело до моих надежд?

Броуду потребовалось все присутствие духа, чтобы не разбить ублюдку череп. Но он обещал Лидди. Поэтому он просто шагнул вперед, так что слюна с его оскаленных зубов полетела на обезображенную шрамом щеку незнакомца:

– Про твои надежды я знаю только, что едва ли хоть одна из них сбудется. – Он поднял кулак, показал пальцем другой руки: – А теперь повернись. Пока я не проломил эту стену твоей гребаной башкой.

Шрам на щеке верзилы задергался, и на какое-то мгновение Броуд был уверен, что драки не избежать. На одно восхитительное мгновение он ощутил, что может перестать сдержи-

ваться, может отпустить себя. Первое мгновение свободы с тех пор, как он вернулся из Стирии. Ну, не считая того, когда он перепахал рожу Леннарту Селдому.

Потом налитые кровью глаза его противника остановились на его кулаке. Разглядели татуировку на тыльной стороне костяшек. Верзила что-то буркнул и повернулся спиной. Какое-то время он стоял, переступая с ноги на ногу, потом подтянул повыше свой потрепанный воротник, вышел из очереди и зашагал прочь.

– Спасибо вам! – сказал ему серолицый, двигая кадыком на жилистой шее. – Немного осталось людей, готовых поступить по совести.

– По совести... – Броуд скривился, заставив себя разжать пальцы. Кажется, они не болели только тогда, когда он сжимал кулаки. – Я уже и не знаю, что это такое.

Ему доводилось видеть в конце таких вот очередей кучу самых разных людей – людей, решавших, кто получит работу, а кто не получит ничего. Большинству из них рано или поздно начинает нравиться смотреть, как люди корчатся. То же самое было с офицерами в Стирии. Очень редко попадаются люди, которых делает лучше выпавший им на долю кусочек власти.

Впрочем, мастер, сидевший перед воротами «Эля Кэдмена», выглядел одним из приличных экземпляров. Он расположился под небольшим навесом, на столе перед ним лежал толстый гроссбух. Седовласый, грузный, каждое движение медленное и точное, словно он никуда не спешил и всякий раз высчитывал самый правильный способ его сделать.

– Меня зовут Гуннар Бык, – солгал Броуд.

Лгать он не умел, и у него было ощущение, что бригадир сразу же его раскусил.

– Я Малмер. – Он окинул Броуда внимательным взглядом с головы до ног. – С пивоварнями когда-нибудь имел дело?

– Все больше с их продукцией. За эти годы я выпил немало... – Броуд несмело ухмыльнулся, но Малмер, очевидно, не собирался отвечать на шутку. – Опыта работы нет, это верно.

Малмер молча склонил голову, словно разочарования уже не были для него новостью.

– Но работать я умею, сколько угодно! – В эту неделю он проработал, наверное, не больше двух часов, выгребая навоз с конюшни. Это было третье место, куда он попытался сунуться за сегодняшний день. Он просто не мог вернуться домой с пустыми руками. – Могу кидать уголь, или мыть полы, или... или... в общем, все, что понадобится. Отлынивать не буду, обещаю!

Малмер скупо и печально улыбнулся ему:

– Обещания дешево стоят, дружок...

– Чтоб меня черти обосрала! Никак это сержант Броуд?

Из пивоварни появился худой мужчина с песочного цвета бородой, в покрытом пятнами переднике, и не спеша направился к ним, оперев руки в бока. Его лицо было знакомо Броуду, но ему далеко не сразу удалось выловить из памяти, где он его видел прежде, и найти для него место в том мире, где он жил теперь.

– Сарлби?

– Это же Бык Броуд! – Сарлби ухватил руку Броуда и принялся трясти вверх-вниз, словно пытался накачать воду тугой помпой. – Помнишь, Малмер, я тебе о нем рассказывал? Я дрался с ним в Стирии! В смысле, дрался рядом – потому что драться с ним я бы и врагу не пожелал.

Малмер откинулся назад, снова окидывая Броуда своим внимательным взглядом.

– Ты так много рассказывал о Стирии, что я, должен сознаться, в какой-то момент перестал слушать.

– Ну так самая пора начать, черт возьми, потому что это один из лучших людей, кого я знаю! Был первым на осадных лестницах при Борлетте! По крайней мере, первым, кого не скинули вниз. Он все время был первым. Сколько раз? Пять?

Он схватил Броуда за запястье и отодвинул рукав так, чтобы стали видны звезды на его костяшках.

– Вот на это вот глянь! – Он говорил так, словно хвастался каким-нибудь диковинным овощем, выросшим на его грядке. – Ты только глянь, мать его растак!

Броуд вырвал у него руку и засунул ее поглубже в рукав.

– Я покончил со всем этим.

– Насколько я знаю, прошлое редко остается далеко позади, – заметил Малмер. – Ты ручаешься за него?

– Как будто любой из тех, кто с ним служил, не поручится за него десять раз. Гребаные Судьбы мне свидетели, конечно, я за него ручаюсь!

– В таком случае ты нанят.

Малмер окунул перо в чернильницу, неспешно постучал, сбивая лишние капли, и занес над своим гроссбухом:

– Итак... Бык? Или Броуд?

– Гуннар Бык, – сказал Броуд. – Запиши меня так.

– Адрес?

– Мы живем в подвале на Тележной улице. У тамошних домов нет номеров.

– Ты живешь в подвалах? – Сарлби с отвращением покачал головой. – Ну ничего, мы тебя оттуда вытащим, не волнуйся.

Он по-дружески обхватил Броуда рукой за плечи и повел сквозь шумное, полное крепких запахов тепло пивоварни.

– Вообще, какого черта ты здесь делаешь? У тебя вроде где-то была своя ферма?

– Пришлось продать, – буркнул Броуд, неловко, как всегда, когда он лгал.

Но Сарлби только улыбнулся:

– Проблемы, а?

– Да, – проскрипел Броуд. – Есть немного.

– Не хочешь глотнуть? – предложил Сарлби, протягивая ему фляжку.

Говоря откровенно, Броуд хотел. И гораздо сильнее, чем требовало благоразумие. Приложив усилие, он заставил себя выдавить:

– Лучше не стоит. Я ведь если глотну, уже не остановлюсь.

– В Стирии, помнится, ты не был таким скромным, – заметил Сарлби, запрокидывая фляжку.

– Стараюсь не повторять своих ошибок.

– А я вот только этим и занимаюсь, черт меня подери! Как тебе Вальбек?

– Ну так... вроде ничего.

– Гребаный отстойник. Гребаная мясорубка. Гребаная дыра – вот что это такое!

– Да уж. – Броуд надул щеки. – И правда дыра.

– Все это хорошо для богатеев, там, на вершине холма, а что получаем мы? Мы, которые воевали за свою страну! Сточные каналы. По три семьи на одну комнату. Улицы завалены дерьмом. Сильные жрут слабых. А ведь было время, когда народ старался поступать по справедливости!

– Это когда это?

Но Сарлби его не слушал.

– Теперь человека ценят только по тому, сколько он сможет горбатиться. Мы для них – просто шелуха; выскребли и выбросили! Винтики в большой машине! Но есть, есть такие люди, кто пытается сделать как лучше...

Броуд поднял бровь:

– Сколько я знаю, те, кто много болтают о том, чтобы сделать как лучше, в результате делают только еще хуже, чем было.

Это Сарлби тоже оставил без внимания. У него всегда был талант не слышать того, чего он не хотел слышать. Может быть, все люди такие.

– Знаешь, кто такие ломатели? – спросил он, наклонившись к Броуду, словно чтобы поделиться секретом.

– Это какие-то бандиты, верно? Ломают машины, сжигают фабрики. Говорят, они все изменники.

– Так говорят только гребаные инквизиторы. – Сарлби сплюнул на припорошенную опилками землю. Плеваться он тоже всегда был мастер. – Ломатели собираются все изменить! Они не просто ломают машины, Броуд, – они разбивают цепи! Твои и мои.

– На мне никаких цепей нет.

– Это мне говорит человек, живущий в подвале на Тележной улице! Речь не о том, что у тебя цепи на руках или ногах, Броуд. Я говорю о цепях, которые сковывают твой рассудок. Сковывают твоё будущее! Будущее твоих детей! Все наши хозяева будут низложены – все те, кто жирел на нашем поту и наших страданиях. Все эти лорды и леди, короли и принцы. – Глаза Сарлби возбужденно поблескивали при виде приближающегося в его воображении светлого будущего. – Больше никаких богатых старых ублюдков, говорящих нам, как мы будем жить! Каждый сможет сам решать, как им будут управлять. Каждый будет иметь право голоса!

– А короля, что же, больше не будет?

– Каждый сам будет королем!

Были времена, когда Броуд назвал бы такие речи изменой, но его патриотические чувства за последнюю пару лет получили серьезную трепку. Теперь это казалось ему просто бесплодными мечтаниями.

– Не уверен, что во мне достаточно материала на короля, – пробормотал он. – Я не хочу неприятностей, Сарлби. У меня их и так по горло.

– Есть люди, рожденные для неприятностей, Бык! Ты всегда смотрелся лучше со стиснутыми кулаками.

Броуд скривился:

– Для кого лучше, а для кого и хуже.

– Ты же был там, на стенах. Ты знаешь, каково это. За все, что чего-то стоит, нужно драться!

Ощерясь, Сарлби саданул кулаком в воздух. На тыльной стороне его руки была татуировка лестничника, такая же, как у самого Броуда.

– Может, и так... – Броуд ощутил щекотку возбуждения, струйку радости, но оттолкнул их, запихнул свою татуированную руку подальше в рукав, насколько только мог. – Но для меня драк уже достаточно.

Он дал Лидди свое слово. На этот раз он собирался сдержать его.

Удар за простого человека

– Все готово? – спросил Сибальт.

Даже в темноте Вик ощущала, как он взвинчен, и это не помогало ей самой избавиться от напряженности.

Она взглянула вверх, на Мура, чей могучий силуэт виднелся на козлах повозки с вожжами в руках. Она бросила взгляд на Огарка – мальчик сидел рядом с Муром, по его мешковатому плащу сбегали дождевые капли. Ей снова захотелось спросить, точно ли они хотят это делать. Однако... есть время, когда от сомнений может быть какой-то прок. Время, когда можно взвесить все риски и последствия. Потом приходит момент – момент, который ты можешь даже не заметить, – и становится слишком поздно. Дальше ты должен просто выполнять задуманное, отдавать всего себя, не оглядываясь назад.

– Все готово, – произнесла она. – Двинулись.

Гриз ухватила ее за руку в темноте.

– А как насчет этих? – Она дернула головой в сторону двоих ночных сторожей, чьи потрепанные фигуры виднелись по обе стороны от ворот литейной. Их лица были прочерчены резкими тенями от их собственных фонарей.

– Им заплатили.

– Что? Ты *заплатила* этим ублюдкам?

– Проще убедить человека золотом, чем сталью, и в итоге это почти всегда выходит дешевле.

Прежде, чем Гриз успела ответить, Вик бросилась через улицу, низко опустив голову и подняв воротник. Она бросила взгляд в одну и другую сторону, но морось играла им на руку – улочка была почти безлюдной.

Кровь грохотала у нее в ушах, когда она подходила к воротам. Страх подполз к горлу, так что ей хотелось пуститься бегом, хотелось закричать. Но Вик сказала себе, что бывала в переделках и похуже – и знала, что это так. Она постаралась дышать глубже, шагать медленнее.

– Доставка для вас, – сказала она, сама поразившись тому, насколько спокойно прозвучал ее голос.

Один из ночных сторожей поднял фонарь, чтобы взглянуть на нее, и Вик сощурилась от яркого света. Сторож стукнул в ворота, и с той стороны послышался грохот поднимаемого засова. Доставки здесь принимали круглые сутки. Ничего особенно примечательного.

– Давай! – крикнула Вик, и Мур, тряхнув вожжами, тронулся с места.

Повозка пересекла грязную улочку и оказалась посреди темного двора. Возле стен, поблескивая от влаги, мрачными призраками маячили груды угля и штабеля досок. Из темноты выдвинулась стена мастерской, подобная неприступному утесу; за окнами металась яростная сполохи горнов.

Мур тихо окликнул битюга, тащившего повозку, выставил тормоз и передал вожжи Огарку. Сибальт слез с задней стороны, обтирая руки о свой кожаный фартук.

– Пока что все идет как надо, – вполголоса заметил он, подходя вместе с Вик к огромной двери литейной мастерской.

– Пока что, – отозвалась она.

Большой амбарный замок был оставлен незапертым, и она сняла его со щеколды, потом крепко взялась за огромную дверную ручку – ее руки рядом с руками Сибальта. Вместе они навалились на дверь, загремели колеса, и высокая створка поехала назад.

Их обдало потоком идущего изнутри тепла. Горны, машины, плавильные печи все еще светились приветливым оранжевым сиянием. Здесь никогда не бывало ни по-настоящему

холодно, ни по-настоящему темно. В сумраке Вик различала черные очертания несущих металлических конструкций. Скелет здания. Опоры, под которые они подложат свой порошок.

Она пошла обратно к фургону, оставив Сибальта открывать дверь до конца. Гриз уже сняла веревки с брезента и стаскивала его с накрытых им бочонков.

– Отлично, – свистящим шепотом сказала ей Вик. – Давай вот этот первый...

Двор затопило светом, и они замерли, ослепленно моргая. По всему периметру двора внезапно открылись потайные светильники, зафиксировав каждого на его месте. Гриз возле задка повозки, с веревкой в руках. Мура, уже запустившего пальцы под доньшко первого бочонка. Огарка с вожжами в руках, с глазами, большими, как плоски. Сибальта в широком проеме двери литейной.

В одно мгновение все их планы превратились в дерьмо.

– Стой! – проревел чей-то голос. – Именем его величества!

Здоровенный битюг испуганно рванул с места, со скрежетом протаскивая стоящий на тормозе фургон на несколько шагов вперед. От рывка Гриз свалилась с борта повозки.

Мур встал, отпустив бочонок и хватаясь за боевой топор.

Огарок издал пронзительный визг – в нем даже не было слов.

Послышалось какое-то клацанье, шорох в воздухе. Арбалетные стрелы глухо застучали в стенку фургона. И в грудь Мура.

Вик уже бежала со всех ног. Ухватив Сибальта, она втащила его внутрь литейной. Они принялись петлять между машинами, тележками, ограждениями, выскакивающими на них в освещенном тусклыми огнями полумраке. Сибальт поскользнулся, ахнул и полетел вперед, цепляясь за какие-то ящики; по каменному полу с грохотом и звоном покатались металлические детали.

Едва не упав сама, она помогла ему подняться, втащила на ноги; слышно было только хриплое, свистящее дыхание обоих. Потом в высоте над ними послышались гулкие шлепки ног по крыше. Обернувшись, Вик увидела поблескивающие огни, мечущиеся тени, из темноты доносились крики.

Она ахнула: что-то поймало ее за голову. Свисающая сверху цепь на ее пути. Еще несколько шагов, и Сибальт ухватил ее за локоть и потащил вниз, в залитое тенью пространство между двумя громадными железными баками. Она хотела спросить, в чем дело, но в этот момент увидела огни впереди. Услышала шаги. Их обходили с двух сторон!

– Нас ждали, – прошептал Сибальт. – Знали, что мы придем.

– Кто им сказал? – прошипела в ответ Вик.

Его лицо в слабом отсвете печей выглядело как-то необычно. Она привыкла видеть Сибальта отягощенного заботами. Теперь же он казался человеком, сбросившим с плеч ношу. Взглянув вниз, Вик обнаружила, что он держит в руке кинжал. Лезвие отблескивало оранжевым. Она инстинктивно отодвинулась.

– Ты ведь не думаешь, что это я, верно?

– Нет. Но это не имеет значения.

– Давайте, ублюдки! Ну-ка, возьмите меня! – послышался вопль Гриз где-то неподалеку.

– Ты сама сказала: стоит попасться им в лапы, и заговорит любой, – вполголоса произнес Сибальт. – Прости, что оставляю тебя в такой неподходящий момент.

– О чем это ты?

Ее голос больше не был спокойным. Сибальт улыбнулся ей своей скупой, печальной улыбкой:

– Жаль, что мы не встретились раньше. Все могло бы быть по-другому. Однако когда приходит время... ты должен показать, чего ты стоишь.

И он вогнал кинжал в собственную шею.

– Нет! – свистящим шепотом закричала она. – Нет, нет, нет!

Она попыталась зажать ладонями его шею, но в ней зияла огромная рана, из которой хлестала черная кровь. Что она могла? Ее руки уже были липкими по локоть, штаны намokли в крови, расплывавшейся огромной теплой лужей.

Сибальт глядел на нее снизу вверх, черная пена пузырилась на его губах, в его ноздрях. Может быть, он пытался еще что-то донести до нее – выразить сожаление или надежду, сказать, что прощает, или обвинить. Узнать было уже невозможно.

Вопли Гриз превратились в нечленораздельный визг, затем в глухое мычание. Звуки, которые человек издает, когда ему на голову натягивают мешок.

Глаза Сибальта уже остекленели, и Вик отпустила его сочащуюся кровью шею. Прислонилась спиной к железной стенке, еще горячей после дневной работы, свесила по бокам красные руки.

Там ее и нашли практики инквизиции.

Знать стрелу

Рикке с треском ломилась вниз по склону; деревья и небеса подпрыгивали по сторонам. Все их продуманные планы остались позади, отброшенные вместе с ее плащом и луком. Вот в чем беда с планами: не многие из них остаются при тебе, когда ты удираешь сквозь ливень от своры собак. Мокрая колючая ветка ухватила ее за лодыжку, дернула; Рикке пошатнулась, запрыгала с ноги на ногу с воем, оборвавшимся, когда она врезалась лицом в ствол дерева, упала и беспомощно покатила через колючие кусты, переворачиваясь снова и снова, взвизгивая на каждой кочке и наконец с протяжным стоном въехав лицом в кучу намочшей старой листвы.

Она подняла голову и увидела пару больших сапог. Она посмотрела еще выше: в сапогах стоял человек и смотрел на нее сверху вниз с выражением скорее озадаченным, чем торжествующим.

– Впечатляющий выход, – проговорил он.

Человек не был высоким, но плотным, словно древесный ствол: широкий мясистый корпус, широкие мясистые предплечья, широкая мясистая шея и скулы. Он стоял, заткнув большие пальцы за потертую португепю. Должно быть, ростом он был не выше Рикке, но весил наверняка вдвое больше. Одна его щека была вся искорежена старым шрамом.

Выплюнув набившиеся в рот обрывки листьев, она прошептала:

– Б...дь...

Однако вместо того, чтобы схватить ее за глотку, человек отступил назад и поклонился.

– Прошу! – он простер широкую ладонь, приглашая ее следовать дальше, словно один из тех модных лакеев, которых она видела в Остенгорме.

Не было времени раздумывать над неожиданным подарком, только ухватиться за него обеими руками.

– Спасибо, – просипела она, снова взбираясь на ноги.

Во рту стоял вкус крови. Пропитавшаяся влагой рубашка была безнадежно изорвана колючками, поэтому Рикке высвободилась из нее, оставшись в одной безрукавке. Пошатываясь и хватая ртом воздух, она кинулась дальше.

Позади слышался собачий лай. Рикке то и дело бросала взгляды через плечо, на смутные тени, пляшущие в иссеченном дождем лесу, с каждым неверным шагом ожидая, что собачьи зубы вот-вот вцепятся в ее задницу и она окажется на земле. Впереди кто-то ломился сквозь лес. Она услышала крик Изерн:

– Рикке? Ты там?

– Да... – выдавила она. – Я тут... рядом!

Между стволами замелькали просветы, деревья расступились. Рикке ощутила головокружительный прилив облегчения – как обычно, тут же сменившийся ужасом. Сверху они видели прореху в лесном покрове и решили, что там может быть река. Однако сквозь завесу дождя не было никакой возможности разглядеть, что река в этом месте текла по дну глубокого ущелья.

Теперь она это видела. Каменистый край, обросший вялой бахромой травы, с несколькими цепляющимися за него чахлыми деревцами; внизу – грохочущий, взбивающий белую пену поток.

Рикке увидела, как Изерн прыгает, выгнув спину в воздухе, подняв над головой копьё. Увидела, как она перелетает через расселину – четыре жутких шага, не меньше, – перекачивается по влажному мху и цепкому папоротнику на дальней стороне и ловко поднимается на ноги.

На мгновение Рикке подумала о том, чтобы остановиться. Потом подумала о том, как будет себя чувствовать под конем Стура Сумрака, и внезапно перспектива размазаться в кашу по дну долины показалась не самым плохим вариантом. В любом случае, остановиться сейчас

уже вряд ли бы получилось: она неслась на полной скорости по крутому и скользкому склону. Разогнавшись вместо этого еще больше, со вздымающейся грудью и клацающими зубами, она положила на удачу – пусть даже в последнее время удача ее не очень-то баловала.

Она вылетела из-за деревьев, и перед ней разверзлось ущелье; мелькнул образ зазубренных скал, круто падающих вниз, к белой кипящей воде.

Ей удалось ступить на твердое место на краю, что было удачно, и как следует оттолкнуться правой ногой, что тоже было неплохо. Да и прыжок получился недурной: холодный ветер, врывающийся в распахнутый рот, секущие капли дождя на лице...

Вот только приземляться она начала слишком быстро. Наверное, если бы за этот день ей предоставился случай хоть немного поесть, у нее было бы больше прыгучести. Но случая не предоставилось. Она замолотила руками по воздуху, словно надеялась подтащить себя ближе к цели, но падение становилось все быстрее, и не требовался Долгий Взгляд, чтобы понять, что до берега она не долетит.

Вот она, ужасная справедливость земли: любой, кто прыгнул в воздух, рано или поздно встретится с ней.

На нее налетела стена скользких камней.

– Ох, ма...

Земля врезалась ей в живот, выбив из легких весь воздух одним силным фонтанирующим выдохом. Рикке отчаянно хваталась за мокрые листья, мокрые корни, мокрую траву; ни сил, ни дыхания не оставалось; она неумолимо съезжала вниз, цепляясь бесполезными ногтями, и земля сыпалась ей в глаза с края обрыва.

Потом на ее запястье сомкнулись пальцы Изерн. Лицо горянки показалось наверху, искаженное яростным усилием: на губах побелевший шрам, язык втиснут в дыру между сжатыми зубами. Рикке простонала, чувствуя, как натянулись мышцы плеча; рука, казалось, была готова вот-вот оторваться.

Наверное, в этот момент она должна была попросить Изерн отпустить ее – красивый драматический жест, времени как раз хватит, чтобы пролить слезу, прежде чем ухнуть вниз навстречу зловещему року, – однако это работает совсем не так, когда Великий Уравнитель дышит тебе в затылок. Рикке ухватила за жилистую руку горянки, словно утопающий за мачту тонущего корабля, задыхаясь, плюясь и дрыгаясь так, что они обе могли в любой момент полететь на дно ущелья.

– Черт! Ты тяжелее, чем... а!

Что-то промелькнуло рядом, и Изерн, фыркнув, дернула со всей мочи. Болтающаяся в воздухе нога Рикке нашарила камень, и ей удалось выпихнуть себя наверх. Набрал наконец воздуха в саднящую грудь и зарывчав, она толкнулась еще раз, и Изерн упала на спину, втащив Рикке поверх себя. В обнимку они откатились в мокрый кустарник.

– Двинься!

Изерн, шатаясь, поднялась, снова упала, проползла несколько шагов, волоча рядом свое копье вместе с пучком выдернутой травы. Из ее ноги торчала стрела. Рикке видела окровавленный наконечник, высывающийся сзади из ее бедра.

Она оглянулась через плечо и сквозь ослабевающий дождь увидела собак, твякающих, рычащих, мечущихся по краю ущелья – и в нескольких шагах выше них, среди деревьев, человека, опустившегося на одно колено. Достаточно близко, чтобы разглядеть его хмурое перепачканное лицо, истрепанный край его стрелковой перчатки, натянутый лук в его руке.

Ее глаза расширились – и вдруг один вспыхнул огнем. Он жег, словно в ее череп засунули тлеющий уголь.

Она услышала шелчок спущенной тетивы.

Она увидела стрелу.

Но она увидела ее Долгим Взглядом.

И на какое-то мгновение, словно закатное солнце, заливавшее сиянием ее комнату, когда ставни были распахнуты, в нее нахлынул поток абсолютного знания об этой стреле.

Рикке увидела, где находится эта стрела и что она собой представляет; чем она была и где ей предстоит быть.

Увидела рождение этой стрелы – стиснувшего зубы кузнеца, кующего наконечник; оттопившего языком щеку стрелодела, аккуратно подстригающего перья.

Увидела, какой конец ждет эту стрелу – прогнившее древко, наконечник, осыпавшийся хлопьями ржавчины среди колючего кустарника.

Увидела ее в колчане, повешенном на изножье кровати, пока стрелок целовал на прощанье свою жену по имени Риам и желал, чтобы сломанный палец на ее ноге благополучно сросся.

Увидела, как ее сверкающее острие прорезает падающую дождевую каплю, разбивая ее на облако сияющих пылинок.

С абсолютной уверенностью она узнала, где эта стрела будет находиться в любой из моментов. Поэтому она выбросила руку в сторону, и когда стрела подлетела к месту соприкосновения – а Рикке знала, что иначе и не могло быть, – для нее было проще простого слегка подтолкнуть ее. Всего лишь чуть-чуть прикоснуться пальцем, так что стрела миновала Изерн, хромающую прочь от обрыва, и улетела в деревья, не причинив никому вреда, один раз отскочив от ствола и успокоившись в подлеске, на своем месте, единственном, где она могла оказаться – том самом, где Рикке видела ее, гниющую среди кустарника.

– Клянусь мертвыми! – выдохнула Рикке, уставясь на свою руку.

На кончике указательного пальца набухла капелька крови – очевидно, наконечник стрелы все же оцарапал его. Рикке затрясло мелкой дрожью с головы до ног. До этого момента она не верила до конца – даже тогда, когда увидела горящий Уфрис, в точности как в ее видении. Но теперь больше нельзя было отрицать очевидное.

Она действительно обладала Долгим Взглядом.

Глаз был все еще теплым и пульсировал посреди ее влажного, липкого лица. Она поглядела на стрелка: тот тоже смотрел на нее, его брови потрясенно взъехали на лоб, рот открывался все шире и шире.

Ее грудь распирало радостным, изумленным смехом, вспухающим, словно пузырь, при мысли о совершенном ею невозможном действии. Вскинув кулак, Рикке завопила:

– Передавай мой привет Риам! Надеюсь, ее палец срастется!

И она стремглав ринулась следом за Изерн, подхватила ее под мышку и потащила дальше в гущу намокших деревьев.

Однако прежде она успела заметить в сотне шагов выше по течению веревочный мост, прыгающий и извивающийся под тяжестью спешащих по нему людей. Блестел намокший под дождем отточенный металл. Было трудно сказать, сколько там было людей. Достаточно – вот сколько. Рикке ощутила, как радость знания стрелы вытесняется из нее этим новым пониманием.

– Пошли, – прошипела она сквозь зубы.

Они побрели дальше через густые, намокшие, цепкие кусты. Изерн упала и выругалась. Рикке помогла ей подняться, но та двигалась чересчур медленно. Ее одежда отяжелела от сырости, нога волочилась по грязи.

– Иди! – рывкнула она. – Я пойду следом.

– Ну уж нет, – возразила Рикке, продолжая тащить ее вперед.

Ей показалось, что она услышала позади звуки схватки – крики людей, собачий визг, лягг и скрежет металла. Деревья отражали звуки, так что они доносились одновременно отовсюду и ниоткуда. Ветки хлестали в лицо, и Рикке отталкивала их руками, пока не проломилась насквозь, оказавшись на болотистой лужайке. Дождь приутих, сменившись мелкой моро-

сю. Впереди вздымалась неровная, заросшая мхом скальная стенка, скользкая от стекающей сверху воды.

– Давай! – Изерн обернулась к лесу, зарывав от боли, когда ее раненая нога подогнулась и она соскользнула вбок. – Полезай наверх!

– Нет, – сказала Рикке. – Я тебя не оставлю.

– Лучше пусть хоть одна из нас останется в живых. Полезай!

– Нет.

Кто-то ломился через заросли в их направлении. Кто-то большой.

– Тогда встань позади меня.

Изерн пихнула Рикке назад, но сама она могла стоять, только опираясь на копьё. Драться ей сегодня не светило. Во всяком случае, победить в драке.

– Я уже достаточно пряталась за твоей спиной. – Как ни странно, Рикке больше не чувствовала себя испуганной. – И вообще, скалолаз из меня никакой.

Она отцепила пальцы Изерн от древка копьё и помогла ей прислониться к скале.

– Пора уже и мне занять место впереди.

– Мы обречены, – проговорила Изерн. Ее окровавленная нога затряслась, и она сползла на землю.

Крепко сжав копьё, Рикке направила его в сторону деревьев, не зная, что лучше: продолжать держаться за него, когда появятся враги, или метнуть в них. Вот бы ее Долгий Взгляд снова раскрылся, так, чтобы можно было не гадать.

Она снова вспомнила голос Сумрака на берегу над собой, когда они прятались в ручье. Ее кишки в шкатулке с ароматическими травами, чтобы ее отец не почувствовал запах, пока не откроет крышку.

– Сюда, сучьи дети! – завопила она, брызгая слюной. – Я жду!

Послышался шорох мокрых листьев, и на лужайку вышел человек. Здоровенный, в поношенной, запачканной куртке. В одной руке – изрубленный щит, в другой – меч с серебряной буквой возле эфеса. Даже сквозь завесу длинных седых волос, свисающих на его лицо, Рикке видела ужасный шрам, проходящий от лба через бровь и поперек щеки до угла рта, и обезображенную левую глазницу, в которой не было глаза. Вместо него там поблескивал шар мертвого металла, отражая лучи пробившегося сквозь облака солнца.

Увидев их двоих, окровавленных, жмущихся к отвесной скале, он приподнял брови. По крайней мере, одну бровь – вторая, сожженная, только слегка дернулась. Потом он заговорил. Его голос звучал словно скрежет мельничного жернова:

– Вот вы где. А я-то вас ищу.

Какое-то мгновение Рикке просто стояла, уставившись на него. Потом сделала шаг к нему, издав долгий судорожный вздох – и наконец отбросила копьё в траву и обхватила его обеими руками.

– Ты, мать твою, не торопился, Коул Трясучка! – буркнула Изерн сквозь сжатые зубы. – Ребята Сумрака устроили на нас охоту.

– О них можешь не беспокоиться. – Только тут Рикке увидела, что его меч весь перемазан кровью. Трясучка всегда умел сказать многое немногими словами. – Идти можешь?

– Если бы не стрела, – прошипела Изерн, – я бы нарезала круги вокруг тебя!

– Не сомневаюсь. – Трясучка надул щеки, усеянные серебристой щетиной, и присел возле нее на корточки. – Но стрела вон она, торчит.

И он потыкал в нее толстым пальцем, заставив Изерн скривиться от боли.

– Я не позволю тебе тащить меня на спине! – прорычала она.

– Верь или нет, но в моем списке желаний это тоже не значит. – Трясучка просунул меч в петлю на ремне. – Однако, если перед тобой дело, то лучше сделать его...

– ... чем жить в страхе перед ним, – закончила Рикке. Это было одно из любимых высказываний ее отца.

Трясучка взял Изерн за запястье, поднял на ноги и взвалил себе на плечо так, словно она не весила вообще ничего. Учтывая, сколько они ели в последние дни, возможно, так оно и было.

– Гребаная непочтительность! – проворчала Изерн в спину Трясучке, уже принявшемуся шагать.

– А как насчет меня? – спросила Рикке.

Теперь, когда она оказалась в относительной безопасности, вся ее сила куда-то утекла; ее лицо подергивалось, колени тряслись, и она чувствовала себя так, словно в любой момент может рухнуть и больше уже не подняться.

– Ты всегда любила понуть, – качнул головой Трясучка. – Пойдем. Твой отец тебя заждался.

Проводить время и терять время

– Ты никогда не думал, что, может быть, слишком много пьешь? – спросила Чудесница. Клевер причмокнул.

– Если бы я пил слишком много, я бы это чувствовал. А я, сколько ни пью, каждый раз нахожу, что выпито ровно столько, сколько мне надо.

Он протянул ей бутылку. Она покачала головой:

– Пьяницы всегда так говорят.

Клевер устремил на нее оскорбленный взгляд.

– Равно как и абсолютные трезвенники.

Оскорбленный взгляд ему замечательно удавался. Много лет практики.

– Я чувствую себя оскорбленным! – заявил он. – Ты хоть раз видела, чтобы я проиграл в поединке из-за того, что слишком много выпил?

– Я вообще никогда не видела, чтобы ты дрался в поединке.

Клевер шлепком загнал пробку обратно в горлышко.

– Явный признак разумного питья, нагляднее не бывает.

– Что ж, на твоём месте я бы по крайней мере постаралась выглядеть трезвой. – Чудесница подняла бровь, указывая на дорогу. – Приближается Большой Волк.

И он действительно приближался – с большой помпой. Походка одновременно целеустремленная и небрежная, чело убедительно изборождено морщинами, за спиной стая его насупленных приятелей, разгоняющих бондов со своего пути, словно кур на дворе фермы. При той влажности, что все еще висела в воздухе, было удивительно, что от них не шел пар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.